

Кира
РАЙТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДЫШИ
СО МНОЙ
В плену у зверя

Кира РАЙТ
Дыши со мной. В плену у зверя
Серия «В плену у зверя», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67815020

SelfPub; 2023

Аннотация

Я нашёл её в клетках для подопытных лаборатории своего отца. И это изменило всю мою жизнь. Потеряв надежду построить нормальную семью и получить наследников, я обрёл новый смысл – стереть с лица земли каждого, кто приложил руку к тому, чтобы сломать её. Мою маленькую пару...

Хотя в этом была и моя вина тоже.

Герои на момент данных событий являются совершеннолетними. Книга содержит описание сцен жестокости, но ХЭ обязателен.

Третья книга серии "В плену у зверя". Главные герои предыдущих двух книг встречаются здесь как второстепенные, но историю можно читать отдельно.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	44
Глава 8	50
Глава 9	57
Глава 10	64
Глава 11	70
Глава 12	77
Глава 13	85
Глава 14	92
Глава 15	99
Глава 16	106
Глава 17	114
Глава 18	119
Глава 19	126
Глава 20	134
Глава 21	140
Глава 22	149
Глава 23	157

Глава 24	167
Глава 25	178
Глава 26	188
Глава 27	198
Глава 28	208
Глава 29	215
Глава 30	224
Глава 31	235
Глава 32	242
Глава 33	249
Глава 34	258
Глава 35	266
Глава 36	276
Глава 37	287
Глава 38	295
Глава 39	303
Глава 40	311
Глава 41	318
Глава 42	326
Глава 43	336
Глава 44	343
Глава 45	351
Глава 46	357
Глава 47	365
Глава 48	369

Кира РАЙТ

Дыши со мной.

В плену у зверя

Глава 1

Я увидел её в одной из клеток лаборатории отца, которую он создал примерно полтора года назад вместе со стаей черных волков. И первое, на что обратил внимание – её огромные глаза, наполненные страхом и болью. Потом – на выступающие даже сквозь больничную одежду тонкие ключицы. А ещё на то, что она была совсем девочкой...

Отец заметил мой интерес и ухмыльнулся.

– Только не говори, что нравится этот суповой набор.

Я скривился. И едва заставил себя отвести от неё взгляд, чтобы он ничего не заподозрил. Но в голове так и звенели его грубые слова, которыми он обозвал её.

Всех моих сил стоило продолжить вести себя невозмутимо, хотя в большей степени, чем его слова, меня задевало собственное желание пойти к ней прямо сейчас.

– Просто не думал, что вы ставите опыты над детьми.

– Какими детьми, – хрипло рассмеялся отец, будто я сказал очень смешную шутку, – если только теми, которые ста-

ли потомством подопытных...

Никогда мне не привыкнуть к тому, что живых людей и оборотней мой отец считает «подопытными» и ничем более. Словно говорит о гусеницах, на которых ставит эксперимент.

Пока я говорил с ним о делах прайда, между лопаток ощущал взгляд её бездонных испуганных глаз. Она точно смотрела на меня. Я чувствовал. И понимал, *почему* чувствую.

Когда обернулся, девочка резко опустила голову и обняла себя за плечи. Она так и продолжала сидеть на полу клетки, не шелохнувшись больше.

– Хочешь её? – спросил отец так запросто, будто предлагал мне перекусить в кафе. – Не стесняйся. Можешь взять тут любую. Только не повреди сильно.

В моей голове вереницей пролетели возможные варианты развития событий. Если я откажусь, он точно заподозрит неладное, с учетом того, что мой интерес к ней заметен был бы и слепому. Если соглашусь... Отец знал, что я против лаборатории, но возможно это могло бы убедить его, что если я получу что-то от неё, то и осуждать не стану. Может эта мысль отвлечёт его от моих неосторожно показанных чувств.

– Попробую разок, – как можно более безразлично хмыкнул я, хотя хотел ударить его.

Он кивнул одному из сотрудников на неё и потом указал на дверь неподалеку. И далее я был вынужден смотреть, как тот входит в её клетку, поднимает её за плечо и тянет на выход. Она украдкой кидает на меня беспомощный взгляд, но

тут же вновь опускает голову. Однако я успеваю заметить в глазах отчаяние, когда её заводят туда, куда было указано.

– Развлекайся, может хоть так из твоей головы выветрятся мысли о дружбе с такими отбросами, как она. Ненавижу людей, – выплюнул отец и зашагал в сторону своего кабинета.

Когда я вошёл в ту комнату, она стояла по середине, возле медицинского стола, покачиваясь, как в трансе. Девочка на вид уж точно не была совершеннолетней. Ростом ниже среднего, худая и плоская, как подросток, ножки и ручки – палочки, тени под огромными глазами и под скулами, бледные губы... И светлые-светлые пушистые волосы... Мне показалось, что они должны пахнуть как пахнут новорождённые котята. Хотя пока что я чувал от неё только запах лекарств и других оборотней...

Внутри разливалось бешенство от того, что кто-то мог касаться её, хотелось взять её, утащить отсюда, спрятать от всего и всех... Но я не мог этого сделать сейчас.

Мне нужно было ещё немного времени. Совсем немного...

– Как тебя зовут? – мой голос прозвучал непривычно мягко, но она всё равно вздрогнула, хотя и не сделала даже попытки отойти, и больше не смотрела на меня.

– Образец номер восемьдесят девять, – её губы дрожали.

– Я имел ввиду твоё имя...

– Нам не разрешены имена, только номер, – тихо пояснила она и вжала голову в плечи, словно ожидая удара.

И это тоже было так по-детски, что я едва не взвыл. Почему она?! Ну почему...

Внутри ощущал ураган разных эмоций. От желания схватить её в охапку и бежать, круша всё на своём пути, до ужаса осознания, что со мной сыграна злая шутка, надежды, что это лишь результаты испытаний, а не то, что я думаю.

Эти противоречия раздирали. Я видел, что она обычный человек, что она маленькая совсем, а мне под сорок. Понимал примерно, что ей довелось пережить тут, понимал, что только что моя мечта рассыпалась в прах...

Я мечтал о семье, о детях, но за столь долгий срок, так и не смог отыскать ту, которая может мне их подарить. Не раз пытался заводить серьезные и случайные связи с оборотницами из прайда, надеясь, что кто-то из них сможет зачать, но так ничего и не вышло.

Девушки тоже понимали, что без наследников со мной не остаться, хотя и хотели бы приблизиться к тем ресурсам, которыми обладала моя семья. Кто-то из них, возможно, любил меня, а я... знал, что женюсь только после рождения ребенка, и изначально не был привязан ни к одной из них, лишь удовлетворял собственные потребности и ждал. Мне казалось, те подарки, что были сделаны, окупали моё безразличие.

Но похоже сейчас меня настиг бумеранг за все мои прежние не слишком хорошие поступки разом.

Я смотрел на эту малышку перед собой и с ужасом пони-

мал, что не ошибся. Меня так безумно тянуло к ней, что хотелось использовать этот медицинский стол совсем не по назначению... И мысль, что возможно именно так его тут и используют, заставила содрогнуться.

Хотя стоило лишь взглянуть на неё снова, как я ощущал болезненное, сводящее с ума влечение, коварно нашёптывающее, что можно отодвинуть в сторону собственные принципы...

Ощущал, как спирает дыхание в груди, как потряхивает от желания сорвать с неё эту дурацкую, воняющую лекарствами одежду и оставить на ней свой запах. Ощущал панику от тех идей, что можно с ней делать, вопреки мыслям о её возрасте и пережитых тут жутких моментах. Я не был ангелом, но никогда не причинял вреда намеренно. А вот прямо сейчас... готов был переступить через всё.

Только для этого придётся переступить и через неё... И пока это было определяющим фактором.

– И всё же. Скажи мне своё имя. Тебя не станут ругать за это, если мы никому не расскажем.

– Э... Элисса...

– У тебя очень красивое имя, Элисса.

Она опять сжалась, когда я сделал шаг ей навстречу. А мне снова так хотелось схватить, сжать, вцепиться в неё зубами, оставив метку. Сделать своей немедленно. Прямо сейчас.

Хотя мой мозг ещё убеждал посмотреть на неё, одуматься, ведь я не должен испытывать подобного к почти ребен-

ку. Но впервые мной овладела не просто страсть, а самые низменные животные инстинкты, одержимость. Я знал, что так бывает среди нас, когда ослеплен истинной связью, но не чувствовал подобного прежде и теперь был обескуражен тем, как же сложно себя контролировать.

– Не бойся, я не причиню вреда, – и это прозвучало как-то совсем неискренне.

Я подкрадывался медленно и плавно, как хищник, представляя, что сейчас коснусь, и как тепло её кожи разольётся по всему моему телу. Она продолжала смотреть в пол мутным взглядом, сжимая свои плечи пальцами до побелевших костяшек, дрожала, но молчала и не сходила с места, вообще не двигалась.

Сначала я было подумал, что это оттого, что поверила мне, не боится... А потом понял – наоборот. Она именно боится. До ужаса. До паники. Поэтому и не делает попытки уйти. Зная, что за это накажут. Зная, что это бесполезно. Что я, как и все до этого, сделаю то, что собирался, а она не сможет сопротивляться...

И от этой лавины мыслей, эмоций, сомнений я не сдержался... Просто не смог...

Глава 2

Мой отец был жестоким главой и управлял прайдом так, что его все боялись. Когда ради наживы и войны с людьми он пошёл на сделку с черными волками, его многие из наших осудили. Мысленно. Но вслух никто не решился высказаться против.

Кроме меня.

Правда тогда он ничего не сделал мне, только пригвоздил взглядом к полу и громогласно объявил, что если все остальные согласны, то решение принято. Больше не высказался никто. Труссы.

Хотя как я мог их судить? Это я был его теперь единственным, как я тогда думал, сыном. А они знали его крутой нрав и то, что с причиной или без, он мог применить силу главы прайда, сделав с несогласным что угодно. Вот и молчали, вынужденно соглашаясь с решениями помешанного на власти главы.

Но по крайней мере большинство отказалось принимать в этом непосредственное участие. Не пошли работать в лабораторию под разными предлогами. В итоге там собрались по большей части самые преданные отцу ирбисы, ненавидящие людей и других оборотней, не разделяющих их взгляды.

С тех пор каждый день я слышал разговоры о том, как они отлавливают подопытных, как ставят над ними эксперимен-

ты, скрещивают, изучают... Подробностями при мне не делились, но и от того, что слышал, волосы вставали дыбом.

Искусственно создавать гибриды барсов и волков, людей и оборотней... это было просто зверство. А то, как они тестируют противоядия, не будучи уверенными, рабочий ли антидот, и выясняли это опытным путем?

Я неоднократно пытался вразумить их всех. Спорил с отцом. Да толку? Пока моё положение не позволяло влиять на эти вопросы прямо. И я был вынужден сделать вид, что смирился.

Ведь несмотря на то, что я был наследником прайда, пока отец стоял на своём, меня не слушали. Как и он, когда говорил, что однажды я пойму всю ценность того, что он делает ради оборотней, что когда-нибудь его имя войдёт в историю, а мы обретём способ воздействия на всех несогласных, станем сильнее, увеличим территорию...

И я не мог этого прекратить. Не мог сделать ровным счётом ничего. Взрослый мужик, который чувствовал себя котенком. Вот кем я был в тот момент.

Зная наверняка, что они ломают жизни, отбирают их, был вынужден бездействовать. Не имея идей, как всё прекратить. Пока не увидел собственными глазами лабораторию.

Это случилось около полугода назад. Отец решил заехать туда по дороге в наш офис, и раз уж я был с ним в машине, то предложил зайти.

Я ещё надеялся, что всё не так страшно, как мне представ-

ляется. Надеялся, что увижу и успокоюсь. Может это я просто напридумывал себе кошмаров, а на самом деле это что-то вроде цивилизованной клиники... Хватался за эту фантазию, как за единственное, что может оправдать тот кошмар, что слышал.

Наверное, и хотел в это верить сам. Всегда проще выстроить в голове красивую придуманную картинку, чем убедиться воочию в том ужасе, от представления которого волосы встают дыбом.

Больше пугало только другое. Те, кто видел это каждый день, кто приходил сюда на работу и выполнял все эти поручения добровольно... Нет, они не просто звери. Моральные уроды. Как и мой отец...

И я увидел своими глазами то, от чего так старательно долго открещивался.

Подопытных держали в клетках, как скот. Все они были забитыми, с потухшими глазами, синяками, кто-то лежал под капельницами, в трубках которых были разноцветные жидкости. Ещё я заметил несколько беременных женщин. Все они прятали глаза, стараясь не смотреть на проходящих мимо и не привлекать к себе внимания...

И я примерно представлял, как они тут забеременели... Вряд ли мой скупердяй-папаша расщедрился на ЭКО.

Он шёл по своим владениям так, что было видно, как гордится всем этим. То, от чего у меня волосы вставали дыбом, казалось ему величайшим достижением нашего времени...

Он гордился, что по его указке убивали, мучали, насиловали. Оправдывал это вкладом в медицину. Считал себя едва ли не Богом, который вправе решать чужую судьбу, вмешиваться в чужую жизнь, ломать её, крошить в пыль, приходясь своими грязными сапогами вседозволенности и их беспомощности...

Многие из них были людьми, даже большинство. Не обладали силой обратной и способностью к обороту, то есть не могли защищаться от слова совсем. Были тут и оборотни, в полу- и полной трансформации. Все они были измучены. И никто уже не пытался сопротивляться... У них не было сил. Они беспомощны перед гвардией местных врачей, считающих себя всесильными вершителями судеб.

Ненависть всколыхнулась в моей груди, заставив задохнуться от неприятия. А чувство вины сжало горло. Никто не мог противостоять этому. Никто. Кроме меня... А я так долго бездействовал.

И именно в тот момент и принял решение.

Я давно уже не был маленьким послушным мальчиком, которому отец казался образцом подражания. Я видел его жестокость, агрессивность, помнил раннюю смерть матери и прекрасно понимал его жизненные устои, в которых центром был лишь он сам, а всё остальное не имело значения.

Только мне всё казалось, что однажды он поймёт, исправится. А сколько к этому моменту погибнет невинных, я даже не подумал...

И теперь чтобы избавить этот мир от его идей, предстояло избавить его и от собственного отца. Но кажется, я был готов сделать то, о чём думал уже так долго.

Я совершил рискованный шаг.

Понимая, что не могу противостоять ему в одиночку, что меня никто не слышит, всё же решился вызвать его на честный бой, в ходе которого определится новый глава прайда. Надеялся, что смогу победить.

Если бы я сделал это лет десять назад, то шансов у отца точно не было бы. Однако за это время многое изменилось. Например, однажды я получил серьёзную травму в очередной облаве, из-за которой иногда не мог полностью владеть левой рукой и ногой, а левый бок был обожжён кислотой, которой облили нас в засаде люди. Это делало мои движения не такими быстрыми, как хотелось бы.

А вот отец, несмотря на свой возраст, ещё был силён и быстр. Именно поэтому мой брат не смог одолеть его... Ну и ещё потому, что, как я выяснил позже, ему что-то подсыпали в воду перед сражением. Возможно, так поступят и со мной. Но я буду осторожен...

И дело было не в том, что мне следовало сражаться за себя. Даже не в том, что мне хотелось прекратить муки невинных, хотя, безусловно, как адекватно размышляющему оборотню, эти мысли приходили мне в голову. Просто само по себе это торжество несправедливости было неправильным.

Да, я сам некоторое время после тех травм, сделавших ме-

ня в рассвете сил недееспособным на некоторое время (если бы я не был оборотнем, то тогда бы и подход совсем), ненавидел людей. Лишь позже понял, что среди них, так же, как и среди нас, есть отморозки и нормальные. Хорошо, что я осознал это вовремя, не позволив себе стать подобием того, кто вырастил меня, воспитал.

И теперь я не желал мести всем и каждому. Я хотел уничтожить лишь того, кто лично виновен в этом ужасе. Кто принял такое решение. И потом, если выживу, и тех, кто сам пошёл за ним, считая всех людей отбросами, низшим слоем, не достойным даже жизни.

И хотя тогда мои травмы превратились лишь в неудобные дефекты, не отняв мою жизнь, мой отец нашёл повод для прайда, чтобы объявить негласную войну людям. Как же. «Любимого» сына едва не лишился. И они все послушали его, начав истреблять сначала тех из людей, которые знали о нашем существовании, не разбираясь, за нас они или против. А потом и остальных...

Я пытался остановить резню, но это было бесполезно. Хотя уже тогда я снискал уважение среди своих, они все шли за моим отцом. Может из страха. Может из-за устоев необходимости подчинения главе прайда, коим я пока не являлся.

Поэтому сейчас я был уверен лишь в нескольких ирбисах, которые поддержат меня, но их численность едва ли доходила и до второго десятка. И если придется биться против всех, то таким составом у нас не было шансов.

И всё же решил не устраивать массовую бойню. Вызвал отца на бой при всех, на собрании. Ждал гнева, ярости, обвинений.

Однако он лишь надменно рассмеялся и перевел всё в шутку, устроив мне разбор полётов за закрытыми дверьми своего кабинета. Орал, что я неблагодарный, что он изгонит меня из прайда и оставит босым.

Я не боялся остаться один или без средств к существованию. Я боялся, что потеряю возможность что-то изменить.

А нападать за закрытыми дверьми было не по-нашему. Так не положено. Это вопреки традициям. Тогда ещё для меня это казалось важным – поступить правильно... Ведь тогда я не знал, что спустя некоторое время мне станет глубоко плевать не только на правила прайда, но и на собственные принципы.

Поэтому сделал вид, что смирился, а сам разработал план.

За спиной отца пошёл на переговоры с серыми волками, которые тоже враждовали с чёрными, и по слухам, были более терпимы к людям, даже вели с ними переговоры о перемирии и закрытии лабораторий, в которых изготавливались препараты против нас.

И верно, чем мы лучше, если делаем то же самое?

Старый альфа принял меня вместе с сыновьями и внимательно выслушал, уточнив, уверен ли я, что готов идти против семьи. Я подтвердил готовность лишь с условием, что отец останется жив. И они согласились.

Началась долгая подготовка, продуманная до мельчайших деталей.

План был в том, чтобы напасть на лабораторию, вызволить пленных (не хочу даже произносить просто слово «подопытных»), уничтожить недовольных и захватить власть. По задумке прайд должен был возглавить я, объявив, что отец повержен. А того держать в каком-нибудь закрытом санатории...

Если бы я тогда знал, как выйдет на самом деле, и что я встречу ту, из-за которой весь мой план полетит в тартарары...

Глава 3

Когда сегодня я понял, что в клетке сидит, по сути, ещё ребенок, который к тому же является моей истинной парой, сдержаться было сложно. Даже мысль оставить её здесь одну хоть на минуту пугала до чертиков. А ещё изнутри жгло желание забрать, поставить метку, обладать ею... Это заставляло меня испытывать ужас.

Крайне редко, но случалось так, что истинную оборотни встречали в совсем юном возрасте. Но тогда срабатывали иные инстинкты: хотелось заботиться, защищать, оберегать. А вот всё остальное, как правило, случалось гораздо позже, когда оба в паре были достаточно взрослыми для того, чтобы начинать думать о заведении потомства.

Со мной же произошло иное. Я желал её прямо сейчас. Прямо здесь. Несмотря на то, где мы, кто вокруг и то, что она боится меня до дрожи. Даже несмотря на то, что она мне в дочери годится...

И забрать её отсюда я не мог прямо сейчас, как хотел. Отец не позволит. Выследит нас и причинит ей вред. Сделает что-то ужасное. Скорее всего, убьёт. Потому что она – человек, а он ненавидит весь её род, и посчитает личным оскорблением, если я объявлю, что парой его сына стала одна из подопытных лаборатории, человеческая девушка...

Но впереди был ещё минимум месяц подготовки к нападе-

нию на лабораторию, чтобы всё прошло в лучшем виде. Дата уже была назначена. Мы готовили не просто диверсию, это была целая кампания, в которой у каждого была своя роль. Почти подготовлены новые места для подопытных, найдены врачи, способные оказать им помощь. Выбраны лучшие, верные бойцы из обеих стай, готовые рискнуть своей жизнью ради тех, кто оказался в клетках.

Многие из них были в дружеских отношениях с людьми, у кого-то парами оказались тоже такие же девушки, как моя Элисса, только до них отец пока не добрался. И все они боялись за своих близких, готовые отстаивать их право на свободу и дальнейшую счастливую жизнь.

Все эти мысли сводили с ума, и я в один шаг резко приблизился к этой маленькой, беспомощной девочке и попытался приласкать её, просто погладив по голове. Хотелось сделать хоть что-то, хотя бы как-то успокоить. И ведь знал, что пугаю, что нельзя, но выше моих сил было просто смотреть на неё, не предпринимая ничего.

Только вот при первом же прикосновении почувствовал её панику, отчаяние, безысходность.

Она дрожала так, что я слышал, как стучат её зубы. Поэтому усилием воли отдернул руку, чтобы не делать своими порывами ещё хуже. А малышка даже не шелохнулась, будто прикованная к месту. И я не был уверен, что готов узнать, как в её головку вбили такое послушание.

– Элисса, не бойся меня, – повторил, но кажется, ей го-

ворили это не впервые, потому что она не поверила ни на секунду.

Девочка была безжизненной, напуганной, со шрамами на руках и, быть может, на теле тоже. Но как бы мне не хотелось увидеть это её тело, конечно, я не сделал и не сказал ей ничего после такой реакции на ласку.

Она была босая. И её маленькие ножки обе поместились бы в одну мою ладонь. Она вся была по сравнению со мной просто крошечной. И это вызывало панику и в моей душе. Разве могло быть такое, что я почувствовал притяжение к ребенку?

Тогда то, что я испытываю, – против природы. И мне следует ждать, пока пара подрастет настолько, что тоже сможет почувствовать настоящий отклик. Но я и так был слишком взрослым, чтобы ждать... А она слишком молоденькой, чтобы оказаться в этом ужасном месте.

– Сколько тебе лет? – не выдержал.

– Двадцать один...

На вид – не больше шестнадцати... Но вряд ли она солгала. Да и это не сильно меняло дело.

– И как давно ты здесь?

– Не знаю, примерно полгода, может меньше или больше.

Я не помню.

Она отвечала быстро, стараясь не запинаться, что получалось плохо, и не заставляя ждать, будто из-за этого может последовать наказание. И от мысли, почему она ведёт себя

именно так, меня скручивало. Нет. Я не смогу вытерпеть ещё месяц, оставив её здесь.

Просто спокойно готовиться к нашему плану, позволив ей день за днём проживать здесь ад? Оставить её наедине с этими монстрами, мнящими себя богами. Позволить мучить её всё это время. Предать...

Смогу ли я жить после этого? И как должен буду смотреть в её глаза, если она ещё будет жива к тому моменту... А если нет? Что тогда?

Дело даже не в том, что с гибелью пары, подохну и я. А в том, что заставлю вот эту крошечную девушку переживать снова и снова те издевательства, которые она терпит тут уже полгода. И кто я тогда? Разве достоин я хоть её ноготка?

И теперь-то не достоин...

Нужно срочно менять план. Не знаю, как, но я обязан уговорить старого альфу, ускорить всё и напасть скорее. Я должен забрать её отсюда без угрозы для жизни. Должен помочь и остальным, но ей... Она теперь – мой единственный смысл, моя последняя капля света в нашем жутком, жестоком мире. И она же моя смерть, крах всех моих надежд, мечтаний и желаний...

Встретить пару... Не об этом ли я так долго мечтал? И вот она передо мной. А я не могу радоваться и понимаю, что после всего, девочка вряд ли будет счастлива оказаться связанной со мной, вряд ли захочет создавать семью.

Но тогда отчего-то мне ещё казалось, что всё не так страш-

но, что можно будет всё хоть немного исправить. Наверное, потому что тогда я ещё не до конца прозрел...

– Посмотри на меня, – она подняла испуганные, бездонные глаза с расширенными зрачками. – Я заберу тебя, – девочка вздрогнула. – Освобожу отсюда. Понимаешь? Тебе нужно потерпеть... пару дней. Всего несколько дней будь осторожной, тихой, послушной, сбереги себя, чтобы я смог тебя отсюда вытащить.

И нет, она не понимала, что я говорю. Вообще вела себя как наркоманка во время ломки, тряслась, заламывала руки... Скорее всего, её чем-то накачали. Потому что говорила она тоже странно.

Но разобраться и объяснить ей всё прямо сейчас не мог. Не было времени, не было гарантий, что из неё не вытрясут наш разговор в подробностях. Нельзя было ею рисковать.

– Элисса, всего несколько дней, запомни. Тебе нужно продержаться несколько дней, и этот кошмар закончится.

Но она то ли не слушала, то ли не верила. Реакции я не дождался.

– Мы сейчас выйдем отсюда, и ты сделаешь вид, что боишься меня, хорошо?

Взглянув на неё, понял, что сморозил глупость. Ей даже не нужно делать вид, она и так трясётся.

– Пожалуйста, будь осторожной эти дни, не спорь и никому не говори о том, что было здесь. Ты меня поняла?

Она кивнула. Мне так хотелось обнять её напоследок,

прижать к себе, заверить, что я обязательно всё исправлю, что заберу её, что дам защиту, что теперь всё будет иначе.

Но был вынужден оставить тут, бросить одну, позволив вернуть её в клетку. И даже не коснулся, боясь испугать вновь.

Когда я приоткрыл дверь, в очередной раз напомнив, что обязательно вернусь за ней, девочка тихо прошептала:

– Спасибо.

Сначала я не понял, за что, если не верила, что заберу. А потом, когда, уходя, оглянулся назад, увидев, как охранник подгоняет её, грубо толкая руками, кажется сообразил. Я не тронул её. Не сделал то, чего она боялась... Моя пара благодарил меня, что я не стал причинять ей боль, что я не взял то, чем хотел обладать до дрожи.

И это осознание ударило изнутри пощёчиной.

Она считает меня одним из них, и не желает моих прикосновений, близости, боится. Она и ненавидит меня, наверное. И совершенно точно не испытывает совершенно никакого влечения или притяжения, да и вообще хоть чего-то, что должна испытывать истинная пара.

Выйдя из лаборатории, немедленно поехал к волкам.

Больше ждать я не мог.

Глава 4

Альфа отказал мне, сказав, что соваться туда без нормальной подготовки до назначенной даты, когда ещё не всё организовано – самоубийство. И как бы я не просил его, что бы не обещал, старый волк стоял на своём – он не готов был жертвовать своей стаей или даже одним из волков ради меня.

Про маленькую пару я, разумеется, промолчал, сказав лишь, что увидел, как они там мучают детей. Разве мог я признаться, что оставил свою девочку там, боясь интриг собственного отца? А ещё, что испытываю влечение к ней, такой... Сломанной, почти в два раза младше меня. Да и неизвестно, как он использует эту информацию, возможно, против неё...

К тому же, с учетом моего нестабильного положения в стае, следовало спрятать пару от чужих глаз. Скрыть хотя бы на время. Чтобы ей не могли навредить. Хотя куда ещё хуже, чем сейчас...

Я уже готов был идти туда один, строя планы, как выкраду её и увезу. Неважно, куда. И неважно, что за нами отправят лучших следопытов. Мы будем скрываться хоть всю жизнь или сколько сможем, зато я смогу заботиться о ней. И буду защищать до последнего своего вздоха...

Только у самой парковки меня догнал младший из сыновей альфы – Эмин. Этот мальчишка (ну мне он казался

именно мальчишкой, ведь тогда был, наверное, младше моей Элиссы... Моей... как же приятно это звучит...) явно был настроен очень решительно.

– Почему ты изменил план? – преградил дорогу молодой волк.

– Я уже объяснил.

– Ты солгал. А я хочу знать правду.

Парень хоть и младше меня намного, но сообразителен и храбр. Гораздо сообразительнее своих родственников. Я видел, что он готов пойти навстречу, даже вопреки решению своего отца. Если посчитает мою причину веской.

Может из него ещё не выветрился юношеский романтизм? Если так, то лучшим вариантом будет сказать ему правду. Отчего-то мне казалось, что волчонку можно довериться. Да и другого выбора у меня не было.

– Там моя пара. Среди подопытных. Он мне её не отдаст.

Парень молча смотрел мне в глаза некоторое время, закусив губу, что-то думал, может, считал. А потом выдохнул:

– Я с тобой. И со мной пойдут около двадцати ребят. При том же условии, мы заберем всех своих, и ты не станешь препятствовать.

– Идёт. Сколько времени нужно на сборы?

– Завтра к вечеру мы будем готовы.

– Долго.

– Знаю, но быстрее не выйдет. Нужно всех собрать, подготовиться, ведь план летит ко всем чертям.

Он прав. Он во всём прав! Но это означало, что мне нужно будет оставить её там минимум на сутки. Одну. С этими уродами. А поехать туда снова я не мог. Не должен был вызвать подозрений и нежелательного внимания, в том числе и к ней, ведь выглядеть равнодушным в её присутствии просто не могу.

– Всё будет хорошо, мы вытащим её оттуда, – сжал волчонок моё плечо.

И оттого, что он это сказал, мне стало совсем немного легче. Да, я взрослый, сильный, старше и мудрее его должен быть, но сейчас именно мне нужна была поддержка. Нужны были эти слова, хотя бы слова, что всё с ней будет хорошо.

Что я справлюсь.

Я знал, что будет нелегко. Знал, что после того, как заберу её, трудности не закончатся, даже наоборот. Но она будет в безопасности, а остальное мы решим... я решу.

Сидеть и ждать было ужасно. Но и заняться чем-то отвлеченным тоже не мог, проверяя всё по сотне раз, перезванивая вновь и вновь тем, кто завтра пойдёт со мной против моего отца...

Если прежде я ещё сомневался, правильно ли поступаю, то теперь знал наверняка. Теперь помимо идеи справедливости и прекращения жестокости, у меня была ещё одна маленькая, но веская причина.

Её бледное лицо представало перед глазами каждый раз, как прикрывал веки. Спать я не мог. Зная, что она в клетке...

Зная, что её могут... Даже представить такое было сложно. Даже думать не мог. А она проживает это.

Но если я скажу, или отец узнает сам, он сделает всё, чтобы об этом «позоре» не стало известно. Он уничтожит её ещё до того, как я попытаюсь что-то исправить. А я после этого подохну сам. Зная, что я виноват во всём, что не смог помочь.

Я и так виноват, что слишком поздно спохватился...

Время до следующего вечера тянулось мучительно долго, словно специально растягивалось до бесконечности. Я смотрел на часы, но с последней проверки проходила всего минута, а мне казалось – несколько часов. Меня трясло от страха за неё, от мысли, что если бы я вмешался прежде, то ей не пришлось бы проживать этот ужас наяву.

Но теперь исправить прошлого было нельзя, можно лишь попробовать повлиять на будущее. И я надеялся, был готов отдать всё, что имею, достать, то, что не имею и отдать, лишь бы всё получилось, лишь бы она меня дождалась там...

Когда мы встретились с волками в лесу недалеко от лаборатории, всего нас было около сорока, может чуть меньше. Этого было достаточно, чтобы преодолеть охрану до того, как отец позовёт подмогу, а я запру его и объявлю себя главой прайда, если действовать быстро и слаженно. Но стоило нам замешкаться до приезда моей стаи – нас всех тут положат по приказу главы прайда.

Каждый из нас понимал, на что идёт. И у каждого была

своя мотивация.

Я был готов, в случае возникновения необходимости, всё же сразиться с отцом как положено при стае, чтобы подтвердить своё право. И если не выиграю... Это был наш план «Б». Во время боя Эмин тайком выведет всех женщин из лаборатории и увезёт к себе, он дал клятву, что обеспечит безопасность и не позволит больше причинять вред. Если я погибну, моя Элисса будет жить... Я верил, что волчонок сдержит слово. Но если бы и не верил, другого выхода у меня всё равно не было.

И всё же мы смогли, сделали всё быстро.

В полутраснформации напали сразу с нескольких входов. И сначала надеялись, что просто повяжем тех, кто станет противиться, без резни... Всё шло почти по плану. Но пока ребята разбирались с персоналом и отволокли всю охрану вместе с моим отцом в клетки для экспериментов и палаты, я пошёл к ней.

Не мог не пойти.

Основную свою роль я выполнил. Большая часть барсов не стала противиться моему заявлению. Котам было по большей части плевать на прайд, они входили и выходили из него когда хотели и сражаться за главу не видели смысла.

У нас всё иначе, чем у волков. Свободолюбивые ирбисы не были слишком преданны, а если новый глава казался им хотя бы адекватным, то особо не сопротивлялись, на это и был расчет. Меня приняли без боя. Но я не мог порадовать-

ся, пока лично не убедился, что основная моя цель достигнута.

Волки уже забрали часть своих, а наши подопытные, выпущенные из клеток, жались друг к другу, не понимая пока чем это им всем грозит. Я уже решил, что отпущу всех, кто захочет и сможет уйти. А тем, кому понадобится медицинская помощь выделю наш загородный дом. И буду помогать столько, сколько будет нужно.

Не то чтобы я был очень благороден. Но так было правильно. По-мужски.

И каким бы уродом не был мой отец, я смог вырасти почти нормальным и считал себя мужиком, а не падалью. Да и в моём возрасте давно пора было занять собственные принципы, а не вложенные родительским воспитанием.

Но оглядываясь вокруг, я не чуял её, не видел, поэтому пошёл туда, где мы встретились в первый раз. И он же был... нет, не последним. Последний будет не скоро. Я заберу её. Я помогу ей. Я сделаю для неё всё, чтобы если не стереть тот ужас, что она пережила, то хотя бы сгладить его.

Войдя в её клетку, я почувствовал запах страха и крови. Её крови... Она была всюду...

Глава 5

Я проломил скамью в клетке кулаком.

Чуял, что здесь были несколько оборотней. И они же, наверное, её избили. Или сделали с ней что-то ещё... Мне хотелось разнести всё, но я держался из последних сил, уговаривая, что ошибся, что её могли просто перевести в другое место. Что с ней всё хорошо. Цеплялся за эту надежду как за соломинку, которая ломалась всё больше с каждой секундой.

С рыком носился по всем палатам, обнюхивал, спрашивал персонал, но моей девочки нигде не было. Пытался найти, но не мог. Из её клетки уходил запах волков... Но они должны были забирать только своих! А не мою пару!

Я содрогнулся от мысли, что Эмин солгал, подставил меня. Зная мой секрет, он мог догадаться, кто из них истинная и попробовать получить рычаг воздействия на меня! Я проклинал себя, что доверился ему, заревел и кинулся к выходу с твёрдым намерением свернуть волчонку башку.

Если она потеряла столько крови, то ей нужна помощь, а он забрал мою пару! Из-за какой-то тупой идеи. Может, он солгал и в том, что не посвятил альфу в наш новый план, и действовал по его указке?!

Как я мог поверить волкам?!

Когда я выскочил из лаборатории, их машины уже были далеко. Я не успевал догнать, проверить свою страшную до-

гадку, вернуть её!

Мысль, что я потерял её, что она снова стала заложницей и опять по моей вине, терзала, душила. Задыхаясь, трясущимися от страха и ярости руками я набрал номер мальчишки, пообещав себе, что если он не ответит, то убивать его буду мучительно долго на глазах у его папаши и брата.

Я не был извергом, но прямо сейчас готов был уничтожить всё волчье отродье до единого, если они станут торговаться ею. Если они тоже причинят ей вред...

Но к моему удивлению, Эмин ответил после первого же гудка.

– Что случилось, нужно вернуться? – ещё строит из себя святую невинность!

– Какого хрена ты творишь?! Вы забрали людей! Мы говорили только о твоих! Если хоть один волосок...

– Поверь, ни одного из освобождённых никто из моих ребят не обидит. Клянусь тебе. Но и чужих мы не забирали.

– Тогда куда на хрен делась моя пара?!

– Эрnard... Мы забрали только своих! Я лично всё проконтролировал! Но если среди них есть твоя истинная, то мы это быстро выясним, никто не станет прятать её от тебя.

– Как... они... там?

Я боялся спросить прямо, есть ли среди тех подопытных, которых они забрали с собой, жертвы. Боялся услышать, что есть. Боялся, что среди них маленькая светловолосая девочка... Сердце сжалось, пока целую секунду я ждал ответа. Го-

тов был молиться тогда, хотя никогда не верил в Бога.

– Все живы, есть те, кто в плохом состоянии, но уверен, что им можно помочь.

Шумно выдохнул в трубку. Если ей плохо, но можно помочь, то всё исправимо. Главное, что она жива.

– Я проверю всё, Эрнард, мы найдём твою пару, приезжай, как закончишь. Всех разместят в госпитале, окажут помощь. Ты сможешь убедиться сам... К тому же, мне получать взбучку от семьи, заодно поддержишь.

– Скоро буду, – я сбросил вызов и направился в комнату, где был заперт отец.

Мне хотелось всё бросить и ехать за волками, но мысль, что я ошибся, а девочки здесь уже и не было, гудела в голове. Что, если с ней что-то сделали до того, как мы напали? Что, если волки не забирали её... Если я потерял её до того, как решился на нападение?

Он был зол и ходил из стороны в сторону, но стоило увидеть меня, как мерзкая, высокомерная ухмылка появилась на его лице.

– Думал, я не замечу? Всё из-за той девки?

Самая страшная догадка подтвердилась только что. Он догадался. Он сделал что-то с моей парой!

– Что ты с ней сделал? – я сжал кулаки, чтобы не наброситься на него немедленно. Но вся моя выдержка трещала по швам.

– То же, что и всегда, если кто-то показывает характер, –

выплюнул отец мне в лицо.

– ЧТО?!

– А ты угадай, – хмыкнул злорадно на мой рык. Он чувствовал себя в безопасности, считал, что я не посмею навредить ему. – Тупая человеческая девка стала парой моего сына, хуже не придумать.

– Ты... Ты понял, кто она...

В глазах потемнело. Это я виноват. Я не смог скрыть. Я не смог её уберечь... Я зря ждал столько времени, позволив им вновь издеваться над ней!

– О, я знаю тебя как облупленного, сынок. По твоим глазам всё и так было ясно.

– Ты понял, что она моя пара, и причинил ей вред?!

– Она лишь грязная подстилка, которая из-за твоего появления решила показать характер и получила по заслугам... Всего лишь неудачный результат испытания...

Я ударил его по лицу, но остановился из последних сил, глядя, как из разбитой губы отца стекает струйка крови. Меня трясло. Хотелось обратиться и растерзать его клыками, изрубить когтями, вывернуть наизнанку внутренности и оставить истекать кровью здесь, наслаждаясь его предсмертными хрипами. Только что мой отец пробудил во мне самого кровожадного монстра, которого я когда-либо знал.

В его глазах мелькнуло изумление, словно он думал, что я спущу ему это с рук, а потом взгляд зажегся злостью и каким-то мстительным удовлетворением.

– Скажи, что всё было иначе, отец, умоляю, скажи, что ты не такое чудовище, каким хочешь казаться...

Но он только наслаждался моим ужасом, продолжая мерзко ухмыляться, глумясь, смакуя моё отчаяние, почувствовав власть над моим разрывающимся сердцем. Захотел уничтожить меня, стереть в пыль, как когда-то брата, заставить умолять, упасть на колени. И я бы сделал это, если бы помогло отмотать время назад, если бы он не произнёс то, что произнёс в итоге, выбрав самый жуткий из возможных способов причинить мне боль.

– Ты бы слышал, как она визжала, когда её...

Я не дослушал, даже не усомнился в том, что он говорит правду, ни о чём тогда не думал больше. Не мог. И не особо помню, что было дальше. Красная пелена заволокла мои глаза, мой разум. В голове бились лишь последние его слова, сводя меня с ума.

Он. Отдал. Мою. Маленькую. Пару. Этим уродам.

Кажется, я начал душить его. Но отец... Нет, он мне больше не отец. Этот ублюдок продолжал хрипеть, что я на старости лет позарился на малолетнюю потаскуху, которую помело пол его стаи... моей стаи.

Моя маленькая девочка...

В следующий момент я вырвал его горло, трахеи и связки повисли на моих пальцах, но я даже не стряхнул их. И продолжал месить кулаками, разрывать когтями его лицо до тех пор, пока сразу несколько моих ребят не оттащили. За ними

я почувствовал запах одного из тех, кто заходил в её клетку недавно. Я не знал, что именно этот оборотень делал с ней, но мне было уже всё равно. Он явно не помогал ей...

И я кинулся туда, не видя ничего больше.

Кто-то пытался меня остановить, когда в полутрансформации я отрывал ему его грязный член и запихивал в рот, а потом отрывал его тупую голову от тела, стараясь причинить как можно больше боли.

Но и этого мне было мало.

Я не мог дышать, вспоминая её, совсем малышку, ощущая запах её крови и страха ... Я хотел уничтожить всех. Хотел найти каждого, кто прикасался к ней. Намеренно ли, случайно ли, ещё пятеро врачей, которые возможно касались её, когда вливали препараты или обкалывали чем-то, что делало её такой, какой я её увидел, охрана, мне было плевать.

Я убил и их.

Всех.

Меня кое-как оттащили свои же и последние из оставшихся здесь волков, не давая закончить бойню. Держали меня больше десяти ребят, а я всё ревел и выл. Моя маленькая Элисса. Моя девочка.

Ненавижу этого ублюдка. Ненавижу каждого, кто причинял ей боль! Но во всём этом есть и моя вина. Это я больше года не пытался ничего сделать, хотя должен был понимать, какая гнида мой отец. Это я позволил насиловать и обкалывать её всякой дрянью своим бездействием.

Мне хотелось подохнуть.

Я не мог успокоиться, но прекратил вырываться лишь тогда, когда из работников лаборатории осталось лишь несколько человек, которые жались друг другу и смотрели с ужасом, так же как и товарищи, которые сопровождали меня сюда. И на них не было ни капли её запаха.

Им просто повезло. Сегодня. Но если завтра она скажет, что и они причиняли ей боль, то... Они знают, что их ждёт.

Кто-то из волков напомнил мне, что меня ждёт Эмин. Я не успел узнать у отца, осталась ли жива моя пара. И оставалась надежда только на то, что она у младшего сына альфы. А если нет...

То я найду её. Живой или мертвой. И в последнем случае подохну рядом. Но сначала всё равно найду и обниму. Любую. Казалось, что если этого не случится в ближайшие часы, то свихнусь навсегда, превращаясь в кровожадное чудовище, готовое уничтожать вокруг себя всё и вся.

Я отдал приказ прибраться, а сам, даже не смывая чужую кровь, бросился туда, где, надеялся, была сейчас моя маленькая девочка.

Глава 6

– ГДЕ ОНА? – ворвался я к Эмину, раскидав его ребят, которые пытались остановить.

Мне мерещилось, что они все участвуют в заговоре, хотят спрятать её от меня, что хотят сделать с ней что-то ужасное. А она там одна, маленькая, ей страшно и больно...

– Я не знаю, как она выг...

– Светловолосая. Крошечная. Где она?

И плевать, что такой она была для меня, а для волчонка могла казаться просто обычной с ростом чуть ниже среднего. Мне вообще сейчас было не до того, чтобы подбирать слова.

– Послушай, Эрnard...

– ГДЕ ОНА?!

Я схватил его за горло, едва сдерживаясь, чтобы не убить на месте. Зачем он забрал её?! Для чего ему моя девочка?! Он врёт мне! Он хочет забрать её у меня! Он такой же монстр, как и все они! Он...

– Все в больнице, Эрnard...

Я разжал ладонь.

– Где эта больница? И какого хера ты забрал её, если она человек, уговор был...

– Мы не забирали чужих, – стоял он на своём, но ведь лгал! Она не была волчицей!

– ОНА ЧЕЛОВЕК!

Эмин отвёл глаза в сторону, и я осознал, что он что-то скрывает от меня. Лжёт мне.

– Я понял, о ком ты говоришь, она тоже в больнице. Её состояние хуже, чем у остальных...

И я зарычал вновь, ломая мебель рядом. Жаль, что нельзя убить отца второй раз. И всех тех, кто к этому причастен! И это моя вина тоже! Если бы я не ждал так долго! Если бы я решился раньше! Она страдала бы чуть меньше, а может и вовсе я бы тогда успел...

Эмин приблизился, хотя на его месте я не стал бы подходить к разъярённому ирбису. В нашей породе несдержанность и жестокость. А ещё мы все гораздо крупнее волков. Я мог разорвать его голыми руками, но волчонок смело стоял напротив. И пытался вразумить меня.

– Ты должен держаться, слышишь? Она жива. Это главное. Моему отцу уже обо всём доложили, и я поговорю с ним, чтобы он отдал её тебе...

– НЕТ! Никто не должен знать, кто она для меня. На неё откроют охоту! Не смей говорить никому! Ты меня понял?!

Парень серьезно кивнул.

– Тогда я приведу её к тебе втайне. Это я забрал её оттуда, вынес из клетки, хотя тогда не знал, что именно она твоя...

– Что с ней?

Мальчишка стушевался, но у меня не было ни сил, ни желания, выяснять, что там в его голове происходит. Мне нужны были ответы. И Элисса.

– Без сознания... Но она будет жить.

Будет жить... Я сомневался, что она *хочет* жить после всего.

– Я хочу видеть её немедленно.

– Эрнард, она в нашем госпитале, там не поймут, если к ним заявится барс...

– ПЛЕВАТЬ! Отведи меня к ней.

Я снова подскочил к нему, собираясь угрожать, бить, если потребуется, если он только попытается скрыть её от меня.

– Альфа будет в бешенстве, он уже...

Я сделал рывок в его сторону и даже попытался попасть кулаком в челюсть, но волчонок увернулся, оказываясь за моей спиной и вновь сжимая моё плечо так, словно хотел успокоить. Однако меня мало что могло сейчас успокоить.

– ОТВЕДИ МЕНЯ К НЕЙ, иначе...

– Я понимаю, Эрнард...

– Ни хрена ты не понимаешь!

Я обернулся к нему и видя его эти светлые глаза, жалостливое выражение лица, неприкрытое сочувствие вдруг ощутил упадок сил. Будто их все выпили просто. Мне захотелось рыдать от бессилия. В носу засвербело, как от слёз...

А Эмин опустил глаза, в очередной раз поступая «правильно», «уместно», «тактично». Как только альфа, будучи сам прожжённым и расчётливым, смог вырастить такого сына... Если бы у меня был сын, я хотел бы, чтобы он тоже был вот таким...

– Я помогу, Эрнард. Позвоню кому нужно. Тебя встретят у чёрного входа и проведут к ней. Но дай мне пару дней решить всё с отцом. Не наводи там беспредел, никто не станет скрывать её от тебя. К тому же сейчас ей правда нужна медицинская помощь. Ей её предоставят, будь уверен. Сам увидишь.

И я едва ли не бегом выходил от него, гнал на машине так, что не мог разглядеть даже знаки на дороги, всё смазывалось в одно большое пятно, совершенно не имеющее значение. Я ехал к ней. И желал, и одновременно боялся увидеть её. Узнать правду...

Но всё равно, конечно, пошёл туда. Не понятно, на что надеюсь.

Волчица в белом халате встретила меня у входа, заваленного всяким мусором, шёпотом попросила быть незаметнее и тише. С учётом того, что на меня даже не налез предложенный ею халат, маскировка была хреновее некуда. Но это сейчас меня волновало меньше всего.

Запах лекарств не позволял мне безошибочно определить здесь её положение, поэтому я был вынужден идти за девушкой, которая разве что не умоляла меня быть тише. В волчьей клинике места барсу явно не было. И альфа бы не одобрил, что я приперся сюда как к себе домой. Я понимал, что нужно было снова быть осторожным не ради себя (я не боялся потасовки, будучи уверенным, что справлюсь), но ради тех, кто добровольно решил мне помогать и хранить мои

секреты.

Только всё равно подгонял медсестру, прося идти быстрее. И пытался выяснить хоть что-то, но она тоже, как и Эмин, всё время отводила глаза и толком не объясняла ничего, твердя, что у неё другой врач. Сказала лишь, что сейчас её жизни ничего не угрожает, что все повреждения обработаны и пациентке вкололи успокоительное, поэтому сейчас она спит.

И осознание того, что по крайней мере, моя маленькая пара жива и поправится хотя бы физически, всё же давало мне крошечную, как и она сама, надежду на то, что всё исправимо. Что я смогу помочь.

А я никогда, никому не позволю больше сделать ей ничего плохого.

Когда приоткрыл дверь в палату, девочка лежала на постели сливаясь с цветом простыней. Осторожно вошёл, хотя хотел ворваться, схватить, прижать и не отпускать никогда, но ведь это может испугать. Её губы были разбиты. На виске зияла рана, пусть и обработанная, но из-под бинтов видна свежая кровь. На щеках и руках (всё остальное было скрыто одеялом) – глубокие порезы как от когтей.

У меня сердце сжалось, а руки затряслись от желания вернуться и разодрать на части тела тех, кого я недавно убил. А ещё тех, кто пока остался в живых. А потом удавиться самому...

– Элисса, – позвал тихонько, и она встрепенулась, вздрог-

нула, приоткрыв глаза, и тут же прижалась к стене, отодвигаясь от меня дальше.

Глава 7

– Элисса, это я, ты меня помнишь?

В её глазах застыл ужас.

– Не пугайся, пожалуйста, теперь тебе нечего бояться.

Я так в жизни ни с кем не говорил, как с ней сейчас. Слово «пожалуйста» вспоминать пришлось, так долго его не использовал. Но знал, что иначе сейчас нельзя. Видел. Чувствовал.

– Уверяю, ничего из того, что было, с тобой больше никогда не повторится.

Она молчала и снова задрожала лишь, когда я сделал первый шаг к её постели.

– Я не стану касаться тебя. Просто подойду ближе. Хорошо?

Элисса не ответила. А я сделал ещё несколько медленных небольших шагов навстречу и остановился, убеждая себя, что нельзя её трогать, хочется мне того или нет. Нельзя.

К тому же только сейчас осознал, что приехал сюда в той же одежде, в которой расправлялся с теми уродами. И прямо сейчас моя девочка видит перед собой незнакомого огромного мужика в крови. Да, это точно не начало милой романтической истории, которую рассказывают внукам. Но это полбеда.

Я испугал её. Очень.

Вот только видя её такую, маленькую, избитую, дрожащую, всё не мог найти в себе сил уйти. Как магнитом меня тянуло ближе, хорошо хоть с этим пока удавалось справиться. Но внутри меня всё ещё бился страх потерять её. Хотя уже знал, что повреждений, угрожающих её жизни, нет. Только по всему выходило, что она бы предпочла другой вариант.

Медсестра сказала, что в лаборатории, похоже, ей вкололи что-то, чтобы она не сделала себе ничего. И скорее всего до этого тоже, чтобы добиться послушания. Но она не говорила ни с кем и была сначала без сознания, а потом под успокоительным, поэтому после капельницы, которая должна была очистить её кровь, они не знали, помнит она, что произошло или нет.

Как бы я хотел, чтобы не помнила...

Вот только даже если мне повезло, и её мозг стёр жуткие воспоминания из памяти, то мой внешний вид всё равно был категорически неприемлем. Однако сказать ей, что это кровь её обидчиков, я побоялся. Вдруг она посчитает меня чудовищем... Будто сейчас воспринимает иначе. И всё же попробовал наладить контакт и объяснить:

– Прости, что не пришёл раньше... Я должен был. Но не пришёл...

Теперь она закрыла глаза и тихо прошептала, только звериный слух позволил уловить. И пусть то, что она сказала, было ужасным, но её голос меня хоть немного успокоил, заставил на какое-то время прийти в себя.

– Зачем они меня спасают? Я не хочу...

И столько отчаяния, столько боли в её словах...

– Я понимаю, маленькая, всё понимаю. Но поверь, пройдет время и станет немного легче, потерпи, пожалуйста. Ты нужна мне.

– Вам? – её глаза распахнулись в панике.

И я мысленно ругнулся, прикидывая, как это для неё прозвучало. Но пока не получалось подобрать нужных слов, чтобы донести то, что думаю на самом деле, чтобы не пугать, чтобы... она мне поверила.

– Я не коснусь тебя, слышишь? И не сделаю ничего плохого... Ты – моя пара, Элисса. Для обратной такая связь священна. Теперь я всегда буду рядом и помогу тебе во всём. Буду защищать ото всех. Тебе больше некого бояться. Буду делать, что ты скажешь.

– Тогда пусть больше не спасают...

– Элисса... Ты хоть и маленькая, но сильная девочка, прошу тебя, борись...

Она помотала головой, показывая, что не хочет, ни бороться, ни жить. Я видел, как тяжело ей говорить со мной, видел, как она жмётся к больничной стене, боясь находиться со мной в одном помещении, но не мог придумать, как успокоить. В голову не приходило ничего, кроме как обнять, погладить по голове, вот только я был уверен, что это спровоцирует истерику – девочка явно не настроена на физический контакт с незнакомцем.

Наверняка я казался ей старым бугаем, который втирает про какую-то пару, чтобы получить что-то от неё. Вряд ли она возьмёт, да и поверит в чистоту моих помыслов и намерений.

Ещё я знал, что она сейчас на препаратах, поэтому может говорить со мной. Знал, что то, что произошло, оставит на её душе глубокий след. Хотя разве можно назвать это «след»? Её душу разорвали, обваляли в грязи и вот эти обрывки теперь я попытаюсь сшить обратно...

У меня не было сомнений. Уже не было иллюзий. Я знал, что она никогда не захочет быть со мной, и не только потому, что я старше почти на двадцать лет, но и потому что я сын того ублюдка, который сломал её жизнь. Что у нас никогда не будет полноценной семьи. Что она никогда не обнимет меня, не... поцелует.

Я смирился с этим заранее, увидев её здесь сейчас.

Прежде мне казалось, что смогу вернуть её к жизни, и... тогда мне тоже хоть что-то перепадёт. Теперь же понимал отчётливо, что, если получится хотя бы научить её улыбаться, это будет мой самый величайший прорыв.

Осознавать всё это было больно. Хоронить свои мечты тоже. Но это лучше, чем прощаться навсегда с ней... Пусть всю свою жизнь я посвящу тому, чтобы хоть отчасти загладить свою вину перед ней, чтобы подарить ей как можно больше добрых моментов, а сам так и подохну одиноким, никому не нужным.

Теперь я больше не стану делать попыток создать семью, ведь моя маленькая пара и есть моя семья. И другой мне не нужно. Я стану бороться за неё, за то, чтобы она снова научилась просто жить. Пусть это станет моим единственным смыслом.

– Элисса, когда твоему здоровью ничего не будет угрожать, я заберу тебя, – она задрожала и обняла себя руками в защитном жесте. – Нет, не туда. Туда ты больше никогда не вернёшься. Я уничтожил тех уродов и уничтожу то место. Спалю дотла. Ни щепки не оставлю. А с остальным мы справимся вместе. Слышишь?

Девочка молчала и смотрела в пол.

– Элисса, у тебя есть семья? – покачала головой. – Может, родственники? Друзья? Дом?

– Вы меня отпустите?

Своим тихим, едва слышным вопросом загнала в тупик. Как, блядь, я её отпущу?!

– А тебе есть, куда идти?

Девочка неуверенно пожала плечами, так и не глядя на меня. Я обязательно узнаю о ней всё. Найду столько информации, сколько смогут нарыть все мои ребята. И способ хотя бы немного помочь ей, я тоже найду.

– Давай ты пока подлечишься немного, а как тебе станет лучше, мы уедем от...

В этот момент в палату заглянула та самая медсестра, прошепав, что мне бы пора уходить, потому что скоро придут

ставить ей очередную капельницу. Но увидев эту девушку, Элисса начала кричать и биться в истерике.

Чтобы она не навредила себе, я в два шага подскочил к ней и, подняв на руки, прижал к себе, не обращая внимания, на бессознательные взмахи рук и ног. Лучше так, чем она сломает себе что-то о металлические детали кровати.

– Тише, тише, тебе нечего тут бояться, всё хорошо...

Она не реагировала или может не слышала, не понимала. Медсестра заозиралась, боясь, что шум привлечёт внимания и заговорила громче, убеждая меня уйти.

– Какого хрена она так испугалась?! ЧТО вы с ней такого делали?! – зарычал я, готовясь напасть на ту, что привела меня сюда, делая вид, что помогает.

Вот только поставлю на пол брыкающуюся изо всех сил пару, и...

Глава 8

И тут я разобрал, что Элисса повторяет: «Не надо, только не надо уколов».

Так она испугалась её из-за того, что решила, что медсестра пришла вводить ей какие-то препараты. Конечно. Они укололи ей только успокоительное, как привезли сюда, но тогда она была без сознания. И когда раны обрабатывали тоже. А теперь она видит вновь белый халат и слышит, что ей собираются ставить капельницу, вот и сработали привычные ассоциации.

– Выйди! – рыкнул на девушку, и она мигом захлопнула дверь с той стороны.

– Элисса, тише-тише, она ушла. Уколов не будет. Ничего не будет, слышишь?

Но она продолжала отталкивать мои руки, и я осторожно раскрыл их, посчитав, что она могла испугаться и прикосновений. Девочка сразу отбежала в противоположный угол палаты, глядя оттуда загнанным диким зверьком. Но хотя бы перестала кричать и биться в истерике.

Это был просто какой-то замкнутый круг: я хочу помочь, но для этого начинаю ей что-то объяснять или делать, а она пугается этого ещё больше, и всё по новой. Вот и сейчас не верит мне ни на секунду. И всё понимаю, да, это объяснимо и вполне оправданно, но... Но как же больно видеть в глазах

той, что только появившись, стала для меня всем, ненависть.

– Я трогал тебя, чтобы ты ничего себе не повредила. Не собирался и не собираюсь ничего делать ничего плохого...

Она молчала, и я не был уверен, что понимает то, что я говорю. Начинало накрывать чувство безысходности, хотя и понимал, что впереди нас ждёт ещё более сложный и долгий путь. Мне нужно набраться терпения и сил.

Только вот незадача, каждый из нас становится сильнее, встретив истинную. Однако лишь при условии, что поставит метку. А вот если не поставит... Теперь каждый день я буду становиться всё слабее до тех пор, пока однажды кто-то из прайда не заметит, что глава уже не может защитить всю стаю, и тогда...

Отодвинул непростые мысли подальше. Не время. Решу это как-то потом. Сейчас должен думать о той, которая трясётся как осиновый лист, находясь со мной в одной палате, а не о том, как я устал за последние дни, как мне хреново от того, что сделал и от того, что не успел сделать раньше, как душит чувство вины и страха за неё.

У меня больше нет права на слабость. Поэтому мой голос прозвучал вновь спокойно и уверенно.

– Та девушка, она врач, и хочет помочь тебе.

– Они снова будут мне колоть ту синюю жидкость.

На её лице маской застыла паника. И это болью отзывалось у меня где-то в подреберье.

– Нет, никакой синей жидкости. Ничего такого!

– Будут, – кивнула она каким-то своим мыслям. – А потом станут изучать... и ... всё остальное... а я не смогу больше... я...

– Элисса, – повысил я чуть голос, – никто не будет тебя изучать. И обижать тоже. Я не позволю. Ты в безопасности, просто пове....

Но кажется её крики не остались незамеченными. В палату вбежали несколько медработников и оборотней-волков в обычной одежде, скорее всего – охрана, и воззрились на меня едва ли не с таким же ужасом.

Ну да. Они только привезли сюда подопытных из нашей лаборатории и тут нарисовался барс. Весь в крови.

Блядь.

Могу прикинуть, какие мысли сейчас в головах этих ребят, с учетом того, что никто не в курсе о моей договорённости с сыном альфы. Для них я – диверсант.

– Спокойно, – выставил вперёд руки, – я просто пришёл за ней. Я новый глава прайда. Давайте мы все не будем делать резких движений...

Но моя пара уже опять дрожала и вскрикивала, скрутившись в углу палаты. Слыша, как она всхлипывает и кричит, я всё сильнее хотел вывести их силой, но это означало начало драки, которая испугает её ещё больше.

– Выйдите, вы пугаете её, – так они и разбежались.

Даже наоборот собрались защищать спасённую девушку от меня, такого урода, который пришёл забирать её обрат-

но. Поняв, что на слово мне никто не поверит и убеждать бессмысленно, я встал, закрыв её спиной, и перешёл в полутрансформацию, демонстрируя серьёзность намерений.

– Звоните своему альфе. Без неё я не уйду. Мы либо договоримся, либо я положу вас всех нахрен...

Палата опустела через мгновение. Нас заперли на ключ снаружи, словно это могло остановить меня. Но выносить дверь и прорываться сквозь охрану было бы слишком идиотским решением, с учётом того, что именно стая серых волков помогла мне уничтожить лабораторию.

Всё не по плану.

Но я не знал, что она так реагирует на медперсонал. Они её мне окончательно угробят. И оставить её здесь, понял, что не могу. Девочка продолжала трястись в углу, бросая на меня опасливые взгляды. Надеюсь, что не успела заметить, я вернулся в обычный свой вид и сел рядом прямо на пол...

Ну как рядом. На расстоянии вытянутой руки. Моей руки. То есть вполне себе не рядом. Хотя вновь хотелось обнять, успокоить... Если бы её успокаивали мои объятия, я бы её из рук не выпускал.

– Тебя никто не тронет, слышишь? Я даю слово. Ни сейчас, ни потом.

– Зачем Вы...

И вдруг так захрипела, что я испугался, что у неё какой-нибудь приступ.

– Тише, Элисса, дыши глубоко и медленно, давай, ну же...

Я громко вдохнул и медленно выдохнул, показывая пример. Она сложила дрожащие руки на груди, словно закрываясь, но повторила за мной.

– Молодец, видишь, какая ты молодец. Давай дышать вместе. Всё хорошо. Тебя здесь никто не обидит.

– Они...

Она бросила взгляд на дверь.

– Они не прикоснутся к тебе, обещаю. Я здесь. Никто тебя не коснётся.

– Почему... Вы...

– Я объяснял, что ты моя пара. Мы связаны. Я буду защищать тебя...

Она заплакала. Да что я такого сказал?!

– Элисса, прошу тебя. Не бойся. Ты можешь говорить мне, что тебя так расстраивает. Я отвечу на любые твои вопросы...

– Вы заберёте меня себе? – надрыв её голоса было сложно заметить, и я поспешил успокоить:

– Конечно!

И только ответив, запоздало понял, как это, наверное, выглядит с её стороны. Её где-то нашли, посадили в клетку, ставили над ней эксперименты, издевались, из-за чего она ненавидит оборотней на всех уровнях, а теперь заявляюсь я и сообщаю, что она моя и заберу её себе. Да что же это за...

– Боюсь, ты не так всё поняла. Я не стану делать ничего такого, что тебе делали в лаборатории. Я не стану обижать,

даже наоборот. Я помогу...

Она грустно и как-то зло усмехнулась. От чего её прекрасное, почти детское личико стало на пару мгновений злое.

– Вы не первый, кто обещает защиту... Что Вы попросите?

– Попрошу?

– Да, что Вы попросите взамен на помощь?

– Мне ничего не нужно! Поверь! Я... Даже в мыслях не было!

– Так не бывает...

И на этот раз я промолчал, ведь не знал, просто НЕ ЗНАЛ, как убедить её! Словно бьюсь в закрытую дверь. Раз за разом. Мне орать хотелось. И убивать. Снова. Но лучше обнимать её, дышать ею, трогать эти её светлые кудряшки... Зализать её раны, чтобы даже шрамов не осталось. Стереть все жуткие воспоминания из её головы навсегда. И чтобы ей больше никогда не было так страшно, так больно.

А ведь это только начало.

Сколько пройдёт времени прежде, чем она поверит, что я искренне хочу помочь? Сколько она будет ждать от меня подвоха? Сколько продолжит бояться меня, как самого жуткого монстра? Месяц? Полгода? Год? Два? Десять?

Мы так и сидели на полу в палате клиники на волчьей территории, она смотрела на меня как на врага, я на неё – как на своё личное крошечное божество. И пусть наш разговор был ужасен. Пусть я представлял, что моя пара будет иной,

и встречу я её иначе.

Но никогда не променял бы свою маленькую девочку ни на одну другую...

Глава 9

Альфа вошёл в палату вместе с сыновьями. У Эмина под глазом зрел синяк, хотя он и не выглядел слишком расстроенным. Ясно. Процесс перевоспитания прошёл не слишком успешно. Но и альфу можно было понять. Он мог потерять сына. Из-за меня.

И я не должен был, но принял его помощь только потому, что не справился бы один. А волки стали серьёзным подспорьем, которое изменило ситуацию в нашу сторону и главное – позволило вытащить оттуда самое ценное для меня.

Но как только в палате появились они, Элисса вся сжалась и забилась в угол сильнее. Я встал, отряхивая джинсы. Хотя на кой я это сделал, если они все заляпаны кровью? Вряд ли испачкал их сильнее сейчас... Нервное наверно.

Старый волк начал разговор первым.

– Мне плевать, о чём вы договорились с сыном, но ты нарушил нашу с тобой договорённость. И меня это не устраивает. Несколько моих ребят серьёзно ранены. Что я должен сказать их семьям?

– Ты защищаешь свою семью, волк, а я свою, – подошёл я к нему почти в плотную. – Давайте выйдем, не будем её пугать.

Казалось бы, что может страшного случиться после этой просьбы? Но его дальнейшие слова едва не сбили меня с ног.

– Если она твоя пара, это не значит, что я отдам тебе волка, которого она носит.

Эмин вновь отвёл глаза. Так вот что значил этот его жест. Вот почему они забрали её вместе с остальными «своими». Они почуяли в ней то, что не заметил я. И вот один из самых волнующих меня вопросов – какого хрена я этого не заметил?! Сейчас же меня будто под дых ударило. Она... беременна? Моя... пара...

Я оглянулся на девочку, и она подняла на меня глаза, полные паники и страха. Словно бы должен наброситься на неё прямо сейчас и жестоко избить за то, что только что услышал. Она тоже поняла, что я не знал. И сопоставила с тем, что сказал ей до этого, сделав совсем неправильные выводы. Наверное, посчитала, что если считаю её своей, то буду зол на неё из-за этого...

Да, я был раздавлен, но точно не больше, чем она, и никогда не забуду, что во всех её бедах виноват сам. Новая волна угрызений совести и жалости к ней всколыхнулась, накрывая с головой так, что едва смог взять себя в руки.

И тут возник другой вопрос – что по этому поводу думает она сама? И что нам делать дальше? Вариант оставить её тут из-за того, что её ребенок относится к другой стае, я даже не рассматривал. А вот... может ли она *хотеть* его? Но страшнее мне было бы узнать причину, по которой может *не хотеть*...

Я едва сдержался, чтобы не вцепиться в горло альфе, ко-

торый сказал мне об этом тут, при ней, потому что дальше услышал её судорожный всхлип. Ведь мы могли бы поговорить за пределами палаты, и тогда она бы не увидела моей растерянности и страха, моей ярости, которая, конечно, не была направлена на неё ни капли, но ведь она не поверит в это.

Только не успел ничего сообразить и сказать, как Эмин в мгновение ока обогнул меня и присел рядом с ней, что-то прошептал.

И по тому, как она лишь немного отодвинувшись, посмотрела на него, я вдруг понял, что по неведомой причине его она боится меньше, чем меня. Может, потому что он младше и не выглядит матерым мужиком, может, потому что все волки по росту и комплекции чуть меньше, чем мы. Или дело в том, что он забрал её из клетки и она успела увидеть, кто это сделал, до того, как отключилась... А я, в отличие от него, не увёл её оттуда, а оставил...

Внутри проснулась ревность. Совершенно неуместная, но неконтролируемая.

Хорошо, волчонку хватило мозгов не касаться её, даже если она была не против, что вряд ли. Я бы не сдержался. И так был на взводе. Сегодня я убил собственного отца. Зверски. А вместе с ним ещё десяток оборотней. Может больше. Может меньше. Не считал. Хотя прежде даже не дрался без необходимости. А потом узнал, что моя только обретенная пара носит под сердцем чужое дитя... Сжал кулаки, сдержи-

вая желание уничтожить всё вокруг.

На самом деле убивать не легко. Даже мразей. Точнее, в тот момент меня особенно не тяготило ничего, я желал того, что делал. Осознание пришло позднее, когда остался тут один на один с ней. И самое главное в нём было то, что каким бы монстром я не был тогда, и сейчас не жалею. Более того, убью ещё не раз, если она скажет, что остался в живых ещё хоть кто-то, кто касался её против воли...

Только мысль, что кто-то мог вот точно так же желать помочь ей, как врачи тут, а я убил и их, почуяв на них её запах, начинала зреть в голове. И тогда я становился вровень с этими отморозженными, ведь сделанного не вернуть.

Но сейчас самым важным было другое, не до моих угрызений совести, не до размышлений о том, как быть с её положением. Разумеется, мы решим всё вместе. Вдвоём. И это только наш вопрос, а уж точно не альфы или кого-то другого. Но после её реакции на чужих людей я уже не смог бы оставить её тут. Предать снова.

– Мы не договоримся, волк, если ты продолжишь ставить условия. Я забираю её. Точка. А вы будете молчать, кто она мне. Скажете всем, что ошиблись и она просто часть нашей стаи. Если нет...

– Отец, – позвал Эмин, который уже поднялся с пола. – Мы не можем её удерживать.

Элисса перестала всхлипывать, только рвано дышала. Да что он ей сказал такого, что смог успокоить быстрее, чем я?!

– Ты ещё поговори мне! И так наворотил делов, что мне не разгрести...

– Так было правильно, отец.

Старший брат в эту перепалку не вмешивался, видимо, рассудив, что так меньше проблем. У него. Сейчас же мне снова была нужна поддержка младшего волчонка.

Я мог бы, конечно, забрать своё силой. Испугав её, покалечив несколько волков. Я бы справился. Но сейчас как никогда нам всем нужен был мир.

Который всё же я не променяю на неё никогда. И если будет нужно, то сделаю то, чего совсем не хотелось бы.

– Вы оба нарушили наши...

– Послушай, альфа. Я забираю её. Остальное обсудим потом. Выбери день, скажи, куда, я приеду. Выдвигаю требования, рассмотрим. Всё решим. Потом. Дай мне уйти. Иначе я всё равно уйду. С ней. Но по-другому.

Мы сверлили друг друга взглядами.

– Отец, – снова подал голос Эмин. – Пленники и так натерпелись. Пусть заберет её.

Старый волк бросил на сына укоризненный взгляд, который почти сразу смягчился. И я понял, что он уступит. Не из-за меня или моей девочки. Из-за сына. Несмотря на недовольство, альфа гордился им. И любил его.

Парнишке было лет двадцать. Может немногим больше. Младше моего племянника. Но то, как он рассуждал, какие принимал решения, вызывало уважение, даже у меня. И

пусть прежде всерьез воспринимать его я бы не стал, но за помощь был благодарен. И буду.

– Уезжайте. Завтра тебе позвонит мой самостоятельный сын, – съязвил он, – и скажет, где и когда проведем переговоры. Тогда и решим, что с ней делать дальше. Но знай, что мы не позволим оставить члена нашей стаи вне её. Хотя ссоры нам сейчас ни к чему. Недовольные барсы и черные волки поодиночке нас живьем сожрут...

Сзади послышался всхлип, и я резко обернулся. Она подняла на меня огромные глаза, в которых застыли слёзы. Ей снова было страшно. Ей было больно. А мы про волков... Блядь!

Я присел рядом с ней на корточки.

– Элисса, поедешь со мной?

– С Вами, – повторила и нахмурилась она.

– Да. Тебя никто не обидит. Ни тут, ни там. Я не позволю. Не бойся... Идём.

Протянул ей руку, которую она не приняла. Да и не пошевелилась даже. А волки только наблюдали за всем, пока младший из них не догадался увести остальных, оставив нас вдвоём.

– Я же не делал тебе ничего плохого, правда? Сказал, что приду за тобой и пришёл. Не обижаю. Доверься мне, попробуй... Я знаю, что тяжело. Но ты моя пара, я не смогу тебя обидеть, мне самому было бы плохо от этого. Правда. Тебе же не нравятся врачи, а тут их много. В моём доме есть хо-

роший специалист, который не носит белого халата, он посмотрит тебя, поможет тебе. И я буду рядом...

– А вдруг Вы обманете?

– Я не обману. Разве я могу тебя обмануть? Ты очень дорога мне...

– Вы видите меня второй раз.

– Ты просто не понимаешь, что для оборотня значит пара. Ты – моя сила и моя слабость. Я тебя никогда не обижу...
Пойдем? Или хочешь остаться в этой клинике?

Она помотала головой. Конечно, не хочет. Но и меня боится.

– Куда мы поедем?

– Домой.

– К Вам?

– *К нам...*

Девочка вздрогнула.

– Это значит лишь то, что ты можешь чувствовать себя там в безопасности. Ничего другого я не имел ввиду.

Она медленно поднялась, пошатываясь. Но так и держалась на расстоянии. Что ж. Пусть хотя бы так.

Глава 10

Только вот когда встала, как-то странно вздрогнула и застыла на месте.

– Что-то не так? Тебе плохо?

Элисса молча оглядела палату, словно искала что-то. А потом её взгляд остановился на биотуалете, стоящем в углу, и лицо приобрело совсем беспомощное выражение. Я понял, что ей сложно меня попросить выйти.

– Подожду тебя за дверью, сюда никто не войдёт. Как будешь готова, выходи сама, хорошо? Там буду я. И никто тебя не тронет. Тебе нечего бояться.

Она молча кивнула. Хотя видел её растерянность, недоверие и массу вопросов, которые так и застыли в глазах. Мы обязательно поговорим. Но не здесь и не сейчас. Пока мне нужно забрать её, убедиться, что она в безопасности и что ей ничего не угрожает.

Поэтому поспешил удалиться, наткнувшись в коридоре на волчонка. Остальные разошлись, а он, по-видимому, остался нас проводить.

– Сильно тебе досталось? – кивнул на его подбитый глаз.

– Нормально, – пожал он плечами.

– Почему сразу не сказал, что она...

– Понял, что ты не знаешь и как-то... Странно, что ты не почувял.

– Я вообще кроме вони лекарств там ничего не чуял. И старался не подходить к ней очень близко. А в голове шумело... Хотя хрен знает, почему так.

– Помимо неё мы забрали ещё двоих девушек, но как я понял, с ними обращались бережнее, чтобы смогли выносить, а её...

Я зарычал против воли, но парень продолжил.

– Её побили, но так, чтобы не спровоцировать выкидыш. Больше ей ничего не сделали. Во всяком случае, в этот раз.

Я просканировал его взглядом и с облегчением понял, что не врёт. Это мой отец солгал, чтобы взбесить, позлить меня, унижить, причинить боль. То, что он сказал мне про насилие было неправдой. В этот раз. Как-то же она...

Ударил в стену кулаком.

– Мы заберем ребенка, когда он родится.

– Думай, что несёшь!

– А что ты собираешься делать? Оставишь волчонка в своём прайде?

– Если она захочет, то оставлю!

Как бы мне не было хреново, но я готов принять её дитя как своё. Любая часть её мне дорога по умолчанию. К тому же со мной у неё вряд ли что-то выйдет в этом плане...

– Прости, Эрnard, но она вообще вряд ли хочет его.

– Что?

– Она... просила меня не спасать, когда я забирал её, до того, как потеряла сознание. Умоляла дать ей умереть.

Меня скрутило от это картины.

– Это моя вина.

– Это не так.

– Именно так, Эмин! Я виноват, что так долго бездействовал. Что позволил мучить её. Я должен был вызвать его на бой и...

– Ты бы не победил.

– Разве оправдывает меня то, что не победил бы в честном бою?

– А разве было бы легче, если бы он убил и тебя, как твоего брата? Пойми, что ты просто погиб бы, но не мог тогда ничего изменить.

– Лучше бы я подох, чем узнал, что она пережила тут.

– Но если бы ты подох, то она до сих пор была бы там, – я заревел, желая заткнуть его рот, который мог хотя бы произносить подобное. Но мальчишка не пошевелился даже и глазом не моргнул, будто вообще не рассматривал всерьёз варианта, что я могу на него наброситься. – Иногда стоит выждать удобный момент и помочь хотя бы тем, кому можно, а не бросаться грудью на амбразуру, жертвуя собой ради идеи, которая не спасёт ни единую жизнь. Выскажи ты, что против радикально, что не готов мириться, глава уничтожил бы тебя и мы не смогли бы спасти тех, кого спасли. Прекрати корить себя.

– Я должен был забрать её сразу, должен был! И не забрал.

– Разве бы он отдал её тебе, зная, что с парой ты станешь

сильнее? Вас обоих бы пристрелили. Ты спас её жизнь.

– Нужна ли ей теперь эта жизнь?

– Это зависит от тебя.

Чёртов философ.

– Её боль – мой личный позор, который всю свою жизнь я буду нести. Я не уберёг свою пару. В ином ты можешь меня не убеждать.

Эмин вздохнул.

– Отец хочет, чтобы я выставил тебе жесткие условия, чтобы перед родами ты отдал её нам и... – заметив мой налившийся кровью взгляд, он сразу перешёл к следующей части. – Но я знаю, что ты не согласишься. Я бы тоже не согласился. И ещё... Прежде, чем принимать решения и строить планы... В общем, поговори с ней.

– Ты снова знаешь что-то, что не хочешь мне говорить?

– Я могу предполагать.

– Не поделишься догадками?

Тут на пороге палаты показалась моя девочка, со страхом оглядывая пустой коридор. Но кажется мы с волчонком пугали её чуть меньше остальных.

– Идём? – кивнул я в сторону выхода, не решаясь больше протягивать руку.

Эмин улыбнулся ей, и мне показалось, что она немного расслабилась. Может в этом и есть секрет? Несмотря на всё, что она пережила, он продолжает вести себя с ней так, будто не произошло ничего ужасного. А я хожу с выражением ли-

ца, словно собираюсь покрошить на кусочки всех и каждого, рычу, злюсь... Она же не слепая. Откуда ей знать, что как бы я не был зол, никогда не причиню ей вред?

Во всяком случае, мне хотелось бы верить, что никогда.

Втроем мы дошли до моей машины, и я предложил ей самой сесть там, где будет удобно. Она забралась на заднее сиденье с ногами и забилась там в угол. Её босые ступни были пыльными и тоже в порезах, но ведь она не позволила бы мне нести себя на руках. И видеть её такой было больно. Очень.

Я пожал Эмину руку.

– Никогда не забуду, что ты для меня сделал. И всегда отвечу взаимностью. Если будет нужна помощь, то знай, что за мной долг.

Он ответил на рукопожатие.

– Знаешь, я везучий, иногда мне кажется, что со мной вообще ничего не может случиться. Как заговорённый, правда.

– Мне бы немного твоего везения, – вздохнул я, оглядываясь на машину, в которой сидела моя пара.

– Верю, что у тебя получится справиться с этим. Только не тяните с обследованием, мы не успели провести полное и до сих пор так и не поняли, что именно им вводили. У всех разные препараты. А вот для чего... Поищи в лаборатории, может там есть какие-то записи. Без них не разберемся.

Я кивнул и сел за руль, глядя на свою девочку в зеркало заднего вида. И она почувствовала мой взгляд, поёжилась, хоть не подняла на меня глаза. Тогда я не придумал, что мож-

но сказать ей, чтобы успокоить. Казалось, что твержу одно и то же раз за разом.

И это не работает.

Может нужно найти ей психолога? Не знаю. Я вообще не представлял, как приведу её в свою холостяцкую берлогу. Не знал, как правильно обращаться с девушками вроде неё. Не знал, как могу успокоить, помочь.

У меня был большой опыт общения другого характера с дамами. А вот... разговоры по душам, честность, верность, всё такое – для меня были долгое время под запретом. Я ни к кому не чувствовал ничего подробного. Желание укрыть от всего мира, защитить, сделать счастливой, что казалось невозможным. Сейчас знал только, что без метки я почти не чувствую её, не могу как-то контролировать. Но чтобы поставить метку...

В общем хрен я ей её поставлю. Можно и не мечтать, а учиться понимать её без этих наших штук.

Глава 11

В начале дороги мы перебросились лишь парой фраз, в ходе которых она продолжала дрожать и обнимать себя за плечи. Я понимал, что так она отгораживается, защищается, а значит, это был плохой знак.

Хотя чего я хотел? Чтобы она начала мне верить через пару часов после знакомства? Может ещё и счастливо кинулась бы в мои объятия? Радовало лишь то, что она хотя бы немного говорила со мной.

– Элисса, если тебя что-то тревожит, ты можешь сказать. Я отвечу на любые твои вопросы.

Она робко взглянула и сжала пальцы на предплечьях сильнее, так, что костяшки побелели. Как же она меня боится! Глянул на себя в зеркало. Кажется, у неё есть причина. Огромный, отросшая щетина превратилась в бороду уже, на рубашке и джинсах чужая кровь, всё время ругаюсь. Ну да, как она должна понять, что я не несую угрозы? И всё же спросила.

– А Вы... такой же, как они, да?

– Какой?

Я старался говорить тише, чтобы не пугать её, и сутулиться, чтобы казаться меньше. Но на её фоне любой задохлик видится богатырем, поэтому выходило хреново.

– Ужасные, злые и превращаются в зверей.

По огромным испуганным глазам я видел, что её только-только остывшая паника от того, что решилась заговорить, вновь набирает обороты. Поэтому солгал.

– Я добрый.

А что должен был ответить? Что я сам испугался сегодня своей жестокости? Что во мне зачастую говорит агрессия хищника? Что бываю несдержан и часто злюсь, если что-то идёт не по плану? Это мне сказать истерзанной девочке, которую держали в клетке такие же как я?

И пусть мой внешний вид вопил о том, что я солгал, что я чудовище, жестокий зверь в теле человека, но я надеялся, что она никогда об этом не узнает. Если бы я тогда мог предугадать, как скоро моя вторая натура всплывёт, и как она на это отреагирует... Может тогда не стал бы скрывать правду сейчас. Хотя по отношению к ней надеялся остаться самым добрым из всех, кого только мог представить.

Девочка посмотрела на меня впервые прямо, оценивая. Но результат её оценки остался загадкой. Хотя вряд ли он был в мою пользу, судя по тому, что она почти сразу отвернулась, глядя в окно. Я бы на её месте точно не поверил.

Волнующий меня вопрос сам так и не решился задать. И не мог придумать, как правильно сформулировать его ей. Как она относится к ребёнку, которого носит? Согласна ли отдать его чужакам? Как она...забеременела?

Я сжал руль и неосознанно нажал на газ, едва удержав управление. Машина вильнула, и девочка налетела на перед-

нее сиденье, неосознанно ухватившись за него и мою руку, когда едва успел удержать её от сильного удара за плечо. Но в то же мгновение, как она поняла, за что держится, сразу отлетела назад, глядя с ужасом.

ЧТО она себе там представила? Что из-за того, что коснулась, ударю её? Или наброшусь на неё прямо в машине на ходу? ЧТО, блядь?!

– Элисса, всё в порядке? Ты не ушиблась? – как же я был рад, что за годы своей жизни научился прятать истинные эмоции за маской спокойствия. На самом деле был в бешенстве. Но злился не на неё, а на тех, кто заставил её бояться даже такой мелочи.

Она помотала головой. Но на щеке, видимо, повредила верхний слой ранки, поэтому глубокая царапина кровила. У меня даже салфетки нет... Сам обхожусь и без этого, а девушек как-то возить не приходилось.

Недолго думая, оторвал наиболее чистый край своей рубашки и протянул ей.

– У тебя кровь на щеке, вот возьми.

Она некоторое время сидела, не шевелясь, а потом медленно потянулась вперёд. Я как раз повернулся к ней, следя за дорогой краем глаза, но заметил, как крупная красная капля упала на край сиденья бежевого кожаного салона машины. Заметила и она, поднимая на меня огромные глаза, наполненные ужасом.

Всё. Я больше не могу.

Вывернул руль, остановившись на обочине, и сразу вышел, направившись к задней двери. Только когда открыл её, Элисса забила в угол с противоположной стороны, продолжая смотреть так, словно у меня не лицо, а оскаленная пасть, которая только что на её глазах терзала невинных младенцев.

– Я не сделаю тебе ничего, понимаешь?

Она не понимала.

– Элисса, я сам подохну, но тебе не причиню вреда. Мне плевать на салон, когда вижу, что кровоточат твои раны. Я за тебя переживаю, пойми. Не за машину. И я не стану тебя бить, наказывать, насиловать, ничего не стану делать, слышишь?

Намочил тряпку водой, которая нашлась, к счастью, тут же, и вновь протянул ей.

– Не бойся меня. Пожалуйста. Да, я выгляжу не самым лучшим образом сегодня. Да, я огромный по сравнению с тобой и мог показаться злым. Но если кому и следует меня бояться, то только тем, кто причинял тебе боль. Больше никто к тебе не прикоснётся. Никогда. И я не прикоснусь. Не сделаю ничего, чего бы ты не хотела.

Она всхлипнула.

– Элисса...

Но снова не нашёл слов, поэтому бросил тряпку на сиденье, а сам сел на обочину возле открытой двери к ней спиной и схватился за голову. Как мне ей доказать? Дело не в том, что мне невыносимо видеть такую реакцию на себя. А в том,

что она испытывает этот страх раз за разом. Она продолжает бояться. Есть причины, я знаю. Но сейчас ей ничего не угрожает, и я переживаю, что её постоянное такое состояние может нанести ещё больший вред, если это вообще возможно...

Звериным слухом уловил какое-то движение справа и потерял дар речи. Моя маленькая пара, тихонько выбравшись с другой стороны, успела обогнуть автомобиль и, хромая, нырнуть в густой кустарник неподалёку. Захотелось материться. Громко.

Но всё отошло на второй план, когда услышал тихий вскрик там, куда она кинулась.

Вскочил и рванул за ней. Олух! Ну конечно она сбежит, раз так сильно боится! Конечно, ей хочется отказаться как можно дальше и от меня, и от всего, что может напомнить о том, что ей пришлось пережить. Но сейчас она босая пытается продраться сквозь лесные заросли. И вместо того, чтобы следить за ней, расселся тут. Дебил, блядь.

С моей комплекцией пройти там, куда прошмыгнула она, было гораздо сложнее. Но зато я двигался быстрее, поэтому не прошло и пары минут, как я увидел её, лежащую на земле и держащуюся за щиколотку. На ступне тоже была кровь... Кажется, это моя пытка никогда не закончится. Лучше бы меня кромсали на куски, чем видеть, как больно ей...

– Тише, Элисса, – выставил вперёд руки вверх ладонями, – я не злюсь, всё хорошо.

Чуть присел рядом, осматривая крошечную ножку, но не

трогая. Толку трогать, всё равно я не врач и не пойму, есть перелом или нет, только больше её испугаю.

Она не смотрела на меня, поэтому, когда тихо-тихо заговорила, я не сразу понял, что это мне.

– Простите, я больше не буду.

– Что не будешь? – я правда не понял, а она, похоже, подумала, что хочу непременно слышать весь перечень её проступков.

– Пачкать Вашу машину, убегать от Вас, заставляя договнять, задавать глупые вопросы...

Она кусала губы. Сильно. Не жалея себя. И вжимала голову в плечи.

– Твои вопросы совсем не глупые. Ты можешь спрашивать сколько хочешь. И я уже сказал, что мне плевать на машину. Убегать... не стоило, потому что ты можешь случайно навредить себе. Да и мы ещё очень далеко от города, ты бы осталась одна в лесу. Это не лучшее место для ночлега, правда? Ты убегала просто от меня или куда-то контрено?

Она помотала головой отрицательно. Это значит, не куда-то, да?

– Я испугал тебя, поэтому?

Здесь она замерла, стараясь не шевелиться.

– Извини, Элисса. Я совсем не умею нормально общаться с девушками. Буду очень тебе благодарен, если научишь.

Она подняла на меня изумленные глаза.

– Я вижу, что напугал сильно, но я не хотел. Ты меня про-

стишь за это?

Девочка нерешительно кивнула.

– Спасибо. Когда мы приедем, обещаю, что переоденусь и приведу себя в порядок, чтобы тебе не было так страшно. И вообще буду делать, что ты скажешь, чтобы только не боялась меня. Честно.

Она снова мне не поверила. Но по крайней мере не смотрела сейчас с тем ужасом.

Вообще вот это её поведение, извинения ни за что, постоянный страх, заставляли представлять картины, которые являются причинами тому. Но каждая мысль, как ей причиняли боль, выворачивала изнутри. Вот это её «простите» от безысходности всё ещё звенело в моей голове, с каждой секундой всё сильнее и сильнее.

Я вдруг почувствовал, как всё кружится вокруг, перед глазами тёмные круги. И единственная мысль, когда оседал на землю – если сейчас отключусь, то как она останется тут одна. Моя голова коснулась сухих веток, шум внутри не позволил мне разобрать, что именно она сейчас сказала, но я не хотел пугать, поэтому из последних сил прошептал:

– Всё хорошо, только не бойся...

Да, наверняка её это успокоило, когда я всё же вырубился.

Глава 12

Как мне только в голову пришло нести подобную чушь про «всё хорошо» в этой ситуации? Наверное, мозг на тот момент уже отключался.

Ведь, разумеется, после моей фразы, всё стало прямо прекрасно.

Незнакомый ей мужик, которого она боится до паники (настолько, что решила даже на побег, будучи уверенной, что если догоню, то её ждёт жестокое наказание), просто отрубился рядом без всяких видимых на то причин, в лесу, вокруг – ни единой живой души, машина на трассе, и она с поврежденной ногой осталась со всем этим один на один.

И почему, ну ПОЧЕМУ все эти ужасы происходят именно с ней? Лучше бы я всё это пережил, только не она...

Тогда ещё сам не понял, что же произошло со мной, но несколько суток без сна и еды вряд ли могли так сказаться на моём самочувствии, всё же я взрослый оборотень, а не кисейная барышня. Да и обдумать толком времени не было. Всё произошло слишком неожиданно и быстро. Старею что ли?

Когда пришёл в себя вокруг уже было темно. И холодно. Не мне, конечно. Всё же не зима на улице. Но и у нас температура почти как у диких животных, которые в мороз на улице спят спокойно. А вот для человека должно быть очень

ХОЛОДНО...

Стоп. Для человека. Первая вспыхнувшая мысль – Элиса.

Резко подскочил, пытаясь сесть, что получилось не с первого раза, даже голова закружилась, и начал оглядываться вокруг. Но испугаться, что она исчезла не успел, потому что девочка сидела совсем близко, руку протяни и коснёшься, на земле, обняв свои колени, и смотрела на меня.

Её лицо было заплаканным (это из-за меня она сейчас плакала? Не в смысле, что переживала, а может боялась уйти или ей было опять страшно из-за того, что я валяюсь рядом?), бледные губы с засохшими по краям ранками посинели, она вся тряслась. Сколько я так провалялся? Прочистил горло и тихо заговорил:

– Прости, не знаю, что это со мной. Сейчас поедем. Как ты?

Медленно встал на ноги и ощутил резкую боль в обожженном ранее боку. Приподняв рубашку, понял, что мои подвиги не остались без последствий. Кто-то из оборотней во время резни в лаборатории явно меня не хило так задел.

Рана была рваная и глубокая, моя собственная кровь смешалась с чужой на одежде. А сразу боли я видимо не почувствовал из-за адреналина. Да и вообще не до того было. Зато потом вон как аукнулось.

Ещё и наверное сказывается то, что встретил истинную и не... в общем, не закрепил нашу связь. Поэтому регенерация

зверя стала работать слабее, вот и накрыло в самый неподходящий момент. Спасибо, что не за рулём. Но пока всё не так страшно, пришёл же в сознание даже без помощи и чувствую себя почти сносно. Значит, остатки былой силы оборотня тоже ещё на месте.

Обычно истинная делает своего избранника сильнее. Но это если союз... как бы это помягче... Ближе нужно быть с парой своей, во всех смыслах, и всё будет нормально. Даже лучше, чем нормально. А вот в нашем случае... Неизвестно, как долго я вообще продержусь, если даже коснуться её толком не могу. Это будет выпивать мои силы день за днём. Но и иначе с ней никак. Мне вообще можно забыть о чём-то большем.

Тут я сообразил, что она так и не ответила, даже не пошевелилась.

– Элисса, как ты? Что-то болит?

Дурацкий вопрос. Судя по её внешнему виду, болеть у неё должно всё. Легче перечислить то, что хотя бы теоретически может не болеть сейчас.

– Я думала, Вы умерли... – тихо сказала она.

– Почему не ушла тогда? – задал я, казалось бы, логичный вопрос.

Огромные глаза смотрели с мукой. Сразу видно, что хотела бы. Ещё как. И почему она тогда правда не сбежала? Ведь собиралась. Хотя конечно я рад, что она никуда не ушла. Всё равно бы нашёл потом рано или поздно, но мало ли что мог-

ло с ней случиться за это время.

– Не смогла...

Ах да, нога. Я опустил взгляд с её лица ниже. Щиколотка уже сильно распухла. В лучшем случае вывих. А я только-только не размечтался, что не захотела оставлять меня. Дурак.

Что она пережила, пока сидела рядом, думая, что я мертв, и не имея возможности уйти? Ждала, пока замерзнет тоже? И даже не придвинулась ближе, чтобы согреться, хотя не могла не чувствовать мой жар. Видимо, и когда я в таком состоянии, явно не опасен, но неприятен ей настолько, что не хочет быть рядом даже ради спасения собственной жизни...

Мысленно выругался. Голова ещё гудела, но тянуть было некуда.

– Давай я помогу тебе добраться до машины? Отнесу туда, ладно? И сразу же отпущу.

Но ответа не последовало. Вместо него я услышал робкий вопрос.

– Это Ваша кровь?

– Выходит, и моя тоже, – пожал плечами.

– И Вам больно?

– Нет, почти ничего не чувствую, – пусть это было уже не совсем так, но зачем ей сейчас моя честность. – А тебе?

Она кивнула. Моя маленькая. Захотелось обнять, зацеловать её порезанные ножки, руки, согреть в своих объятиях... Ой, как нескоро мне удастся это сделать. Но по крайней ме-

ре показалось, что вот прямо сейчас боится меня немного меньше.

Может, потому что подумала, что раз это моя кровь, то меня кто-то тоже бил, а не я? На самом деле это было вообще неважно. Если нужно, я готов притворяться хоть калекой, чтобы не вызывать у неё ужас своим присутствием.

Осознав, что всё это время она сидит на холодной земле, я решил ускорить принятие ею единственно-верного решения и присел рядом.

– Я подниму тебя и отнесу в машину, хорошо? Буду очень осторожен. Не бойся.

Протянул к ней ладони, и она сжалась, хотя и не препятствовала, не пыталась остановить.

– Элисса, ты же не можешь идти сама, правда? Мы здесь уже долго, тут холодно и темно. К тому же ты, наверное, голодная. Приедем домой, там тепло, есть куча еды. Ладно? Нам просто нужно добраться до машины.

Легко подхватил её и, как бы ни хотел прижать к себе, наоборот старался держать чуть ли не на вытянутых руках, не желая причинять дискомфорт. Она не весила вообще ничего. словно держу перед собой шарик с воздухом, а не живого человека. Маленького, замерзшего человека...

Такую крошечную, милую, нежную девочку, которую нужно согреть...

Она уперлась в мою грудь дрожащими ладошками, когда неосознанно всё же привлёк её к себе и наклонился ближе. И

разом я протрезвел. Что творю?! Притяжение притяжением, но впервые она не кричит, не вырывается, а я... всё испортил. Теперь снова смотрит с ужасом.

– Извини, – прохрипел, – больше такого не повторится, – и снова отодвинул её от себя.

К счастью, машина оказалась на месте. Что бы я делал, если бы её угнали, ведь оставил там и ключи, и телефон, не знаю. Но в тот момент думал только о сбежавшей паре. Больше ни о чём.

Посадил её снова на заднее сиденье и подал свой пиджак.

– Накинь, ты вся продрогла.

Она послушно укуталась в мою одежду. В груди впервые от этого почувствовал какое-то звериное удовлетворение. Нам важно, чтобы пара нас признавала, и Элисса первый раз за всё время сделала шаг навстречу хотя бы так. Но как же она замерзла, что вопреки своему прежнему поведению, приняла помощь сейчас? Нашёл я, конечно, время, чтобы повалиться в лесу, ничего не скажешь.

Когда уселся за руль, зажимая рану в боку рукой, и включил тепло, направив поток воздуха на неё, она вдруг тихонько спросила:

– Вы правда не накажете меня?

– Разумеется, нет. Ни я, ни кто-то другой никогда больше не станет тебя наказывать.

Она поёжилась, но не ответила. Может, снова до конца не поверила. Может, думала, что сейчас обманом привезу её к

себе в дом и начну издеваться. Не знаю. Но видимо придётся всё доказывать по факту, потому что подобрать слов не получалось.

И те несколько десятков минут в машине, в которые она не тряслась, не плакала и не просила дать ей умереть, показались мне едва ли не раем. Хотя бы это уже было почти победой, ведь мы вместе находимся в небольшом пространстве, и она, если и боится меня, то хотя бы может сдерживаться. Мне тогда очень хотелось верить, что со временем всё станет иначе...

Потом мне даже показалось, что она задремала, ведь услышав шорох гравия у подъезда к моему дому, встрепенулась и резко распахнула глаза, оглядываясь. Когда мы подъехали чуть ближе, я решил попробовать тактику Эмина, говорить с ней на отвлеченные темы, будто мы можем просто общаться.

– Как тебе дом?

Она посмотрела на меня растерянно и с непониманием, отчего я ощутил себя непроходимым дураком. Может ещё о погоде с ней поговорить? А что. Как тебе сегодняшняя ночь, Элисса? Какое небо звёздное, блядь.

Вышел из машины первым и открыл ей дверцу, протягивая руку.

– Идём? Это наш дом, я всё тебе покажу.

Она перевела взгляд с руки на моё лицо. И я как-то сразу понял, что дом станет *нашим* не скоро. Ой как не скоро.

– Всё хорошо. Тут нет никого, кто может причинить тебе

вред. У тебя будет своя комната, куда никто не станет заходить. Идём, Элисса.

Так и не приняв руку, она тихонько переползла к краю сиденья и спустила ноги на дорожку, не вставая. Идиот. Забыл, что она не может идти нормально. И врачу так и не позволил, а с ногой у неё всё хуже становится. Что со мной вообще такое происходит? В голове кисель просто. Вижу её – всё забываю.

– Я сейчас подниму тебя, хорошо? И отнесу внутрь. А потом снова сразу отпущу. Я же сдержал слово, когда нёс до машины.

Иногда мне казалось, что говорю с ней как с малолетним ребёнком, но замечал, что когда не озвучиваю элементарных вещей, то пугаю её. Поэтому уж лучше так.

Вот только оказался совершенно не готов к тому, что произошло дальше.

Я наклонился к ней и уже коснулся ладонями её спины и бёдер под коленями, как поцарапанные до крови и ещё холодные ручки вцепились в мою одежду, а отчаянный крик едва не разорвал перепонки. Ни с того ни с сего она вновь впала в истерику, повторяя пока непонятное для меня:

– Вы же обещали, что не накажете! Обещали! Не отдавайте меня! Пожалуйста! Я буду делать, что скажете! Я буду послушная! Не стану сердить! Только не отдавайте!

С чего она вообще решила, что собираюсь? Я же ничего не сделал и не сказал такого. Что за...

Глава 13

Её голос срывался, когда кричала, и дышала она так, что я опять боялся приступа. Мне и в другое время казалось, что она вот-вот потеряет сознание. А то, как она сейчас цепляется за меня... Словно от этого зависит её жизнь...

– Тише, тише, Элисса, я не отдам. И не накажу. Даже не собирался. Тише. Что тебя испугало? – гладил её по голове, успокаивая, потому что в данный момент она, напротив, жалась ко мне, а не отталкивала и не отползала.

И всё же отвлёкся, чтобы рыкнуть, обернувшись:

– А ну разошлись все! Быстро!

Наверное, услышав, что я вернулся, из пристройки возле дома вышли пятеро ребят, приветствуя. Но после моих слов двор опустел мгновенно.

Девочка перестала кричать, но продолжала уже что-то бессвязно шептать, из чего можно было разобрать только просьбу не отдавать, и держалась за меня, не реагируя, не слушая.

– Маленькая моя, что случилось?

Она не слышала вопроса. И ответа я так и не получил. Но неожиданная неприятная догадка ударила обухом по голове. Когда они вышли, она не могла их видеть за моей спиной, а вот когда я наклонился к ней... то не просто испугалась чужих...

Она *узнала* кого-то из них. В моем доме. В нашем доме. Где я обещал ей безопасность. И наверняка решила, что солгал, привёз сюда, чтобы снова позволить издеваться над ней.

Едва сдерживая себя, чтобы не оставить её тут и не кинуться разрывать на куски отморозков, которые её так пугали, я всё же поднял её на руки, прижимая к себе, еле успевающая уворачиваться от взмахов рук, которыми она теперь пыталась оттолкнуть меня, тем не менее, обещая делать, что я пожелаю, только не отдавать. Наверное, думала, что отнесу к ним, чтобы... ЧТО они делали с ней?!

Через несколько минут с ними повторится то же, умноженное во сто крат. Вот только успокою её...

Я занёс Элиссу в комнату и положил на кровать. Она что-то шептала, и когда я, прислушался и понял, что именно, меня едва не парализовало. Сердце выбивало какой-то совсем нездоровый ритм. Если она не схватит инфаркт, то кажется он скоро случится у меня.

– Пожалуйста, не надо. Только не отдавайте. Лучше Вы. Пожалуйста. Только не они. Не отдавайте им. Лучше Вы... Пожалуйста.

Она была словно в трансе. Качалась из стороны в сторону. И шептала одно и то же. Думала, я стану насиловать или бить её? И лучше я, чем отдал бы другим? Меня выворачивало от её боли. Ещё пара минут, и снова вырублюсь. Перед глазами вновь начали появляться тёмные круги, но я держался

из последних сил. Некогда думать о себе.

И снова мой голос звучал на удивление спокойно, хотя меня самого колотило изнутри.

– Элисса, послушай меня, тебя никто не тронет тут. Ни я, ни они. Понимаешь? Никто. Скажи, кто именно тебя напугал. Прошу...

Но она не отвечала, продолжая биться в истерике.

Я полчаса отпаивал её водой, успокаивал, прежде чем удалось выяснить, кого именно она раньше видела. Двое из моей охраны... издевались над моей девочкой. Как я понял из обрывков спутанного, скомканного рассказа (если это вообще можно назвать рассказом, учитывая, что она говорила по одному слову в минуту), из-за того, что она выглядела как подросток, как девушку они её не рассматривали, зато им нравилось забавляться с ней иначе.

Они бросали её в клетку к животным, и веселились, когда те нападали и наносили ей увечья, а она плакала и просила выпустить... Мрази.

Я резко встал, но Элисса схватилась за мой рукав.

– Умоляю, не надо, не отдавайте. Делайте со мной что хотите. Пожалуйста. Я буду очень-очень послушная, только...

Не могу больше это слышать. Понимаю, что ей было сложнее, но сейчас... У меня просто нет сил слышать вот это «лучше Вы», «делайте, что хотите», «буду послушная». Эти слова разрывали мою голову изнутри. Я сам готов ради неё делать что угодно, а она предлагает мне... Сжал кулаки.

– Я не отдам тебя никому, слышишь?

– Тогда не уходите. Вы уйдёте, и они...

– Нет. К тебе никто и пальцем не прикаснется, даже если меня нет рядом.

– Они придут сюда.

– Никто сюда не придёт, Элисса! – едва сдержался, чтобы не повысить голос.

КАК ей доказать?!

– Не уходите, – продолжала повторять она. – Я буду послушной, буду делать, что скажете, только не отдавайте...

У меня горло сжалось, не пропуская воздух, когда слышал эти её обещания. Как же она их боится, если обещает мне, которого тоже не выносит, всё на свете?

Но я уже принял решение. И отцепив её руку от себя, спустился вниз к охране. Если прямо сейчас не выплесну свою ярость, будет хуже.

Не хочу пугать её ещё больше. Не хочу, чтобы видела меня другим, несдержанным монстром, жelaющим крови уродов, которые покалечили её. Мечтающим сейчас убивать... долго и мучительно. Еле сдерживающим дикий, звериный рык. На руках которого уже начинают сами появляться звериные когти, предназначенные для того, чтобы разорвать на части...

Догадаться бросить крошечную человеческую девочку в клетку к обезумевшему оборотню в теле зверя, а потом поселиться от того, как она пытается убежать от него из угла в угол, зная, что всё равно догонит, наслаждаться её мольбами

О помощи...

В общем, когда я дошёл до места назначения, то был уже и в нужной кондиции, и в полутрансформации. Трое казались просто озадаченными, видимо, не сообразив, в чём причина моей ярости, а вот те самые двое резко побледнели.

О, они прекрасно поняли, для чего я пришёл. И узнали её за моей спиной в машине. Точно узнали. Судя по ужасу на их лицах. И сделали совершенно правильные выводы.

Не знаю, почему не пытались сбежать, но это было бы абсолютно бессмысленно. Я теперь глава прайда. Я бы нашёл. И они не могли не осознавать этого. А если рассчитывали на то, что дам возможность объясниться... то это зря.

– Вон! – зарычал на лишних, чтобы не попали под горячую руку. И когда мы остались втроём в небольшой комнате (чем не клетка с диким зверем?), запер дверь, положив ключ в карман, и мстительно прохрипел: – А теперь мы с вами поиграем... Убегай от меня, тварь...

Когда я вышел оттуда, то всё помещение было залито кровью. Приказал остальным отмыть и унести то, что осталось, на парковку под домом пока, чтобы потом вывезти. На всякий случай отметил, что то же самое ждёт каждого, кто только посмотрит косо в её сторону.

Ребята ничего спрашивали, молча принялись выполнять приказ, и я был уверен, что передадут остальным. Хотя, наверное, и посчитали меня чокнутым психом. Но это волновало меня меньше всего. Пусть думают, что захотят. Пусть

боятся больше, чем прежнего главу. Мне плевать. Главное, чтобы никто не смел даже смотреть на неё.

Наскоро омывшись под душем, переоделся, забинтовав на скорую руку дыру в боку, и кинулся к ней.

Применив силу главы прайда, я смог прочесть их мысли. Мы редко применяли этот дар, потому что после него оборотень мог сойти с ума, а в процессе шла кровь из носа и ушей... Но не жалеть же мне этих ублюдков.

Я видел в их воспоминаниях то, как кричала от боли и страха маленькая девочка в клетке, а они ржали в ответ и отпускали мерзкие шуточки, советуя бегать быстрее, делая ставки, как долго она продержится на этот раз. Вытаскивали её лишь тогда, когда животное подбиралось к горлу.

Прежний глава, тот, кого я называл до сего дня отцом, позволял им «играть» с подопытными, как пожелают, но, чтобы оставались живы.

Последняя, сегодняшняя их игра им, кажется, не понравилась. Но об этом их спросить уже не выйдет. Хотя по тем звукам, что они издавали, можно было сделать определённые выводы. И эти выводы хоть немного успокоили моё внутреннее, требующее крови, чудовище.

Когда вошёл в её комнату, то нашёл Элиссу в углу с затравленным взглядом. Тогда подошёл ближе и опустился перед ней на колени.

Она сжалась вся, дрожала, но продолжала смотреть и даже заговорила первая.

– Вы правда не отдадите меня им?

– Их больше нет, – решился я на правду.

На мои плечи навалилась вся накопившаяся за последние дни усталость. Голова кружилась. Мне хотелось прижать её к себе и хоть на пару минут задремать, чтобы отвлечься от того кошмара, который преследует нас по пятам.

– Как нет?

– Совсем.

– Вы говорите неправду. Я поверю, а Вы...

– Хочешь увидеть? – устало предложил я, не зная уже, как иначе доказать.

Глава 14

Она не верит моим словам. Думает, что вру ей специально. Что мне тоже захочется сделать ей больно. Что я такой же больной отморозок, как и те, кого она встречала до этого.

НО ЭТО НЕ ТАК!

– Что? – не сразу сообразила Элисса, что именно собираюсь ей показать.

Да я сам ещё не был уверен, что действительно собираюсь, даже надеялся где-то в глубине души, что она сейчас откажется. Казалось, стоит ей узнать мою сущность, и станет смотреть на меня с ещё большим страхом.

Но как иначе доказать, что ей больше ничего не угрожает в этом доме? Что можно спать спокойно, зная, что никто не придёт в её комнату, чтобы снова издеваться над ней?

– Убедиться, что эти мрази никогда тебе ничего не сделают.

К моему удивлению, она несмело кивнула, и всё же решил предупредить:

– Это не самое приятное зрелище, Элисса.

Но она продолжала смотреть на меня с ожиданием, не отменяя прежних слов. Была не была. Кто же знает, как сейчас правильно?

– Тогда вставай, – протянул ей руку, но, как и ожидалось, она её не приняла, обхватив себя за плечи.

Однако поднялась и даже не позволила мне взять себя на руки, хотя сильно хромала и морщилась. Только теперь я знал, что боль, которую она испытывала раньше, была сильнее вывиха ноги. И не стал настаивать, хотя и наблюдал внимательно, чтобы успеть подхватить при необходимости.

Мы вышли из комнаты, но увидев в коридоре милую оборотницу в возрасте, помогающую мне по хозяйству, она шарахнулась в сторону и ударилась о стену. Та воззрилась на нас огромными глазами, но поняв всё без слов, тут же скрылась за одной из дверей. Собственно, именно поэтому именно она мне и помогает, более мудрую и тихую женщину я в жизни не встречал.

– Тише, Элисса, тебе ничего не угрожает. Это и твой дом тоже. И все эти люди здесь, чтобы помогать тебе, а не наоборот.

Признаваться ей из людей она тут одна, было пока преждевременно, пусть пока привыкнет к ним, а уже потом объясню ей, что у нас тут несколько домов подряд – оборотни нашего прайда. У нас не принято, как у волков, всем селиться рядом, но те, кому это не доставляет дискомфорта, предпочитают держаться недалеко. На всякий случай.

Ну и конечно, в свои дома мы чужих не пускаем. Только тех, кому можем доверять. И как правило, это не бывают люди.

На моё замечание Элисса промолчала, но я увидел, как стискивает губы и снова морщится, приподнимая повре-

ждённую ногу. Вот больно же... но ведь не попросит.

– Нам нужно вниз по лестнице, тебе будет сложно идти, поэтому я донесу тебя, ладно?

Видел, что её трясло, глаза слезились. Может снова думала, что вру и хочу отдать им? Но я уже несколько раз повторил, что этому не бывать, а она не слышит. А если оставить её в комнате, то как ещё смогу доказать, что их правда больше нет?

Пусть она испугается меня, пусть ей станет плохо от картины нескольких трупов, но зато она убедится, что я не вру, что уничтожу каждого, кто сделал ей больно. Может это может ей поверить мне хотя бы в этом?

И всё же я поднял её на руки (которые она не оттолкнула, словно смирилась со своей участью. Будто тоже, как и я, решила идти ва-банк) и принёс на парковку. Издали дал команду всем исчезнуть, потому что она напряглась всем телом, заметив вдали нескольких других мужчин. А когда мы вдвоём подошли ближе, я поставил её на пол и решительно откинул брезент, под которым лежало два тела.

Будь что будет. Оглянулся, уже ожидая вторую волну истерики и злясь на себя, что не взял хотя бы воды или какого-то успокоительного.

Но она судорожно выдохнула и, напротив, смотрела будто с облегчением. Даже не тряслась больше, разглядывая изуродованные трупы своих мучителей с каким-то жутковатым выражением лица. Нет, не радости и удовлетворения, а слов-

но... злого любопытства, будто пыталась понять, что именно с ними произошло и как долго они страдали.

– Это сделали Вы?

– Я, – было страшно признаваться, ведь тогда она бы поняла, что я тоже могу быть кровожадным ублюдком. Но реакция была скорее – удивление. Не страх. Это было странно.

– Из-за меня? – новый неожиданный вопрос.

– Из-за того, что они были падалью. Но то же самое будет с каждым, кто хоть однажды причинил тебе вред.

Она вздрогнула и вдруг спросила то, что я не ожидал от неё услышать:

– Обещаете?

Эта девочка казалась мне светлым ангелочком, поэтому я ожидал осуждения или страха, а не просьбы дать слово, что поступлю так ещё раз. Или не раз. Но ведь я и так поступлю...

– Обещаю.

Она несмело кивнула. Будто бы самой себе.

– А что...

Тут снова начала дрожать и стискивать руки.

– Ты можешь говорить и спрашивать что угодно, я не обижусь и не разозлюсь.

– А что... взамен?

– Взамен?

– Что мне нужно делать за это?

Когда до меня дошло, что она снова думает, что я попро-

шу что-то у неё за защиту, мне захотелось убить этих уродов ещё раз. А потом ещё. С кем-то она уже торговалась вот так? И что они просили у неё? Найду и зарюю. Каждого. Мрази.

– Ничего. Мне ничего от тебя не нужно. Я ничего не попрошу. Совсем.

Она вскинула на меня недоверчивый взгляд, а губы изогнулись, как у ребёнка, который собирается заплакать. Не поверила.

Как мне её успокаивать?! Если даже обнять не могу...

– Тише, Элисса, тише. Не бойся. Я знаю, что сложно верить. Всё понимаю. Но попробуй. Дай мне хотя бы один шанс доказать, что не все мы такие. Я не обижу.

– Не обидите, – повторила она и медленно перевела взгляд на тела.

Ну да, сразу ясно, что я добрая фея с крылышками, блядь.

– Тебя не обижу никогда. А вот тех, кто тебя обижал, обещаю, найду. И закопаю. Каждого.

– Просто так?

– Нет, они заслужили это. Потому что совершали ужасные поступки.

Возникла неловкая пауза. Хотя всё наше общение и было нелёгким.

– Пойдём в твою комнату?

– Мою?

– Да, она твоя. Но если тебе понравится другая, то мы перенесём вещи, их привезут завтра. Весь дом в твоём распо-

ряжении, я всем сказал, что теперь ты тут хозяйка. И если хоть кто-то посмотрит на тебя недоброжелательно...

Она перевела взгляд на своих обидчиков, но я снова накрыл их тела. Меня немного пугала её реакция. Хотя разве мне судить, как она должна реагировать после всего, что пережила? Мне упрекать её в ненависти ко всем оборотням?

Только доказывать раз за разом, что среди нас, так же, как и среди людей, есть падаль, а есть нормальные.

– Значит, Вы тоже можете быть животным?

– Могу, – Элисса затряслась, хоть и не сдвинулась с места. – Но тебе это ничем не угрожает. Хотя ты права в том, что тут самый страшный именно я. И теперь они все боятся меня настолько, что никогда к тебе даже не подойдёт никто, слышишь? А я всегда буду тебя защищать. Рядом я или далеко. Всегда.

Она уже привычно не поверила. Или мне так показалось. Заметил лишь её внимательный, словно оценивающий взгляд. Наверное, убедилась, что я действительно самый жуткий.

Задержалась глазами на моих руках... Вроде когтей нет, что её так заинтересовало? Я непроизвольно сжал и разжал кулаки, а она будто решила что-то для себя и, словно соглашаясь с каким-то своими мыслями, встряхнула головой. Ни хрена не понял.

Но когда сделал шаг навстречу, то она даже не отпрянула назад, как было до этого. Только вот я прекрасно видел, что

она продолжает бояться. Что тогда она сейчас думает, если заставляет себя от меня не шарахаться? Как тогда, в лаборатории.

Осторожно поднял её на руки, и она молчала, глядя в мою грудь. Не двигаясь. Просто замерла. Или это запоздалый шок или... она решила, что если не сможет мне сопротивляться и я всё равно сделаю, что захочу, то нет и смысла пытаться что-то изменить, а нужно просто ждать?

Что ж. Всё равно не верит. Значит, пусть ждёт. Только какое количество времени ей будет нужно, чтобы поверить в то, что я правда не выжидаю удобного момента и на самом деле ничего не сделаю плохого?

Ещё мне не верилось, что с момента нашей встречи прошло всего несколько дней. Казалось, целая жизнь. Меня мучил вопрос, как она выжила после всего? Это было чудом. Для меня. И кажется проклятьем для неё...

Но впереди нас ждал ещё один непростой разговор, который я буду откладывать так долго, как только смогу. Во всяком случае, нужно дать ей хотя бы немного времени привыкнуть и осознать, что можно говорить честно, не ожидая наказания или подвоха. И тогда мы обсудим... беременность моей пары.

Глава 15

Молча мы вернулись обратно. Я не знал, что ещё сделать или сказать. Поэтому только поставив её на пол, решил всё же предупредить заранее:

– Скоро придет врач, он осмотрит тебя.

– Не надо! – её глаза расширились, а сама Элисса отшатнулась от меня.

– У тебя много порезов, нога отекла, и... – и я переживал за её положение, но не стал произносить очевидного, – вообще не известно, что ещё повреждено. Он не носит белого халата и просто проведёт обследование, никаких уколов...

– Пожалуйста... – смотрела она на меня с мольбой.

И этот взгляд заставлял моё сердце плавиться. Отказывать ей было слишком сложно. Никогда прежде я не чувствовал подобного, что приходится буквально перешагивать через себя же, настолько сложно идти ей наперекор. И всё же отголоски здравого смысла были живы во мне.

– Элисса, мы не знаем, насколько всё серьёзно, это нужно сделать.

Она обреченно мотала головой, видимо не решаясь больше спорить, вновь скрестив руки на груди.

– Врач всё равно придет, Элисса. Я буду рядом и не позволю обидеть тебя, хотя у него совершенно точно нет такой цели. Но, если тебе будет проще, то я попрошу приехать жен-

щину – врача. Хорошо?

Девочка снова смотрела в пол и не отвечала. Ладно, решу сам. Наверное, психологически ей будет проще общаться с женщиной. У нас как раз одна сейчас занята прежними подопытными. Попрошу приехать именно её.

Оборотнице лет уже эдак под шестьдесят, и вроде как умеет найти общий язык со всеми, сама предложила свою кандидатуру для работы с пленниками. Ведь не многие из них смогли уйти. Некоторые были в таком состоянии, что пришлось запереть их в специальных камерах-палатах, так как мы не могли выяснить, как вернуть им (и возможно ли это) разумность.

– Ты располагайся, привыкай, я вернусь скоро и принесу ужин. Можешь пока принять ванну, там есть халат и полотенца.

На этот раз я уже и не ждал ответа, знал, что его не будет. Ну что ж. Ладно.

Но когда вернулся с подносом разной еды, то отметил, что ванну она явно не принимала. Да и вообще словно не шевелилась всё это время. Сидела на застеленной кровати, сложив руки на колени, и смотрела в пол.

Подвинул ближе прикроватную тумбу и установил тарелки на неё, ближе всего разместив обычный суп. Я не знал, чем кормили их в лаборатории, и боялся предлагать что-то более питательное и жирное, хотя тоже принёс.

Элисса заметила меня, конечно, но это отразилось только

в том, как её пальцы вцепились в колени. Положения она не изменила, даже не глядя на еду.

– Поешь, – попросил я и подал ей ложку.

Когда она протянула руку, чтобы принять её, я заметил, что её ладонь дрожит. И как понять, плохо ей или меня боится? Осторожно вложил прибор в её руку, стараясь не касаться лишней раз. Но она снова замерла, хотя теперь уже смотрела на то, что я принёс.

– Ты можешь выбрать что тебе больше нравится.

Она не двигалась.

– Элисса, поешь, пожалуйста.

Девочка положила вторую ладошку на бок глубокой тарелки и зачерпнула горячую жидкость. Совсем немного, будто собиралась лишь попробовать. Медленно поднесла к губам, на которые я смотрел, застыв как статуя. Но дальше дело не шло. И я уже хотел сказать ей не стесняться или что-то такое, как понял, что вообще-то её может смущать именно моё присутствие.

– Ты подкрепись хорошо, а я пока... В общем, у меня есть некоторые дела. Вернусь чуть позже. Ты можешь брать здесь всё, что тебе нравится.

Она не ответила, и я вышел, надеясь, что без меня она хотя бы поест нормально. Но терпения мне хватило лишь на полчаса. Издёргался весь, пока сидел в кабинете, отсчитывая каждую минуту. Попросил привезти мне её документы или что там велось на каждого из подопытных лаборатории.

Может хоть оттуда я узнаю, что именно с ней произошло и насколько всё плохо. А пока решил, что времени ей должно было хватить, поэтому вернулся.

Вот только своей пары в комнате не нашёл. Как не заметил и чего-то съеденного из всех блюд, что я принёс. Звериным слухом слышал звуки из ванной и, не подумав, направился туда. Вот только стоило заглянуть внутрь, как заметил её сидящей на полу над унитазом.

Испугавшись, кинулся к ней.

– Тебе плохо? Что болит?

Она не ответила, лишь вытерла рот краем рукава больничного халата, в котором я привёз её сюда. В тот, что был тут, она так и не переделалась. Хотя он явно был бы ей большой, но хотя бы обычный домашний, а не пропахший больницей.

За эти дни я так не подумал об одежде для неё. Был сосредоточен на другом. Завтра же решу этот вопрос.

– Принести тебе воды?

Девочка, продолжая сидеть прямо на кафеле, помотала головой.

– Зачем я Вам? – спросила вот вообще не в тему.

– Ты моя пара, Элисса, – я просто не знал, как объяснить иначе, хотя предполагал, что ей это не говорит о многом.

– Для чего нужна пара?

– Для создания семьи, – ну во всяком случае, это согласно нашим традициям.

Она как-то зло усмехнулась.

– Вам тоже нужен он? – кивнула на свой кажущийся мне совсем плоским под халатом живот.

Всё же надеялся, что этот разговор состоится позже. Хотя бы немного. Когда она будет готова. Ну и когда я буду. Придумаю какие-нибудь верные слова, заставлю её поверить, что всё будет хорошо, пусть и не просто. Но разве можно сейчас проигнорировать начатую ею тему? И как ей ответить?

Нужен ли мне её ребёнок... Какой ответ она хочет слышать? И что на самом деле думаю я по этому поводу? Но говорить ей, что пределом моих мечтаний не было воспитывать волчонка, конечно, не самый лучший подход в любом случае, поэтому решил поступить иначе.

– Я понимаю, что ты вряд ли очень хотела его...

– Я не хотела, – закусила губу она.

– Но если ты переживаешь, что я позволю волкам забрать твоё дитя, то этого не будет. Ты, наверное, слышала наш разговор в палате. Ведь ты же не захочешь отдать?

Думал, что этим могу дать ей понять, что позабочусь, что не позволю отбирать. Только она сделала какие-то неправильные выводы. Жаль, что я не понял этого сразу.

– Значит, Вы не станете его отдавать?

И ведь заметил же вот это странное выражение на её лице. Но почему-то не распознал, не догадался, даже не связал с тем, что она сказала мне только что. Мне показалось, что просто слов тут будет недостаточно. Что я должен как-то показать ей, что могу принять её положение и наше будущее.

Поэтому опустился перед ней на колени и, не выдержав, осторожно приложил ладони к её плоскому животу. Она вздрогнула, будто ударил. Но не сдвинулась. Боялась, конечно, двигаться.

– Я буду любить его как своего, – плевать, что звучит высокопарно, но давая это обещание, был уверен, что смогу выполнить.

– Нет, – сказала она тихо. – Потому что я не буду. И его не будет...

ЧТО?

Я даже растерялся. В каком смысле не будет? Отнял от неё свои руки, хотя делать этого совершенно не хотелось. Касаться её было невероятно приятно. Даже так.

– Элисса, я не уверен, что понял тебя верно.

– Или Вы заставите меня?

– Заставлю?

– Они хотели, чтобы я выносила это чудовище.

– Чудовище? Элисса, разве ребёнок виноват...

– Это *не* ребёнок. Внутри меня монстр.

– Элисса...

– Хотите я расскажу, как он появился? – предложила она с безумным блеском в глазах.

И совершенно точно я не хотел. Нет. Я не хотел знать ни о чём, что довелось ей пережить. Потому что каждый миг её страданий увеличивает дыру во мне, превращает в кровавадно-го хищника, которого порой боюсь я сам. Но всё рав-

но мне придётся узнать... Да и имею ли я право малодушничать, когда она пережила все те ужасы, а мне нужно всего лишь услышать?

Но я не успел ответить, потому что Элисса снова сделала свои выводы. Она медленно поднялась с пола.

– Значит, заставьте. А потом снова...уже для Вашей семьи.

– Элисса...

Сильно прихрамывая и держась за стену, она отправилась в комнату. Я поплёлся за ней, ещё надеясь исправить ситуацию, объяснить, на ходу пытаюсь подобрать нужные слова. Вот только совсем не ожидал, что она схватит нож со столика (какого хера я вообще додумался принеси ей пусть и обычный сервировочный, но НОЖ?!) и обернётся ко мне, выставив его вперёд.

Она вся тряслась, рука с ножом дрожала так, что я боялся, что она поранится сама. А глаза... Никогда в жизни не видел такого взгляда. Такая отчаянная на грани безысходности решимость, словно ей нечего терять, словно не осталось ничего, что может быть ей дорого. Хотя по факту, наверное, так оно и было...

Глава 16

Я выставил вперёд пустые ладони и остановился, где стоял, пытаясь говорить тихо и спокойно.

– Тише, Элисса, будь аккуратной, пожалуйста.

– Вы станете заставлять меня. Как они. А потом... Я знаю, что делали с теми, кто больше не подходил.

– Это не так!

– Вы лжёте. Хотите казаться добреньким, я поверю, а Вы... Вы специально всё так сделали, забрали меня. Тоже хотите сделать из меня инкубатор, а потом...

– Это не так! Я не собирался!

– Но он нужен Вам, да?

Она указала ножом на свой живот, и я испугался, что сейчас сделает всего одно движение и... Дыхание спёрло где-то в районе горла. Наблюдал за ней, отслеживая каждый миллиметр движения, готовясь к прыжку.

Нас разделяло всего два моих шага. Я должен успеть...

Миг – и бросился к ней, перехватывая крошечную, по сравнению с моей, ручку, отбрасывая в самый дальний угол опасный предмет. Девочка вскрикнула и забилась в моих руках, отталкивая. От неё пахло лекарствами и страхом настолько, что я едва улавливал её настоящий аромат и то, что не почувал сразу, что теперь так тревожило нас обоих.

С трудом разжав объятия, выпустил её, вновь приподни-

мая руки чуть вверх.

– Я больше не трогаю, видишь? Не касаюсь.

Она отбежала к кровати и попыталась встать за изголовье, почти вплотную прижатое к стене.

– Элисса, я не стану тебя заставлять ничего делать.

И снова на её разбитых губах появилась та самая пугающая меня до чёртиков злая усмешка, так сильно резонирующая с тем, как она выглядит. И с тем, какой её представляю я.

– Позвольте вытащить из меня это чудовище?

– Я... я не знаю, можно ли сделать это без вреда для твоего здоровья. Нужно показаться врачам, а потом принять решение. Но не стану принуждать тебя... к этому... ни сейчас, ни потом. И не нужно, пожалуйста, так неосторожно брать острые предметы в руки.

– Вы сказали, что пара нужна для создания семьи.

– Так и есть. Ты теперь моя семья, Элисса. И надеюсь, что я когда-то смогу стать твоей.

– Значит, не отпустите меня? Что Вы станете со мной делать?

– Ничего я не буду делать с тобой! И не понимаю, куда ты хочешь, чтобы я тебя отпустил. На улицу?

Она пожала плечами.

– Я не обращаюсь с тобой плохо. Не принуждаю ни к чему. Хочу помочь.

– Никто ничего не делает просто так.

Она немного подумала.

– Некоторых продавали на органы, я знаю...

Ну какие на хрен органы?! Мысленно сейчас орал и матерился от бессилия, а внешне стоял столбом и спокойно опровергал её предположения. Понимал, что она так себя ведёт вовсе не из-за упрямства или желания насолить. Боится. Моя пара меня боится. И ведь есть реальные причины тому...

– С тобой такого не случится. Я никуда не собираюсь тебя продавать. Ты мне нужна, понимаешь?

И нет, она опять не понимала, не могла или не хотела. Продолжая мысленно строить предположения. Поэтому решил перевести тему:

– Ты что-то смогла съесть? Есть что-то, чего бы тебе хотелось?

Элисса мотнула головой, оставаясь задумчивой. И тогда я рискнул дать обещание, надеясь, что смогу его выполнить. Ну а что ещё мне остаётся в этой ситуации? Кто, кроме неё, вправе принимать это решение?

– Тебя осмотрит врач, и если ты не передумаешь, то... мы поступим так, как ты хочешь.

Наконец она посмотрела мне в глаза.

– Правда?

– Даю тебе слово. Я не знаю, что тебе пришлось пережить там. Но сожалею, что ничего не сделал прежде. Что не вмешался вовремя. Это моя вина. Перед всеми, кто был там, и перед тобой. Но сейчас всё иначе...

Тут мне позвонила горничная, предупреждая, что прие-

хал врач. И видимо по моему ответу она это поняла, вцепившись в резную спинку кровати.

– Тогда пожалуйста не надо врачей.

– Ты не можешь ходить нормально, вся в ранах и...

– Их кто-то уже обработал, – она смотрела на меня едва ли не с мольбой.

– Элисса, так нужно для твоего же блага!

– А сказали, что не будете заставлять...

– Но я сказал и про врача! – ещё немного и придётся обдумывать каждое слово трижды, прежде чем произнести.

Она опустила глаза в пол, и её плечи поникли, заставляя меня чувствовать себя извергом. Когда в комнату вошла доктор в обычной одежде, моя девочка снова перестала шевелиться, да и дышала, наверное, через раз.

– Добрый вечер, кто тут у нас пациент?

Если это была попытка пошутить, то она не удалась. Потому что не была оценена по достоинству ни мной, ни «пациентом».

Оборотница с добрыми морщинками у рта и прядкой седых волос в русых, как почти у всех ирбисов, волосах, направилась к Элиссе, приветствуя меня дополнительно кивком головы.

И только было подумал, что она должна найти общий язык с моей испуганной парой, как та кинулась ко мне, на сколько позволяла ей больная нога. Вцепившись в мой рукав обеими ледяными ладошками, снова начала упрашивать:

– Пожалуйста, не надо. Не надо врача.

– Мы же договорились, что это необходимо. Всего лишь осмотр, ничего плохого.

Моя девочка замерла рядом истуканом, осознав, что в этом я ей навстречу не пойду. Но всё испортила врач, хотя по началу вроде и пыталась успокоить.

– Не бойся меня, я не сделаю больно, только осмотрю и возьму анализы.

Элисса вновь подняла на меня огромные глаза, и почти сразу шагнула от неё за мою спину.

– Ну это не дело, иди сюда, – позвала доктор, а потом добавила для меня, поняв, что не дождётся, пока она придёт сама. – Её необходимо осмотреть, Вы же понимаете. Можете её подержать, пока я проведу осмотр...

В ту же секунду услышал глухой хрип сзади. Элисса смотрела с ужасом, хватаясь теперь за своё горло. Судя по тем звукам, что она издавала, начала снова задыхаться. И я с ясностью осознал, что никакого осмотра у нас сейчас не выйдет. Что она просто задохнётся у меня на руках. Как вариант – вколоть ей что-то успокаивающее, но как это сделать, если её трясёт даже от слова «укол»? Тоже «подержать»?

– Выйдите, – приказал той, от кого сейчас толку будет меньше всего.

– Но как же...

– Выйди быстро! – рычу на врача, а уже оглядываясь вновь к девочке, стараюсь говорить совсем тихо. – Она ушла, ви-

дишь, ушла. Дыши, Элисса, давай вместе со мной, вдох-вы-
ыдох. Давай же, ну. Мы только вдвоём, никого больше нет.
Не будет врачей, слышишь? Не бойся, Элисса...

Она так смотрит на меня... с надеждой, как мне кажется,
и недоверием одновременно, но всё же получается сделать
первый вдох и судорожный выдох.

– Молодец, Элисса, тише, не бойся только, сюда больше
никто не придёт. И я не стану тебя держать. Всё хорошо...

Спустя пару минут она всё же смогла дышать сама, без
уговоров, хотя я всё ещё не мог поверить, что у меня полу-
чается её успокаивать (может, дело в том, что тоже чувству-
ет отголоски нашей связи?), но сразу же опустилась на пол и
вдруг начала плакать навзрыд, обняв себя за плечи.

Сначала я просто сидел рядом и уговаривал успокоиться.
Потом бросил это дело и просто ждал, когда она выплеснет
свои эмоции. Спустя какое-то время, растянувшееся для ме-
ня на вечность, рыдания стали заметно тише, и я принёс ей
воды.

Она приняла стакан и осушила до дна, хотя стукнулась
несколько раз о стекло зубами.

– Элисса, давай ты отдохнешь сегодня, поешь ещё немно-
го, поспишь, а всё остальное мы решим завтра, да? И осмотр
отложим. И всё остальное.

Она кивнула.

А что ещё мне было делать? Я видел, что она устала, что
боится, ей плохо, но помочь не мог. Поступить с ней как

остальными пленниками – просто привязать к кровати, обкалывая успокоительными, пока не найдём способ помочь, тоже казалось невозможным. Она же возненавидит меня...

Неприменно переговорю с врачами позже о назначении ей какого-то медикаментозного лечения, чтобы прекратить эти приступы, но пока... Может хоть немного поможет капля личного пространства и ощущения безопасности? Вряд ли она сможет испытывать его в полной мере, только других идей мне в голову пока не пришло.

– Твоя комната запирается изнутри, достаточно повернуть вон тот рычажок. И открыть дверь никто не сможет. Никто и не станет. Но если тебе так спокойнее, то закройся, ладно?

Конечно, умолчал, что у меня есть ключ. Не думаю, что это её успокоит.

– Или тебе страшно и хочешь, чтобы я остался?

Она замотала головой отрицательно, от чего неаккуратно обрезанные вьющиеся волосы почти закрыли её лицо. Не передать, как мне хотелось бы, чтобы она не боялась находиться именно со мной. Но пока я всего лишь тот, кого она боится немного меньше остальных.

– Хорошо, тогда я приду утром, да?

Уходить от неё было сложно, но и остаться, пугая, тоже не мог. У самой двери меня врасплох застиг вопрос, адресованный моей спине.

– Мне можно включать тёплую воду в ванной?

Вновь захотелось обнять её, усадить на колени, убедить,

что её прежняя жизнь окончена. Но вместо этого я лишь обернулся, не сделав даже шага ближе.

– Конечно, ты можешь пользоваться тут всем, чем захочешь. Там и халат есть, можешь переодеться. И вообще тут всё твоё...

На это она уже не отвечала и даже больше не посмотрела, как я выходил. Уже дойдя до своей комнаты, с ужасом понял, что забыл убрать нож. Вот олух! Вернулся довольно быстро, она даже не успела запереть дверь, но на прежнем месте ножа уже не было.

– Элисса, верни мне его.

Девочка молчала, глядя в пол.

– Я не уйду, пока ты не вернёшь. Тебе тут ничего не угрожает. Не от кого защищаться, но я не хочу, чтобы ты поранилась. Верни, – ноль реакции.

– Мне самому искать? – вздохнул устало.

И только тогда она сдалась, вытащив свое оружие из-под матраса, и обреченно протянула мне. Я забрал.

– Извини, Элисса, но, если бы ты не вернула, мне правда пришлось бы сидеть всю ночь тут, а ты, как я понял, не очень этого хочешь, правда?

Она не ответила.

– Спокойной ночи.

И снова тишина в ответ. Ладно.

Глава 17

Было ужасно страшно оставлять её одну. Хотя головой вроде и понимал, что, оставаясь рядом, заставляю нервничать ещё больше, но не мог не думать, что она может случайно поскользнуться на кафеле в ванной или намеренно сделать с собой что-то ужасное.

Никогда прежде я так сильно ни за кого не переживал.

У меня был племянник, но на момент, когда его отец был убит, он был уже взрослым и мне казалось, что сможет справиться с этим сам. Гораздо позже я понял, что ошибался, оставив его в одиночестве, и попытался исправить ошибку, предложив жить у меня, стараясь частично оградить от дел прайда, чтобы не открывать всю правду о том, кем является его дед. Но это было другое.

Появление Элиссы перевернуло всю мою жизнь с ног на голову. Никогда не забуду её глаза за той решёткой в лаборатории. И ведь она тоже что-то почувствовала, просто не понимала, что именно, но как-то подсознательно потянулась навстречу.

Может, увидела тогда во мне того, кто может помочь? А теперь...

Кто я ей теперь? Чужой мужик, удерживающий её у себя в доме, твердящий о том, что она принадлежит ему (хотя я на самом деле не знал, как объяснить ей наши отношения),

пытающийся лечить против воли. Да, конечно, это не совсем то, если не сказать совсем не то, что ей нужно.

Сегодняшний день меня порадовал только тем, что теперь она рядом и в относительной безопасности – раз, а два... Когда она взяла нож, то направила его на меня, намереваясь защищаться, не пыталась причинить вред себе, чего я так сильно испугался. Может это знак, что она всё же хочет жить? Просто иначе.

И я сделаю всё, чтобы дать ей ту жизнь, которую она захочет. Прочитаю все возможные книжки по психологии, найду ей самых лучших специалистов, чтобы помочь.

Не ради себя и своей несбыточной мечты. Ради неё.

Любил ли я Элиссу? Она права, знаю её несколько дней, говорить о таком уж слишком преждевременно. Но меня выворачивает от мысли, что с ней может случиться что-то плохое, что кто-то мог обижать её, что в один момент её может не стать.

Нет. Такого ни за что не допущу.

Сегодня я пошёл у неё на поводу и оставил без медицинской помощи. И ведь понимал, что так нельзя, но её глаза, её мольбы... Знала бы эта девочка, что может вить из меня верёвки, так не боялась бы. Один её взгляд – и я готов уложить возле её ног что угодно.

Самому не верилось, что наша связь так работает. Всё же, пока не испытаешь на себе, не осознаешь в полной мере.

Мне казалось, что должно быть что-то вроде невероятно-

го физического притяжения на первых порах и всё, а оказалось гораздо глубже. Смотреть на неё как на женщину сейчас было чем-то из области фантастики: избитая, истощённая, не говоря уже о моральном состоянии. И всё же меня к ней тянуло. Хотелось, касаться её постоянно, видеть своими глазами, знать, что она в порядке, оберегать, носить на руках, обнимать...

Конечно, она не позволит мне и третьей части из перечисленного, да я и пытаться не буду. Но мысли-то никуда не деть. Как бы я не уговаривал себя, что даже думать о чём-то большем между нами нельзя, но не мог не хотеть того, чтобы она хотя бы снова, как сегодня, шагнула за мою спину от того, в чём видит опасность, чтобы коснулась сама как, когда уговаривала прогнать врача...

Каждая моя частичка считала её своей, хотя она совершенно точно так не думала. Но если своё сознание я ещё мог контролировать, то вот подсознание было не удержать...

Впервые за всё время моя же комната показалась мне неудобной. Заметил, как здесь пусто и аскетично. Да и во всём доме совсем мало света, интерьер в тёмных тонах в стиле максимального минимализма. Наверняка, ей не понравится...

Теперь всё вокруг я рассматривал только через призму того, как на это посмотрит Элисса. Даже обрабатывая свою рану и готовясь ко сну, я не переставал прислушиваться к себе, надеясь, что пойму, смогу почувствовать, если с ней слу-

чится что-то плохое. И дал себе слово чуть позже вернуться, чтобы проверить её.

Незаметно, конечно.

Поэтому, когда улёгся на постель и всего на миг закрыл глаза, продолжал думать только о том, как она. И вдруг услышал, как скрипнула дверь, а к моей постели направились почти невесомые, лёгкие шаги.

Попытался открыть глаза, но не смог, как и пальцем шевельнуть не получилось. Всё, кажется, insult пришёл нежданно-негаданно, но тут почувствовал, как... Чёрт.

Маленькие ладошки опустились на мои обнажённые плечи, скользя по ним ближе к груди, потом – ещё ниже. Вот уже они пробегают по прессу и обожжённому боку. Нежно глядят повреждённую кожу. На моих глазах словно повязка – ни взглянуть, ни двинуться, но пусть я не вижу её, всё равно знаю, что это она. Чувствую несмелое касание губ к шее...

Меня накрывает волна радости от того, что она больше не боится меня. Что пришла сама. Хочу хотя бы обнять или просто коснуться, но мои руки закованы словно в цепи, не могу их поднять. Стараюсь изо всех сил, делаю рывок вперёд и...

Конечно, просыпаюсь.

К счастью, в комнате полутьма, значит, ещё ночь, и я не проспал до утра. Тишина, только моё глубокое дыхание и слышно. Разумеется, её здесь нет. Размечтался. Но изнутри опалает страх. Сколько я всё же спал? Должен же был вер-

нутья к ней совсем скоро, а сам тут...

Едва ли не бежал к её комнате, и как оказалось не зря. Ещё издали слышал хриплые крики, и наскоро открыв дверь ключом, влетел внутрь, увидев, как она задыхается и в судорогах выгибается на постели.

– Элисса! Девочка моя, Элисса!

Кинулся к ней, пытаюсь взять в руки её лицо, гладил по взмокшему лбу, просил успокоиться, шептал, что всё хорошо и изо всех сил старался нащупать между нами связь, чтобы прекратить её мучения. Сам не понял, получилось или нет, но она вдруг обмякла в моих руках, не открывая глаз.

– Элисса? Всё в порядке?

Она не ответила. Лишь рвано и глубоко дышала, но уже просто спала, изредка вздрагивая. А я не знал, что мне делать. Уйти? А вдруг ей снова станет плохо? Но если проснётся и обнаружит меня тут... Будет ещё хуже.

Что ж. Значит мне спать нельзя. Нужно просто дежурить, пока спит она, а как будет просыпаться, я успею уйти. Потерять её я не смогу. Завтра же заставлю всех специалистов нашей клиники искать способ помочь ей.

Запоздало приходят и новые угрызения совести. Пока мне снился тот приятный сон, моя девочка задыхалась от ужаса. Погладил её по влажным от пота волосам. Никогда больше не позволю этому случиться. Подохну от бессонницы, но не позволю.

Глава 18

Всю ночь я провёл рядом с ней, так и не сомкнув глаз. Всё не мог перестать рассматривать, подмечая каждую чёрточку, каждый шрамик, заставляющий меня усилием воли расслаблять сами собой сжимающиеся кулаки и глушить вспыхивающую пожаром ярость.

Как я мог так долго бездействовать? Как мог слушать разговоры о том, что людей нужно истреблять, что можно делить всех на «достойных» и «не достойных»? Как мог позволить проводить эти гнусные эксперименты?

И самое ужасное, что может так и не понял бы всего ужаса в полной мере, если бы не она. Да, спустя месяц я бы вызволил пленников и, разумеется, оказал бы им помощь. Но все те мрази, что были там, продолжали бы жить своей жизнью, приходя в свои дома, к семьям, продолжая разносить свою мерзкую, гадкую идею о превосходстве одних над другими, о том, что это нормально кому-то возомнить себя вершителями судеб, и единолично решить, кому можно жить, а кому нет.

Наверное, я в итоге сделал то же самое. Во благо или нет, но я не жалел. Пусть они прикрывались необходимостью развития науки и исследований, но ни одна благая цель не стоит жизни ни одной невинной души. Одно дело – бороться на равных (попробовали бы вот так скрутить меня, напри-

мер), другое – против женщин и детей, беспомощных людей и оборотней, запертых по клеткам.

Мрази.

К счастью, я ещё не потерял остатки разума, карая только тех, кто лично участвовал в работе лаборатории. А все их семьи взял под свою защиту и опеку. И сделаю всё, чтобы помочь и им вернуться к нормальной жизни после потери. Хотя если они вели себя вот так с беззащитными, то может и за закрытыми дверьми, с близкими и тоже зависимыми от них, были такими же монстрами.

Элисса судорожно выдохнула, и я замер. Но она, жалобно пробормотав что-то, что было не разобрать, продолжила спать.

Нет. Я поступил правильно. Как можно было поднять руку на эту крошечную девочку? Как можно было бить её в полутрансформации, когда мы так даже друг с другом редко сражаемся? Но шрамы от когтей я не перепутаю ни с чем...

И дело было не в том, что тем, кто сделал это с ней, нужна была звериная сила против неё. Нет. Те твари хотели больше испугать, показать своё превосходство, заставляя дрожать от ужаса заведомо беспомощную пленницу. И мне вновь хотелось повторять с ними то же самое, раз за разом.

Ещё приходилось сдерживать изо всех сил не только свою злость, но и желаниелизать её раны, как того требовала моя вторая сущность. И вроде бы добро хочу сделать, но, если она проснётся от этого моего действия... Лучше завтра

принесу самую лучшую мазь, которую только смогу найти.

Худенькое, едва-едва теплое тельце в моих руках вроде начинало отогреваться. Я уже заметил, что у Элиссы всегда очень холодные, почти ледяные руки и бледные губы. И вот наконец я мог хотя бы так погреть её. Видел, как бегут по её коже мурашки, приподнимая светлые волоски.

Её ресницы вздрагивали, а иногда она постанывала и закусывала губу, словно ей снится кошмар. Хотя почему словно? Наверняка именно он ей и снился. Но тогда я начинал тихо-тихо шептать, что всё хорошо, и она успокаивалась.

Кажется, мне сейчас просто везло. Я не знал, почему во сне она реагирует на меня так, но надеялся, что из-за связи. Теперь, когда я стал главой прайда, моя сила больше, чем была прежде. Возможно, даже без метки некоторое время я смогу как-то воздействовать на неё... Хотя бы пока она спит и не сопротивляется разумом.

А вот что я буду делать, когда эта сила начнёт иссякать... Нет. Об этом я подумаю потом.

Пушистые волосы разметались на подушке, не прекращая вызывать во мне ассоциации с новорождёнными котятками, вызывая неуёмное желание заботиться, помогать. Я видел таких нечасто, но все малыши были вот с такой же пушистой нежной шёрсткой и такие же беззащитные...

Видимо, Элисса всё же приняла душ, потому что сейчас от неё пахло нераздражающим гелем для душа (иных в моём доме и не было, потому что могли повлиять на обоня-

ние), который всё же не перебивал запах лекарств, и совсем немного – ею самой. Вдыхая её собственный аромат, я в который раз убеждался, что не ошибся. Что она моя. Ни с чем не спутать это.

А ещё она надела тот халат... Он доходил ей до пят, а ворот при каждом движении съезжал на плечо, заставляя меня поправлять его. Потому что смотреть на то, как бьётся жилка на её светлой тонкой шее я не мог.

Инстинкты, вопреки здравому смыслу, требовали поставить ей метку. И пока я мог справляться с ними. К счастью. Потому что сделай я это сейчас, мало того, что испугаю, так ещё и потеряю её доверие навсегда.

Радовало в этой ситуации, помимо того, что могу немного помочь ей успокоиться, ещё всего одно обстоятельство. Когда смотрел на неё так близко, всё же подмечал, что она действительно старше того возраста, на который выглядит издалека. Вот так её не спутать с ребенком. И это означало, что наша связь – не ошибка природы, не моё личное помутнение.

Она молоденькая совсем, покалеченная, но девушка. Хотя это не меняло для меня ровным счётом ничего. Да и в своей голове сам уже постоянно называл её ласково «девочкой», «маленькой», хотя всегда раньше бесили такие прозвища между влюблёнными. И пусть я не был влюблён, но называть её так мне было... приятно.

Длинные светлые ресницы, четко очерченные скулы, нахмуренные брови, аккуратные, даже будучи разбитыми, гу-

бы... А в уголках её припухших глаз застыли слезинки. Но я боялся убрать их, чтобы не разбудить. Дышать-то старался тише.

Свернувшись калачиком в моих руках, она казалась ещё меньше по комплекции. И от этого я чувствовал то, что не ощущал никогда прежде – умиление и какую-то нежность что ли. Пока она спит, и я не вижу её испуганных, измученных глаз, хоть на минуту можно представить, что она просто моя пара, а все эти кошмары произошли с кем-то другим.

Не с ней...

Невесомо всё же погладил кончиком указательного пальца её щёчку... Кожа была очень-очень светлой и нежной, бархатной. Я даже испугался, что могу поцарапать своими шершавыми руками, и больше трогать не стал. Хотя вряд ли это было бы более ощутимо, чем то, что с ней уже сделали...

Мысленно ругнулся.

Пока держал её в руках, молиться был готов, чтобы в её дальнейшей жизни всё было хорошо. Чтобы никто её не напугал. Чтобы никто не сделал больно. Чтобы мне удалось найти нужные слова и поступить правильно. Чтобы не нанести ей больший вред. Чтобы помочь... И много-много других чтобы...

Ближе к утру, нехотя уложил её на кровать и продолжал сидеть рядом, не решаясь уйти. Протянул к ней свою ладонь, неожиданно заметив, что та дрожит, и убрал. Хотел погладить по спине, хотел... Как пацан, честное слово. Но не смог

себе этого позволить.

Она же спит. И знать не знает, что я здесь. Какое я вообще право имею касаться её... Одно дело – когда задыхается в истерике, от безысходности, другое – просто по своему желанию. Нет. Поступать так – не дело.

Встал и медленно, спиной, начал отступать к двери. Мне не хотелось уходить, но за окном поднимался рассвет, а она всё чаще вздрагивала и что-то шептала. Было пора...

Принял ледяной душ, чтобы прийти в себя, разогрел приготовленный на несколько дней вперед горничной завтрак, и подумал, что если она уже проснулась, можно ей тогда отнести. Поднялся. Но дверь была заперта. Хотя в комнате было пусто, я не слышал её дыхания. Наверное, тоже в ванной...

Вспомнив, что вчера ей было там плохо, решился войти сам, чтобы просто проверить. И правда, услышал всплески воды. Заглянул, подкравшись, и от увиденной картины сердце сжалось.

Она сидела на полу душевой кабины под горячей, очень горячей, судя по исходящему пару, водой, раскачивалась и остервенело терла своё тело мочалкой. Я видел её лишь сбоку, но это покрытое шрамами тело... И то, как она пытается стереть с него что-то невидимое, но причиняющее ей страдания...

Забрав поднос с собой, чтобы не пугать её, отправился звонить нашим лучшим специалистам и ребятам, охраняющим работников лаборатории. Мне плевать, как они это сде-

лают, но должны помочь ей. Если будет нужно, последних лично буду пытаться, но я должен знать, чем её накачивали прежде и как сейчас её лечить, чтобы не навредить больше.

Если бы я тогда знал, что меня ждёт через несколько часов, то заранее попросил бы помощи и для себя. Или хотя бы включил свои куриные мозги, позволившие мне совершить разом столько ошибок подряд.

Глава 19

Широко шагая по своему собственному дому, я, по сложившейся за последние несколько дней традиции, не чувствовал себя тут спокойно. Не сказать, чтобы вообще прежде задумывался о том, насколько здесь уютно. Дом был просто местом, куда я возвращался, устав решать вопросы стаи. Ел тут, спал. Всё.

Теперь же, когда здесь была Элисса, я вдруг начинал совсем иначе смотреть на вещи. Например, думая о том, что нужно уехать отсюда, испытывал нечто вроде сковывающего изнутри страха. Ведь сейчас мой дом был накрепко связан с ней.

Мне сложно было это даже распознать в себе, не то, чтобы объяснить кому-то. Но вот это вот беспокойство, ответственность за неё – словно выросли в мой разум и подсознание, пуская корни и дальше. Словно все остальные вопросы теперь рассматриваются через призму её присутствия и благополучия. Это заставляло всегда быть настороже, постоянно думать, что с ней, как она, и было настолько непривычно и не свойственно мне, что даже вызывало лёгкое раздражение.

Не на неё. На себя. За то, что стал таким размякшим, перестал думать о других важных вещах.

Я и в лихой молодости не был особым разгильдяем, но последние лет десять только и делал, что постоянно работал. А

уж когда отец... то есть этом ублюдок занялся лабораторией, то весь бизнес, на котором держалось финансовое обеспечение прайда, лёг на мои плечи.

Впервые за это время я несколько дней не просто не появлялся в офисе, но и не ответил ни на один телефонный звонок. Даже сейчас, осознав, что непростительно так себя вести, всё равно первым делом наберу главврача нашей клиники, чтобы решить вопрос с Элиссой.

А всё остальное потом.

Хотя вообще-то и без того был уверен, что ребята позаботились об остальных пленниках, но всё же не мешало бы проверить и проконтролировать самому. Ещё неожиданно вспомнил, что уже завтра должен оказаться в офисе, иначе можем упустить серьёзный контракт. Но это всё казалось сейчас каким-то размытым, не представляющим особой ценности.

Особенно, если вспоминать, как она сидит на полу почти под кипятком...

Удивительно, как изменились мои приоритеты всего за несколько дней. Как всего одна случайная встреча может в принципе изменить всю дальнейшую жизнь. Вот только теперь я ещё и глава прайда, а это лишь увеличивает мою ответственность.

И как только моей паре подберут подходящее лечение или я смогу убедить её отправиться в клинику, то обязательно вернусь к другим вопросам. Главное, хотя бы что-то уже ре-

шить с ней, чтобы я мог перестать думать каждую минуту о её здоровье, и тогда можно будет вырваться.

Спустя уже пару часов, я знал о том, чтобы на основе данных анализов остальных подопытных наши специалисты выявили общие отклонения у них всех, связанные с постоянным длительным приёмом каких-то низкокачественных успокоительных, действие которых сходно с наркотиками. Выяснилось, что... прежний глава прайда пытался вывести препарат, позволивший бы превратить человека в оборотня, и отчасти испытания были успешными – некоторые впадали в состояние зверя.

Вот только выйти обратно не могли...

Что касалось беременных женщин, то вопрос, что (именно что, а не кто) может родиться в результате всех опытов, которые над ними ставили, был как никогда остр. Антитела одного из плодов вчера едва не убили носящую его девушку, из-за чего пришлось проводить срочную операцию. И я ужаснулся тому, что Элисса была права, а я уговаривал её и нёс чушь.

Сколько раз она повторила мне, что носит чудовище? А я как идиот обещал принять её «ребенка», который вполне возможно может даже убить её...

Вообще состояние всех пленников стремительно ухудшалось без ежедневного очищения крови с помощью капельниц. Некоторым их ставили по несколько раз в день, но не всем помогало. За вчера мы потеряли одного из пленников

лаборатории – перекинувшись в зверя ночью, он растерзал когтями сам себя...

К счастью, у Элиссы не было подобных признаков, а вот... Стоп! Я же несколько часов её уже не видел! А мы только что говорили о всяких последствиях!

Кинулся к ней, уже забыв про поднос с едой, но уже на подходе к комнате, снова ощутил запах крови. словно чёртово дежавю! В тот момент, даже если бы у меня был ключ от двери, из-за трясущихся рук я вряд ли бы смог им воспользоваться, но сейчас его и не было, поэтому просто вынес дверь плечом, и залетел в ванную.

Если честно, в тот момент я подумал, что сейчас умру. Моё сердце, до этого бегущее галопом, просто остановилось на несколько секунд, вызывая головокружение и сильную слабость. Я пошатнулся и едва не рухнул на кафель, где в луже крови лежала моя пара.

Не сразу понял, что произошло, пока не осознал, что больше всего испачканы её ноги и... Как в тумане опустился рядом с ней, взял руками её голову, слыша глухие удары за своими рёбрами и шум в ушах.

– Элисса? – зачем я звал её? Она не реагировала, закатив глаза.

Это просто жуткий сон. Сон.

И словно в какой-то тупой компьютерной игре, как в состоянии аффекта, я медленно поднял её тельце на руки, отнёс в комнату, завернул в простыню и спустился вниз, при-

казав приготовить машину. Водитель гнал на всех парах, а я сидел на заднем сиденье, держал её в руках и просто смотрел, как она умирает.

Наверное, это был шок. Я никогда не ощущал себя так... пусто. Я не волновался больше, не орал, как обычно, поторапливая, не слышал вопросов, когда заносил её в клинику, не просил объяснить, что с ней, лишь отдав приказ сделать всё возможное. Я будто оглох и ослеп разом. Та тонкая нить, что связала нас, сейчас была уже почти прозрачной и натянутой до предела.

Понимая, что с секунды на секунду она просто порвётся, я будто сам умер заранее.

Вокруг носился персонал, даже не зная, кто она, просто из-за факта, что привёз именно я. Они что-то кричали друг другу, переговаривались, обсуждали, кажется, о чём-то спрашивали и меня, а я стоял столбом у стола, на котором была распластана она, и ничего не видел больше.

Мне было даже не жаль умирать. Ведь вот он – мой смысл – кажется, не дышит больше. Они подсоединяют к ней какие-то аппараты, колют ей что-то в почти прозрачные вены, а я всего лишь жду приговора. Повлиять на это мне не под силу.

Сейчас дело было даже не в том, что из-за смерти истинной, я скисну, а потом и ослабею очень быстро, не в том, что из-за разрыва связи, буду испытывать дикую боль – просто всё, что я сделал за последние дни, было из-за неё.

И всё это зря? Я так пытался её спасти, а выходит убил сам же?

С отчётливой ясностью сейчас понимал каждую из своих ошибок. Как можно было пойти у неё на поводу и отослать врача обратно? Как можно было согласиться и отложить её осмотр, ведь даже волки предупреждали, что не провели его полностью? Как можно было позволить ей, в таком положении, сидеть там под настолько горячей водой, что во всей ванной стоял смог пара? Как можно было, зная о её ночной истерике, оставить её одну?

Я никогда не был дебилом. Прежде. Но видимо, в желании создать ей комфортные условия, забыл о главном. Она – маленькая, напуганная девочка, неспособная принимать взвешенные, обдуманые решения, и именно я должен был настоять, объяснить, заставить, да даже подержать, если нужно, но сделать так, чтобы она осталась жива.

А я...

Всю ночь «заботливо» держал её в своих руках, даже не узнав, что происходит после всех экспериментов с её организмом. Спокойно говорил по телефону, обсуждая её дальнейшее лечение, пока она истекала кровью, продолжая лежать под льющей сверху горячей водой... Я даже не почувствовал ничего. А должен был. Даже без метки.

Одна из врачей вывела меня из той комнаты, где остальные кружили над её телом, и что-то говорила, глядя мне в глаза. Я потряс головой.

Не слышу. Ничего не слышу...

Она подносит к моему носу какую-то склянку и от резкого запаха меня выкидывает из туманного забвения. Вокруг шум, гомон, крики персонала, пiski приборов, а врач передо мной пытается втолковать, что это бесполезно. Что из-за большой кровопотери помочь может только одно...

Но я не смогу. Не смогу так.

Она, даже не слыша мой ответ, ведь продолжаю молчать, укоризненно качает головой.

– Вы должны понять, что это единственный выход. Наше присутствие здесь бесполезно. Чуда не произойдёт, Эрнард.

И та, что должна помогать ей, просто уходит и уводит с собой остальных, оставив меня одного перед той палатой. Потерянного, разбитого, уничтоженного.

Опять воздух вокруг становится вязким настолько, что даже несколько шагов, чтобы войти внутрь, мне кажутся невероятно сложными. Но я вхожу. И вижу её...

Бледная, раздетая, со старыми шрамами, свежими ранами и синяками на теле, раскинутые бедра испачканы красным...

Медленно приближаюсь. Смотрю на безжизненное маленькое тело, на сухие корочки вокруг губ, полуоткрытые глаза, в которых видны только белки...

– Элисса, – зову зачем-то снова.

Будто она просто встанет сейчас. Её грудная клетка с проглядывающими отчётливо рёбрами едва-едва шевелится, и я слышу, как всё тише становится биение сердца.

Она сейчас умрёт?

Касаюсь её лица, провожу пальцами по шее, чуть ниже, туда, где может стоять метка, которая должна спасти ей жизнь. Но для этого... нужно выбрать любой из возможных способов присвоить себе её тело, связать нас...

Я наклонился ближе, касаясь небритой щекой её впалой щёчки, и хрипло прошептал:

– Ты прости меня, ладно?

Глава 20

Осторожно целую холодный лоб с бисеринками пота, пытаясь вызвать собственнические инстинкты, спускаюсь ниже к скулам и линии подбородка, глажу её ещё мокрые волосы, плечи, беру ледяные ладошки в свои руки. Но на глаза едва не слезы наворачиваются от того, какая она сейчас сломленная, изувеченная, незащищённая.

И снова одни и те же мысли. Почему она? За что? В чем она виновата, что всё это именно с ней? Разве это её вина, что родилась человеком? Что я не встретил её раньше? Что не успел...

Крошечная девочка лежит передо мной и молчит на все мои немые вопросы. Если я сейчас сделаю что должен, чтобы спасти и её, и себя, то что будет с нами дальше? Нельзя будет не заметить метку, не понять, как я поступил, когда она не могла сказать своего слова.

Вокруг нас хаос, все приборы вразнобой плачут, торчат разные шнуры, а я не вижу ничего, кроме неё в этой странной неестественной позе. Касаюсь губами острого плеча, извиняюсь.

И отчётливо понимаю, что нет, она не простит. И не забудет. А ведь всё, что произошло с ней и в лаборатории, и тут – это лишь моя вина. Но плохо будет снова ей.

Словно из-за моих мыслей по её телу пробегает дрожь, и

сразу же оно будто совсем расслабляется, сдаётся заранее, а меня как током бьёт. Трясу её за плечи, а она просто как тряпичная куколка в моих руках.

– Нет, нет, пожалуйста, Элисса, живи, – уговариваю, теребя голову от новой лавины страха потерять её. – Я же подохну без тебя. Девочка, давай же, не сдавайся. Живи! У тебя же впереди всё. Столько ещё можешь увидеть, узнать, сколькому порадоваться. Сделаю каждый новый момент сказочным, – обещаю, прижимая к себе, будто это может заставить её что-то исправить. – Что там любят девочки? Хочешь, цветы, сладости, путешествия? Всё будет. Всё тебе дам, что только в голову придёт. Заботиться стану, научусь любить. Захочешь учиться – будешь учиться. Любые развлечения, поддержку во всём. Вообще больше ни на миг не оставлю без присмотра, а прайд... Плевать на прайд. Есть же Эрдан, он мальчишка, но он справится...

Накрываю маленькую ручку своей.

– Ты только выживи, Элисса, и я стану для тебя кем захочешь: отцом, братом, другом, мужем... Только ты приди в себя...

Но она не оживает, лишь рефлекторно сжимается её ладонь, обхватывая мой указательный палец. Так, будто она пытается удержаться в этом мире... за меня... И этот жест неожиданно возвращает мне возможность мыслить здраво, словно ледяной душ принял.

Спадает напавшее оцепенение, бессилие, отчаянная

безысходность, сковывающая паника. Какого хера я творю? Веду себя как тупой придурок, размазня. Несу херню всякую. А ведь я не такой.

Я взрослый мужик, глава прайда и отвечаю не только за себя и за неё, но и за сотни оборотней. Что значит «плевать на прайд»? В смысле «не сдавайся, Элисса»? Да это же всё только моя ответственность. Значит и разгрести мне. А не кому-то другому. И уж тем более не ей.

Бережно укладываю пару обратно, а сам выхожу из палаты и ловлю первую же медсестру:

– Всех, кто тут был, обратно верни. Быстро. Не будет через секунду, порешу всех нахрен. Поняла?

Она трясётся и кивает.

– Тогда какого ты ещё здесь? – рычу.

Девчонку как ветром сдувает, а я не успеваю дойти до ЭлиССы, как палата наполняется оборотнями в белых халатах. Та самая врач, которая дала мне дельный в другой, но не в нашей ситуации совет, смотрит на мою девочку без метки с сожалением. А вот этого не надо. Себя пусть пожалеет.

Указываю на неё пальцем, привлекая внимание.

– Ты сказала, она крови много потеряла. Почему не делаете чёртово переливание или что там в таких ситуациях?

– Так она... человек, ей наша... не подойдёт, а другой нет.

– Твоя не подойдёт, а моя вполне. Почему, на хер, я об этом должен думать, а не ты?

– Но метка была бы...

– Делай, что сказал. А ты, – указываю на молоденькую медсестру, – в порядок её приведи. Быстро. И одень. Эта девочка – моя пара, кто не понял, – ставлю все точки над ё. – Умрёт – я буду в бешенстве. Знаете, что случилось с теми, кто разозлил меня в лаборатории?

Неважно, что запугивать нечестно. Зато как тихо становится. Побледневшие работники начинают наконец соображать с поразительной ясностью, как и я сам. И ведь их ошибки и торопливые решения – тоже результат того, что увидели раскисшего главу. Испугались, растерялись.

А нужен всего-то волшебный пинок. И твёрдая рука. Моя подойдёт вполне.

Уже спустя пару минут Элисса обмыта и одета в больничный халат, прикрывающий её худенькое тело от чужих взглядов. Волосы аккуратно собраны и спрятаны под шапочкой, а раны снова обработаны, особенно глубокие забинтованы. Вокруг наконец-то не толпа бесполезных оборотней, а слаженно работающий коллектив.

Даже все приборы поставили по порядку слева от неё, и трубки не торчат отовсюду, а в порядке установлены. И вот эта штука с прозрачными катетерами уже готова, я даже повторить не успел.

Сажусь рядом с кушеткой, на которой лежит моя бледная Элисса, сам затягиваю ремнём руку сверху и сжимаю кулак, подставляя вену доктору. Прямое переливание. Это должно сработать. Моя регенерация оборотня, моя сила главы прай-

да.

Да, метка была бы надёжнее, но какой от неё толк, если всеми силами она потом будет ненавидеть меня, не принимая? Опять только хуже сделаю. Снова из-за страха потерять её чуть не наворотил тут. И эти хороши. Стоило мне расклеиться, как все поплыли.

Когда чувствую укол иглы, разжимаю кулак, взяв её за руку.

– Давай, Элисса, – прошу мысленно, – живи. И прости меня, тупого. Не отдам, моя маленькая, никому тебя не отдам. Рано тебе ещё, слишком рано.

Обещаю и себе, и ей, что возьму себя в руки. Что больше такого не повторится. И жду.

Спустя какое-то время её фарфоровые щёчки становятся похожи на живые, а ледяная ручка в моей ладони становится немного теплее. Только вот у меня голова кружится так некстати. Блядь. Снова про свою рану забыл. Раньше бы уже не осталось ничего, а тут ноет.

Ладно. Это вот вообще не имеет значения сейчас. Главное, что ей лучше. А с другим я справлюсь. Если только с ней всё нормально будет.

И почему сразу этого не сделал, не подумал? С остальными пленниками сложнее, для них и кровь, и растворы для капельниц мы вынуждены доставать особые, наши для них не годятся, ведь люди гораздо слабее. Зато истинные пары всегда подходят друг другу идеально во всём.

Хотя в том, что моей парой стала вот эта девочка, я всё ещё видел насмешку судьбы. Ну что могло быть общего у меня и Элиссы? Но парность связала именно нас. И сейчас я рад этому как никогда.

Она выживет. Обязательно. А моя кровь очистит в ней всю гадость, которую закачивали всё это время. И регенерация должна хоть частично залечить раны.

Не удержавшись, пока мы были тут одни, я смочил большой палец своей слюной и провёл по шраму на её лице. Уже завтра от него не должно остаться и следа. Не хочу, чтобы она видела это каждый день, глядя в зеркало.

На уровне инстинктов мне хотелось бы сделать это иначе, но я не считал, что вправе так обращаться с ней без её на то желания. Всё же у людей иные представления о допустимом, даже если опустить иные причины, по которым она может не хотеть такого.

Вдруг Элисса слабо застонала и приоткрыла глаза. А я, вновь растеряв весь свой здравый смысл, едва не заорал от радости. Сработало!

Глава 21

– Очнулась! Очнулась, маленькая моя! – повторял мысленно, желая обнять её крепко-крепко, чтобы убедиться, что всё по-настоящему, но сам ничего не сделал и не сказал, чтобы не пугать. Только взгляд не отрывал. Даже не ожидал, что способен так радоваться чему-то.

И может надо было успокоить её или сказать что-то, только вновь не мог придумать ничего подходящего. Всё же разговоры с напуганными человеческими девочками – не мой конёк.

Она тоже молча смотрела и вдруг...

– Его больше нет, да?

– Его? – и тут же понял, о чём она. – Да, Элисса, – ответил осторожно, не до конца понимая муку на её лице. Может из-за того, что больно?

– Вы говорите правду?

– Конечно, я не стал бы обманывать, – показалось, что она выдохнула с облегчением, а потом её рука в моей ладони напряглась. Всё не мог её выпустить. Будто может исчезнуть.

– И что, бить будете?

– Бить тебя? С чего ты взяла?

– Ну...я его потеряла...

– Никогда никто не будет тебя бить, поняла?

Она горько усмехнулась.

– Значит, просто сделаете это снова.

– Нет, Элисса! Я не стану.

– Ну не Вы сами...

Да что это такое! С ней я всё время хочу орать матом. Но пока искал наиболее подходящие слова, чтобы объяснить, в палату вошла врач. Очень кстати, может хоть отвлечётся. Вот только моя крошечная пара дёрнулась от неё в сторону, хотя и сил-то особо не было отползать.

– Не бойся, она помогала спасать тебе жизнь.

Девочка хотела что-то сказать, но передумала, отвернувшись к стене. И поняв, что говорить с ней бессмысленно, доктор обратилась ко мне:

– Последние анализы неплохие, гораздо лучше, чем у остальных, хоть в крови и осталось что-то, что мы пока не можем идентифицировать. Но думаю, через несколько дней получится выписать, а с остальным разбираться уже из дома.

По напряжённой шее ЭлиССы я видел, что она, уткнувшись взглядом в стену, слушает каждое слово. Просто делает вид, что ей всё равно.

– Правда, некоторые осложнения всё же есть.

Я резко встал и едва не зарычал. Какого хрена мне раньше не сказали?! Я сидел тут несколько часов, а узнаю только что.

– По поводу репродуктивной системы...

– Ты нормально говори давай.

– Она вряд ли сможет выносить ребёнка в будущем. А скорее не сможет даже зачать.

Я осел обратно на стул, как оглушенный. Да вроде и раньше понимал, что мне с ней ничего не светит. Но пока была хотя бы гипотетическая возможность, это всё равно позволяло в самой глубине души хотя бы помечтать о таком, а теперь... Теперь совершенно точно у меня не может быть детей, и то, что она моя истинная теперь бессмысленно.

Элисса еле слышно всхлипнула, и я пришёл в себя, сообразив, что последнее предложение сказал вслух. Олух, а.

К счастью, врач вышла, оставив нас, а вот моя девочка снова трясётся и пытается не смотреть на меня, но то и дело бросает опасливые взгляды. Будто и правда ждёт, что ударю.

В её глазах слёзы. А я не понимаю, почему. Неужели из-за того, что так меня боится? Ну не из-за бесплодия же... Она же сама не хотела. Хотя, наверное, не хотела этого конкретного ребенка, а может в жизни когда-то тоже мечтала стать матерью...

– Ты расстроилась из-за её слов? Не нужно плакать, мы найдём лучших врачей, хорошую клинику, если ты захочешь...

Она приподнимается и отрицательно качает головой, но не перестаёт тихо рыдать.

– Да скажи же, почему ты плачешь? Объясни! Мы всё решим, если ты скажешь, что случилось.

– Вы... Вы теперь оставите меня тут?

– Ну некоторое время тебе нужно оставаться в клинике, – подтвердил её предположение, и решил сразу выставить гра-

ницы, а то последний раз пошёл на поводу и едва не потерял её. – И не вздумай пытаться сбежать или отказываться от лечения, как видишь, это привело к ужасным последствиям. Тебя не отпустят, потому что я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. А если попробуешь убежать, они будут вынуждены прикасаться к тебе и держать, понимаешь? Поэтому лучше всё делать добровольно.

Ледяные руки вдруг хватают мои ладони, а её измученные глаза смотрят с мольбой.

– Не бросайте меня! Не оставляйте тут! Вы говорили... говорили, что... пожалуйста! Я буду очень-очень послушной. Не стану больше противоречить. Если хотите, пусть делают даже уколы, пусть...

– Элисса, – попытался остановить её, но куда там.

– Пожалуйста. Хоть ту синюю жидкость. Только не оставляйте тут. Заберите меня с собой. Я буду... Я...могу убирать... и готовить тоже! У Вас...я видела... горничная. Я тоже могу. Я буду очень полезной. Только не бросайте.

Она продолжала сжимать мои пальцы, цепляясь за них так, словно я уже заявил, что она больше мне не нужна и уйду прямо сейчас.

– Элисса, послушай...

– Если Вы захотите, то... бейте, кусайте, только не отдавайте! Я... буду лечиться, если скажете... и я... я Вам... пожалуйста... только не...

– ПРЕКРАТИ! – впервые повысил на неё голос, и она сра-

зу замолкла, но так и не отпустила мои руки. Осторожно погладил её пальчики, от чего девочка напряглась так, что даже ключицы чуть приподнялись.

К счастью, мне удалось сразу же взять себя в руки.

– Я не оставлю тебя тут насовсем. И конечно мы поедem домой вместе, когда тебе станет лучше.

– Мне уже лучше.

– Это не так, ты должна находиться под наблюдением ещё некоторое время, но я обязательно заберу тебя, как только будет можно.

– Но Вы уйдёте без меня...

– Я потом вернусь.

– Вы так сказали в прошлый раз... и не пришли...

Моё сердце сжалось, а потом понеслось вскачь. Неужели она может думать, что я обманул и бросил её там?

– Элисса, я вернулся. Тот парень, что забрал тебя, был со мной, мы все пришли из-за тебя...

– Вы не пришли, когда... когда...

В её глазах отразилась боль. И уколола меня куда-то под ребра. Я поднёс её руки к губам и легонько коснулся их. Она дрожала, но не противилась. Наверное, правда готова была делать что угодно, лишь бы не оставил...

– Прости, я виноват, что не успел, но я пришёл. Знаю, что тебе от этого не легче. Но я... просто опоздал.

– Вы оставите меня тут. А они... Они меня... снова... Пожалуйста. Не оставляйте. Я никогда больше не стану пере-

читать. И плакать тоже. И не попрошу больше ни о чём. Никогда. Буду очень тихой и незаметной. Вы даже можете меня не кормить, я очень-очень мало ем и редко, я...

Я не выдержал и порывисто обнял её, чем и заставил замолчать. Вся она – маленькая, натянутая, дрожащая струна. Снова услышал, как стучат от страха её зубы, хотя она явно пытается сдерживать обещание и не плакать, не просить отпустить... Тогда отпустил сам, усаживаясь напротив.

– Слушай меня и запоминай. Я никогда больше тебя нигде не оставлю. И тебе не нужно что-то обещать мне взамен. Я не брошу тебя и не сделаю больно. Не причиню вреда сам и не позволю другим. Запомнила?

Она кивнула, закусив губу.

– Тогда повтори, Элисса.

Молчание.

– Повтори, что я сказал.

– Вы...не... оставите...

– Правильно. Дальше. Давай же, говори.

– Не...сделаете больно...

– Так. Ещё.

– Не... обидите.

– Верно.

– А теперь повтори ещё раз мысленно. И повторяй каждый день. Или мне самому придётся делать это.

– Вы заберёте меня?

– Заберу.

Она долго смотрела на меня, потом взглянула на свои руки, которые я уже отпустил, затем коснулась шрама на лице... Снова подняла взгляд ко мне. И уголки губ поползли вниз.

– Что такое? Я же обещал. Всего несколько дней, Элисса, и поедem домой.

Она покачала головой.

Блядь! Блядь! Блядь! ЧТО на это раз «нет»?!

– Элисса, пожалуйста, давай будем разговаривать, хорошо? Если ты что-то думаешь, то озвучивай, я не умею читать мысли.

– Вы уйдёте и не вернётесь...

Опять двадцать пять! Я быстро поднялся и уже собирался сказать ей что-то в своём привычном стиле, как встретился с тем же взглядом, что уже видел в клетке. Большие глаза, наполненные страхом и болью.

Моральный урод. Ещё злюсь на неё. Ей страшно одной. Она даже ночью одна не может оставаться, а я говорю ей, потерпи, мол, пару дней, потом приеду за тобой. С чего ей мне верить? Просто, потому что я так сказал?

Который раз она меня вот так просит? И что я сделал в предыдущий раз? Сначала оставил её в лаборатории, наобещав с три короба, но позволив избить в свое отсутствие. Уже дома одну в комнате – бояться, что сейчас над ней придут издеваться, а сам отправился выплёскивать агрессию на её обидчиков и вершить суд. А потом? Всё равно привёл врача,

несмотря на уговоры, не предупреждая, не объясняя. Затем ещё и оставил одну после этого, задыхаться в кошмарах...

А сейчас что устроил? Повтори, Элисса. Запоминай. Привык общаться с самовольными котами из прайда. А тут... девочка совсем. Покалеченная. Которую напугать даже взглядом можно.

Присел на табуретку рядом с её кроватью.

– Значит, я останусь здесь с тобой. А потом мы вместе поедем домой.

– Останетесь?

– Да. Поживём пару дней в одной палате, ничего страшного. А когда тебе станет лучше, то вместе поедем обратно. Хорошо?

Мой голос вновь был непривычно мягким.

– И спать тут будете?

– Да.

– Но здесь только одна кровать, хотя я могу...

– Мне не нужна кровать. Посижу в кресле в углу.

– Вы устанете и разозлитесь.

– Я на тебя не буду злиться. И не устану.

Элисса явно о чём-то думала, кивала иногда каким-то своим мыслям, глядя только в пол. Даже заметил, что она старается дышать тише, будто может помешать мне. Мы больше не говорили, потому что не было у нас особо тем для разговоров. Я уселся в кресло и уткнулся в телефон, решая рабочие вопросы.

А когда ей принесли подходящий для её желудка ужин, то она отказалась, мотивируя тем, что не голодна, и я могу взять порцию себе. Меня добивал каждый её подобный поступок. К этому же просто невозможно привыкнуть.

– Я не ем вот эту всю траву, мне привезут позже мясо. Так что ешь сама. И не спорь. Помнишь, ты обещала?

Она вздрогнула, но спорить и правда не стала, как-то неловко и очень медленно принявшись за трапезу. Ну хоть так.

Глава 22

Никогда прежде меня не тяготило молчание. Я не был особенно разговорчивым, предпочитая делать, а не молоть языком. Да и с кем мне было особо говорить? С отцом, который почти не общался с нами? Матери у нас с братом и не было, а между собой мы, мягко говоря, не ладили. Отношения стали совсем немного, но менее напряжёнными, когда у него появился сын. А потом...гибель его пары, споры с отцом, нечестное, как выяснилось позже, сражение... Жаль, что я не выстроил доверительных отношений с племянником, но ему уже под тридцать, наверное, поздно что-то менять. Хотя теперь менять явно придётся.

С новостью о том, что моя пара не сможет подарить мне наследников, даже если опустить, что и не хочет, возникло сразу столько проблем, что так просто и не разгрести.

Во-первых, я всем объявил, кто она, и теперь каждый знает, что у меня не будет детей. Значит, единственная надежда сохранить управление прайдом – это Эрдан. И как бы мне не хотелось прежде оградить его от ужасов, что происходили внутри прайда, теперь придётся вводить в курс дела и держать при себе.

Во-вторых, нужно как-то закрепить статус Элиссy в прайде. Обычно представление истинной, тем более, пары главы – это праздник. Но не в нашем случае. Вряд ли она выдержит

большое скопление оборотней. Да и после того, как все узнали, кто стал моей парой, точно найдутся недовольные. Большинство относились к людям спокойно, но были отдельные особи, считающие их недостойными, а она у меня ещё и... из подопытных... Да и метку я ей поставить не могу. Они же все это видят и чувствуют, что наша связь не закреплена, как следует.

Нет, я нисколько не считал её из-за этого менее достойной или что-то в этом роде. Наоборот, испытывал ещё большую жалость и желание помочь. Но прекрасно понимал, о чём будут шептаться в прайде за нашими спинами. Чтобы заткнуть всех и обеспечить себе укрепление статуса, мне придётся действовать жёстко.

В-третьих, я боялся, что кто-то из недовольных может захотеть навредить ей, как неудобной. Прежнего главу они боялись. Меня пока считают просто психом после того, что устроил в лаборатории. А теперь, когда узнают, что это из-за Элиссы, могут понять, где именно моё слабое место и ударить в него. Этого я не могу допустить.

Для начала решил добыть её документы и сделать своей женой официально. Это хотя бы покажет, что несмотря ни на что, я признаю её и объявляю своей, беру под защиту, и каждый, кто только посмотрит на неё косо, будет понимать, что за неуважительное отношение к супруге главы прайда понесёт кару. Отдал необходимые распоряжения, чтобы всё сделали как нужно без нашего непосредственного участия.

Не думаю, что Элисса кинется под венец, счастливо поправляя белоснежное платье...

Мне бы, наверное, хотелось увидеть её в нём... Она и так кажется очень нежной и кукольной, а во всех этих рюшах и кружевах, наверное, будет ещё милее. Но это просто мысли, разумеется. Такое невозможно.

А вот другую одежду для неё точно следовало подобрать. Заставлять её прогуляться по магазинам – тоже не лучшая идея, поэтому дал задание своей секретарше купить всё необходимое на размер и вкус её четырнадцатилетней дочери. Я видел ту девочку примерно год назад, и прикинул, что подрасти она должна была примерно до нынешнего вида ЭлиССы.

Разобравшись с этими вопросами, был вынужден решать рабочие по телефону в коридоре возле двери в её палату. Отходить дальше боялся, да и хотел, чтобы она слышала, что я рядом. Вот только мне приходилось повышать голос на не слишком сообразительных сотрудников, отчего она, когда я возвращался, бледнела. Но я уже устал ей твердить, что не буду злиться на неё, да и бесполезно это было. Поэтому решил, что однажды она привыкнет и поверит сама.

Вопреки ожиданиям, те несколько дней, что мы провели в одном помещении, ближе нас не сделали. Я не знал, что могу спросить, чтобы не заставить вспоминать плохое. Она и вовсе настороженно молчала, вздрагивая, стоило мне сделать хоть одно резкое движение.

Радовало лишь то, что она сама попросила меня не оставлять её тут и не протестовала, что остаюсь с ней. Я понимал, что это не из-за привязанности, что она действительно готова идти на что угодно, лишь бы больше её не мучили, и видит во мне чуть меньшую угрозу, чем в остальных.

Но это уже хоть что-то.

А ещё после моего замечания, перестала предлагать мне свою еду, хотя ела и правда слишком мало. Но врач заверила меня, что в её состоянии больше и не стоит, можно сделать хуже. Что ж. Видимо, это будет очень долгий путь.

Когда нам сообщили, что можно уезжать домой, Элисса, разумеется, не особо обрадовалась. Она вообще ничему не радовалась. Каждая новая информация её пугала.

Вот и сейчас вскинула на меня взгляд, полный ожидания и страха. Ну да, это же было бы так логично, что я проторчал тут три дня, а потом просто оставляю её и уеду один... Но понимал, откуда эти опасения, поэтому старался не показывать раздражения.

– Я не догадался привезти тебе одежду сюда, поэтому пока придётся побыть в этом халате и тапочках. Если тебе сложно идти, то я донесу тебя до машины.

Она покачала головой и медленно встала. Уже стоя у двери, я оглянулся и понял, что с той скоростью, с которой она передвигается, до машины мы дойдём примерно к вечеру. Следующего дня. С учётом наличия лестницы.

– Элисса, – приблизился к ней, и она замерла на месте, –

я всё же донесу тебя, ладно? Это же не страшно. И будет быстрее. Не бойся.

Она судорожно выдохнула. И тогда я понял, что, наверное, ждала, что я скажу, что передумал. Или нечто подобное. Но тем не менее позволила мне взять себя на руки, глядя в мою грудь, не поднимая взгляда, чтобы не встретиться с моими глазами. Я видел, что ей неприятны мои прикосновения, но в конце концов, это ради её же блага.

Вот только заметив в коридоре врачей, она инстинктивно прижалась ко мне ближе, хоть и продолжала обнимать себя за плечи.

– Они просто тут работают, помогают пациентам, лечат, как и в любой обычной больнице. Здесь никто никому не причиняет вред, – подумал, что нужно сказать ей об этом. Но так и не заметил, что мои слова как-то повлияли на неё.

В машине она отползла от меня в угол заднего сиденья и продолжала тихо сидеть там, пока я был за рулём, до самого дома. Лишь кивнула на вопрос, нормальная ли температура в машине. Мне каждый раз приходилось напоминать себе, что она человек и многим отличается от нас.

Хотя бы что-то похожее на облегчение я увидел на её лице только, когда занёс её в спальню. Здесь уже стоял шкаф, в котором должны были быть вещи для неё, о чём я ей, собственно, и сообщил. И вышел, пообещав зайти позже. Думал, она освоится, переоденется. Ага, держи карман шире. Кажется, с появлением в моей жизни Элиссы я стал самым невезучим

ирбисом в мире... Хотя если сравнивать с её судьбой, то конечно счастливчик...

Вернувшись к ней спустя почти час, нашёл свою девочку сидящей на постели в этом же больничном халате, чему весьма удивился.

– Почему ты не переоделась?

Она подняла на меня огромные глаза, начинающие наполняться паникой.

– Вы... Вы сказали посмотреть... Я думала...

– Ты думала, что я хотел просто показать тебе одежду и не позволю переодеться? – мои брови взлетели вверх. Ну она боится меня и её запугали, но не до такой же степени.

– Нет... Просто Вы не сказали, что я *должна* надеть, и я... там просто... Можно мне не надевать то, что там есть? Но если вы скажете, то я конечно... – демонстрируя покладистость, она резко поднялась, но тихо охнула от боли и приложила ладонь к низу живота.

Даже так... И что же там такого, что она не хочет надевать сама, но готова сделать это моей просьбе? Подошёл к шкафу и распахнул створки. А потом... Блядь.

Медленно обернулся к ней:

– Конечно, ты можешь не надевать это. Это не я выбирал. Сегодня же тебе привезут что-то нормальное.

Она кивнула. А я вышел и набрал секретаршу.

– Это что я сейчас увидел в шкафу?! – заорал, отойдя от комнаты Элиссы. – Что это за хрень на лямках?

– Так Вы же сказали на вкус дочери...

– В таком виде я бы свою из дома не выпустил! Закрытые, нормальные вещи выбери, и тёплые тоже. Свитера, носки, штаны там. **НОРМАЛЬНЫЕ**. Чтобы через час были!

– Но уже поздно и магазины наверное...

– Это не моя проблема. Сразу надо было думать головой!

Я отключил телефон, едва не сломав экран. Оборотница меня просто выбесила. Я думал, что девочки возраста её дочери одеваются во всякие там воздушные платица или хотя бы джинсы с футболками. Но кажется уже довольно сильно отстал от молодёжи. Представляю, о чём подумала Элисса, глядя на «великолепие» обтягивающих мини и топов с декольте до пупа в своём шкафу.

В такой одежде я видел только дам с очень низкой социальной ответственностью, услугами которых раньше, бывало, пользовался... Только, кажется, все мои желания такого толка начисто отбиты теперь видом обнажённой ЭлиССы в луже крови.

Это я ещё нескоро забуду.

К счастью для секретарши, нормальные вещи она всё же добыла. И даже доставила лично мне с извинениями в недопонимании. Хотя и я уже понял, что сам был не очень-то справедлив, извиняться не стал. Выпишу премию. А на будущее нужно учесть, что всё нужно контролировать самому.

В этот раз попросил ЭлиССу вытащить содержимое нескольких пакетов на моих глазах, и в ответ на вопрос, бу-

дет ли ей комфортно в этом, получил кивок. Уже собирался уходить, как услышал такой звук... Словно она собирается что-то сказать, но не решается. Обернулся.

Девочка стояла, глядя на мой подбородок (она почти никогда не смотрела в глаза, это я уже заметил) и комкала в руках свободный свитер из тонкой шерсти:

– ... я... хотела...

– Говори, не бойся.

– Спасибо, – выдохнула она и сделала шаг назад, окончательно опустив глаза в пол.

– Пожалуйста, – вздохнул и я, покидая её комнату.

А утром следующего дня нас ждал сюрприз.

Глава 23

Мало того, что после бессонной ночи, проведённой, как и прежде инкогнито, в комнате Элиссы, я уже был не в самом лучшем расположении духа, так ещё и Эмин позвонил и сообщил, что приедет в течение часа. Что могло понадобиться волчонку так срочно, я не предполагал, но всё равно злился. Мне сейчас было не до приёма гостей.

Элиссе прописали теперь какие-то таблеточки (как я понял, что-то вроде успокоительного), но, судя по всему, помогали они ей слабо. Ночью я прокрался в её комнату и снова успокаивал во сне. Она опять что-то кричала, плакала и дрожала. Меня пугало это до чёртиков. Потому что понимал, что однажды не смогу прийти вовремя и что тогда? Вот этот вшитый в подкорку страх потерять истинную зудел и не давал отвлечься на что-то другое. В больнице ей давали ещё и снотворное, но нельзя же вечно пичкать её медикаментами...

Утром, когда она начала просыпаться, мне вновь пришлось бежать, как какому-то вору. И это в собственном доме. Моя пара, мой дом, а я на цыпочках крадусь. М-да... Глава, блядь, прайда...

Всему персоналу кроме горничной уже строго настрого запрещено входить в дом и передвигаться свободно по территории. Я хотел предложить Элиссе гулять на свежем воз-

духе, но это требовало полное отсутствие кого-то чужого. И снова доставляло неудобства...

В офис отправил Эрдана, который тоже не был счастлив ни с того ни с сего вести все дела по моей дистанционной указке. Но на его вопрос, в чём реальная причина, кроме того, что «мне нужно побыть дома», я промолчал. Расскажу позже.

Вообще всё складывалось самым наихудшим образом из возможных. Барсы меня боялись, но не воспринимали, как главу. Уехать и решать все навалившиеся вопросы я не мог из-за Элиссy, а она... Она мне устроила такое, от чего я ещё оочень нескоро отойду окончательно.

Решил самостоятельно принести ей завтрак, взял поднос, открыл дверь, уже не запертую ею на ключ, наверное, потому что думала, что я приду с утра, вошёл. Но стоило установить посуду на столике у входа, как из ванной показалась она. В одном полотенце. Я громко сглотнул, не имея сил отвести глаз, потому что впервые она выглядела почти как обычная девушка – без ужасных больничных халатов, с чистыми волосами, с заживающими, уже не так сильно бросающимися в глаза ранами и синяками... И сколько бы прежде я не твердил себе, что не должен смотреть на неё *так*, всё равно инстинкты брали своё. Я даже сделал произвольный шаг навстречу, продолжая разглядывать её тело. И тут...

Так грязно даже я ещё не матерился. Пусть и мысленно. Элисса до этого просто застыла, оперевшись взглядом мне

в ноги, явно не ожидая, что увижу её в таком виде. Но видимо что-то во мне всё же заметила и истолковала по-своему, потому что дальше сильно зажмурилась, плотно сжала губы и отпустила края полотенца, позволяя ему скользнуть на пол, оставаясь полностью обнажённой. Я вообще забыл, зачем пришёл и что хотел сказать. Плотно оглядел её покрытое шрамами тело, которое всё равно вызывало бы у меня вполне себе мужской интерес, если бы не...

Она была слишком худенькой, ключицы и тазовые кости выступали вперёд, локти и колени были острыми, впалый живот, проглядывающие рёбра... У неё не было женственных форм, но в этом не было бы проблемы, если бы не общий истощённый и совершенно не взрослый вид. А ещё её, как и всегда, трясло от страха. Наверное, уже представила, что я с ней сейчас сделаю. Заранее смирилась с этим, готовая в буквальном смысле на всё, только бы не избавлялся от неё. Но самым ужасным было, что я *хотел бы* сделать то, что она представила...

Мне стало дурно, поэтому быстро отвернулся.

Не из-за того, что она мне не нравилась, а потому что, даже видя и осознавая всё это, я всё равно хочу её... Так работает наша связь, вопреки доводам разума и логики. Это было ужасно. Никогда не замечал в себе склонности к извращениям. Но кажется теперь есть одна очень серьёзная проблема, ведь как иначе назвать интерес к ней *такой*. Я испытал к себе и к нашей природе настоящее, неподдельное отвращение

сейчас.

– Оденься, – прохрипел, не глядя.

Немного пришёл в себя, отгоняя наваждение. А когда обернулся, то она уже закуталась в полотенце снова, но в её глазах стояли слёзы.

– Почему ты плачешь? – я снова её совсем не понимал, ведь сдержался, ничего не сделал и не сказал плохого.

Девочка мотнула головой. Молча.

– Элисса, почему ты плачешь? Я почти не смотрел на тебя. Ну не удержала, ничего страшного, я сразу же отвернулся. И ничего не видел, – врал топорно, но уж как умел.

Подумал, что лучше сделать вид, что не понял её истинного посыла, чем в открытую объяснять, что не захотел им воспользоваться. Только вот она не собиралась скрывать.

– Вы меня теперь прогоните.

– Почему? С чего вдруг?

– Мне нечем Вам...отплатить... Вы кормите меня и... вот это всё, – она окинула взглядом комнату, – и ничего не просите... А там... у других девушек... просили за защиту и иногда за еду... чтобы ...

Мне захотелось зажать уши. Я не мог бы услышать то, что она скажет дальше. Судя по тому, что она только что проделала, мог себе представить, что именно просили у пленников в качестве оплаты. К счастью для меня, она не произнесла тех слов. Хотя это очень малодушно, я испугался услышать, а они это пережили...

– Мне ничего не нужно, и я не стану тебя прогонять.

– Но Вы же...

«Хотите», – не прозвучало, но повисло в воздухе между нами. Она заметила и решила исполнить моё «желание», чтобы оставил её здесь, в безопасности, где ей не делают больно каждый день, не пугают постоянно, не издеваются, и решила, что это подходящая цена. И хоть не мне её судить, ведь я такого не пережил, но...

В былые времена думал, что, когда встречу истинную, буду счастлив, а обрёл свой персональный ад. Моя пара только что предложила мне себя в качестве оплаты за еду, кров и одежду... Такое даже в страшном сне не могло присниться. Для каждого из нас – это прямая обязанность заботиться, оберегать, обеспечивать комфорт, а она... Меня окутывала ярость. Хотелось схватить её и трясти за плечи до тех пор, пока не услышит, не поймёт, что я ей твержу раз за разом. Орать ей в ухо, чтобы уяснила и прекратила рвать мне душу. Но я не сдвинулся с места, глядя на то, как по её лицу катятся крупные солёные капли...

– Мне обязательно нужно попросить что-то взамен, чтобы ты успокоилась?

Она молчала. Хорошо. Если она признаёт только такую помощь, я могу кое-что попросить, не делая из неё домработницу. Последняя у меня уже есть, не на улицу же выгонять оборотницу в почтенном возрасте.

– Что ты умеешь, Элисса?

– Не знаю... А что нужно делать?

– Нет. Что *ты* умеешь делать хорошо? Что тебе нравится?

Может есть какое-то хобби или что-то подобное?

– Я... – нерешительно закусила губу, а потом тихо продолжила, – немного рисовала раньше...

– Отлично! Как раз собирался научиться рисовать, – ляпнул первое, что пришло в голову. Хотя прозвучало максимально тупо.

– Вы?

Она подняла на меня недоверчивый взгляд.

– Я, Элисса. И хочу, чтобы взамен на мою помощь, ты учила меня рисовать. Ты можешь учить меня? Это не будет очень сложно для тебя?

Она помотала головой.

– Напиши мне список, что нужно купить, и вечером начнём.

– Сегодня? – кажется, такие короткие сроки её тоже пугали.

– Конечно сегодня, а когда же. Чем быстрее начнём, тем быстрее будет результат, правда? – на самом деле я надеялся, что как только она сможет что-то сделать для меня, то перестанет искать подвох в моих поступках и начнёт думать, что мы «в расчёте». Потому что второй подобной сцены я просто не перенесу и могу причинить ей вред, если разозлюсь.

Она кивнула. А мне пришла в голову ещё одна идея.

– Ты оденься, поешь и жди меня. Я принесу листок и руч-

ку, чтобы ты написала всё, что нам понадобится, это привезут вечером. А пока к нам заедет тот парень, которого ты видела уже в клинике волков. Помнишь?

Её глаза расширились.

– Нет-нет! Он просто приедет. Просто так. В гости. К нам. Мы поговорим о делах, попьём чаю вместе. Ты же не боялась его? Он хороший и помогал тебе, правда? Ведь помогал?

И снова кивок вместо ответа. Ну, зато положительный. Уже неплохо. Я всё ломал голову. Где найти ей хоть кого-то для подобия нормального общения. Но она же боится до ужаса незнакомых, а на волчонка смотрела почти спокойно. Может, это поможет ей научиться общаться? Может, причина её молчания со мной – это я сам?

Когда он приехал, и я привёл Элиссу на кухню, усадив на приличном расстоянии от нас обоих и вручив кружку с чаем в ледяные руки, Эмин улыбнулся ей:

– Привет! А я как раз думал разузнать, как твои дела, – радостно сообщил ей, заставляя меня мысленно дать ему подзатыльник. Он из-за этого решил приехать ко мне в дом?!

Девочка пожала плечами, но всё равно смотрела на него не так, как на меня... И это заставляло злиться. Я видел, что его она боится меньше. Может из-за того, что мальчишка вечно скалится?

Дальше мы с ним немного поговорили на отвлечённые темы, не касаясь вопросов лаборатории и серьёзных проблем, и наконец он вроде собрался отчаливать. Хотя я и хотел, что-

бы Элисса пообщалась хоть с кем-то, но где-то в глубине души порадовался, что она не стала болтать с ним или улыбаться ему. Мне было бы очень непросто, хоть и понимал, что всему есть причины. Вот только уходя волк решил подложить мне такую свинью, которую я ему ещё долго не забуду.

– Элисса, – позвал МОЮ пару. Она вскинула на него глаза, продолжая крепко держать чашку с уже давно остывшим чаем. – Хочешь я покажу тебе кое-что милое?

ЧТО он собрался ей показывать?!

– Знакомые попросили меня помочь отвезти в наш питомник щенка, он в машине, хочешь посмотреть?

Девочка перевела глаза на меня. И я как-то сразу подумал, что, наверное, хочет. Но не ответит ему, боясь моей реакции. И хотя терпеть не могу собачье отродье на уровне инстинктов, не мог не воспользоваться шансом расшевелить её, и кивнул. Она посмотрела на Эмина снова и теперь кивнула сама. Да, вот так сбывались мои надежды на её «общение» с кем-то.

Мы с неуёмным волчонком шли впереди, она немного сзади, оглядываясь и осматриваясь по сторонам. Только тут я понял, что она и двора-то толком не видела. Хорошо хоть догадался весь персонал убрать заранее.

А волк, как выяснилось, припарковался почти у моего крыльца! И я как-то сразу и сообразил, что это вовсе не случайность, что ехал он именно за этим, к ней... К МОЕЙ девочке. Показывать какого-то блохастого щенка, которого он

притащил едва ли не ко мне домой, даже не посоветовавшись и не предупредив. Захотелось придушить его. Но внешне старался выглядеть невозмутимым, чтобы не пугать Элиссу.

Она так и стояла чуть подальше от нас, даже когда волк вынул из машины корзину с... В общем то, что он назвал щенком, наверное, вполне себе свободно поместилось бы в моём кулаке. Это пищащее существо я даже не мог воспринять за собаку. Но всё равно фыркнул от его запаха. И только тут заметил, как Элисса переминается с ноги на ногу, будто хочет подойти ближе. Но всё равно только смотрит.

– Хочешь погладить? – предложил волк, заставляя меня скрипеть зубами. От неё же эту вонь потом не отмыть будет. А мне с ней жить в одном доме!

Она снова смотрела на меня. И что мне было делать? Пригластительным жестом указал ей на корзину. Пусть гладит. Потом попрошу вымыть руки раз сто. Медленно моя пара приблизилась и коснулась этой недособаки, которая сразу затихла, глядя на неё своими глазами-пуговицами. Тут же мелькнула мысль, что они идеально соответствуют друг другу по размеру.

– Можешь взять на руки, – не унимался волк, заставляя меня свирепеть и прикидывать, сколько раз ей придётся принять душ, чтобы у меня перестало свербеть в носу.

На этот раз она больше не ждала моего одобрения, видимо рассудив, что я не буду против этой малости. И осторожно взяв на руки это недоразумение, прижала к себе, поглаживая

по длинной, волнистой, как и её волосы, шерсти.

– Если хочешь, то я могу оставить его тебе, у него всё равно нет хозяина, – продолжил рыть себе могилу волк, и я уже собирался за шкурку усадить его за руль вместе с этим комком шерсти и придать пинком ускорение, как вновь встретился с её взглядом...

Да блядь...

Глава 24

Поняв этот взгляд и без слов, я рывкнул, даже не успев подумать толком:

– Нет!

В своём доме *это* терпеть не собирался точно. Элисса вздрогнула, побледнела и положила щенка обратно в корзину, пряча руки за спину и сразу делая от неё несколько шагов назад.

Да чтоб его! Хотелось оторвать волчонку голову, а его недособаку выбросить подальше в лесу. Я ненавидел их обоих сейчас за то, что испугал её. Просто убить хотел голыми руками. Вот только что она держала *это* в руках, даже не спрашивая моего разрешения, без паники на лице, и казалось, что всё не так уж и плохо, а сейчас смотрит снова только в землю, дрожит и заламывает руки за спиной, чтобы мы не видели, как ей страшно.

НА ЧТО ОНА РАССЧИТЫВАЛА?! Что я позволю ей завести животное, которое не могу вынести по своей природе?! А он о чём думал, предлагая подобное?! Может намеренно хотел рассорить нас, зная, что откажу... Мало ему отец глаз подбил. Ой как мало. Больше его надо воспитывать! Да и прошло уже всё, вот бы добавить самому...

Я смотрел на Эмина, и видимо в моих глазах отражались скрытые намерения, потому что он тут же пошёл на попят-

ную.

– Да, что-то не подумал, прости. Правда хотел только показать, думал, это мило. Ему, конечно, будет лучше где-то в другом месте. Извини, Элисса, если захочешь, я привезу как-нибудь потом ещё кого-нибудь посмотреть тебе.

Но она покачала головой отрицательно, поднимая плечи, будто ждала, что я прямо здесь, при нём, начну её бить. Как я матерился! У меня голова взрывалась от ярости и мата.

– Тебе пора, – процедил Эмину, открывая перед ним дверь его же авто.

Пусть уматывает со своей корзиной и больше на порог его не пущу, не только к Элиссе. Не того я выбрал для её общения. Вот совсем не того.

Волчонок извинился ещё раз и, жалостливо глядя на мою пару, завёл машину и тронулся.

– Идём в дом, – скомандовал Элиссе.

Она послушно последовала за мной. Мы вместе вошли в холл, где почему-то отшатнулась к стене. Не от меня, а будто испугавшись чего-то ещё, но я это не сразу понял.

– Если хочешь, можешь погулять в беседке или посидеть тут, – девочка молчала, – или пойдёшь к себе в комнату? Запомнила, где она? – кивок. – Ладно, иди.

Я надеялся, что она забудет этот случай. Тем более уже отправил написанный ею небольшой список покупок секретарше. Представлял, что Элисса будет рисовать, и перестанет думать про волчонка с шилом в заднице и его блохастом

друге, а тем более предлагать мне вечно что-то взамен и может бояться тоже.

Но это же я, и это Элисса, разве может у нас быть всё гладко?

Совсем скоро принёс ей ворох чёрной бумаги и мелки, она сказала, что так мне будет проще начинать. Если бы она видела, как я рисую (с детского сада этого не делал), то, наверное, сказала бы иначе. Я спросил, не хочет ли она порисовать внизу в холле, но заметил страх, хоть и не отказала.

– Что там не так? Я заметил, как ты старалась уйти скорее. Почему?

– Он меня пугает, – призналась пара.

– Кто, Элисса?

– Диван. Большой, тёмный и кожаный...

– Хм... Какой бы не стал тебя пугать?

– Не такой, как этот...

Исчерпывающе, конечно.

Это же мой любимый диван! Единственное, что я выбрал сам в этом доме. Остальным занимались дизайнеры на основе моих пожеланий – ничего светлого, всё большое и в маленьком количестве. И вот теперь придётся от него избавиться? Было сложно представить, как может её пугать мебель, но, наверное, срабатывают какие-то ассоциации...

– Мне купить новый или будет достаточно пледа? Какой цвет тебе нравится?

– Не знаю.

– Белый?

Она пожала плечами.

– Пусть будет белый. Хорошо.

Чуть позже, скрепя сердцем, я дал указание раздобыть огромный белый махровый плед, и даже самолично покрыл им свою гордость, превращая её в огромную пушистую гору. Смотреть на это было больно, но когда позвал Элиссу вниз, она провела по нему ладошкой и... погладила. Как домашнего питомца. Это же хороший знак? Может как раз и забудет про ту недособаку. А мне самому даже немного полегчало. Но вообще было стойкое ощущение, что всё вокруг встанет с ног на голову из-за неё, поэтому застелить диван – это мелочь.

– Так лучше? – решил-таки уточнить этот момент.

– Угум.

– Теперь не боишься его?

– Нет...

А мне пришла в голову ещё одна мысль.

– Элисса...

Она обернулась ко мне.

– Ты меня тоже боишься, потому что я больше и старше тебя?

Пожала плечами.

– Хочешь, дома я буду носить какую-нибудь смешную футболку...или носки... видел у тинейджеров, типа с бананами...

Девочка бросила на меня странный взгляд, но ничего не сказала. Блядь. Ну сам предложил. С диваном же сработало... Но с этим вопросом я потяну хоть немного. Прежде надо бы, наверное, и её комнату переделать, там тоже тёмные стены и мебель. А рядом с дубовым шкафом для моего роста, она выглядит дюймовочкой. Всё в этом доме сделано под мою комплекцию, и она тут как Алиса в стране чудес, то есть её уменьшенная версия.

Но это тоже позже, ведь пока меня ждал урок рисования, чтоб его. Постучал в дверь, учитывая ошибки прошлого, но мне никто не ответил. Заглянул внутрь и увидел, что она смотрит на меня с облегчением. Ну да, хоть бы сказал, что это я, она же, наверное, опять себе напридумывала.

Показалось, что после случая, когда я не очень гостеприимно проводил Эмина с тем пищащим комком шерсти, она меня стала больше опасаться. И за это мне хотелось найти волчонка и популярно объяснить ему, почему не стоило добавлять смуту в наши так непростые отношения.

– Не занята? – задал самый дебильный вопрос в этой ситуации. Но ничего другого в голову не пришло.

Она сидела на ковре возле своей кровати, разбирая привезённые свёртки для рисования и, разумеется, покачала головой. Уселся на приличном расстоянии, чтобы не мешать и не пугать, взял один пустой лист и мел, который незамедлительно испачкал мне пальцы. Захотелось ругнуться. Но сам же придумал эту затею, что ж.

– Ты рисуй, а я буду повторять, хорошо?

Понимал, что объяснять ей будет сложно, да и бесполезно же. А так она занята, я делаю вид, что чему-то учусь, мы в расчёте, всё отлично. Пара начала водить мелком по холсту, а я не мог оторваться от этого зрелища. Какое там повторять... Она так увлеклась, что, закусив губу, вообще, кажется, забыла про моё существование. И это было отлично! Как я раньше не придумал занять её чем-то! Как груз с плеч упал. Пусть сидит себе, рисует, а я смогу со спокойной душой уезжать в офис и по делам прайда, не дёргаясь и не думая, что она сидит, уткнувшись пустым взглядом в пол.

И всё же, чтобы создать видимость, попробовал изобразить то, что рисует она. Так получился самый уродский тюльпан в мире. Хотя вряд ли кто-то смог бы понять, что это вообще тюльпан. Кривое нечто на палочке.

Когда она закончила свой рисунок (весьма реалистичный, может ходила в специальную школу раньше?), то посмотрела на мой и её брови взлетели. Озадаченный взгляд встретился с невозмутимым моим.

– А ты думала, будет просто? Говорю же, нужно учиться.

Она кивнула, продолжая смотреть на мой рисунок. Наверное, прикинула, сколько ей придётся заниматься со мной, чтобы научить и «расплатиться» за мою «доброту». Хотя через пару занятий я планировал как-то слиться.

– Ладно, давай продолжим в другой день, на сегодня хватит. Спокойной ночи.

– А Вы...

– Что?

– Не сердитесь?

– За что на этот раз?

– За... утро...

Я уже и забыл, даже остыл, а вот она нет. Чтоб этому волку пусто было с его блохастой шерстяной фиговинной! Или это она про историю с полотенцем? Что-то душно стало в комнате...

– Нет, не злюсь.

Ответа не последовало. Ну и ладно.

Вот только вернувшись через пару часов, чтобы охранять её сон, услышал шорох за дверью. Она не спала. Пришёл позже, и вновь Элисса бодрствовала. И ведь не спросишь, что она там делает, потому что испугается моего ночного визита, или снова решит, что я пришёл за чем-то... таким. За ночь я задолбался подходить к её двери и прислушиваться, но она так и не легла.

Зато утром нашёл её спящей на ковре посреди вороха разрисованных листков. Цветы, пейзажи, дети, животные, то есть *животное*... Тут поднял один, и моё сердце сжалось. Клетка. Жуткий звериный оскал. Разорванные человеческие тела... Моя маленькая...

Видимо шорох разбудил, потому что она подскочила и вдруг отодвинулась от меня ближе к кровати, а когда заметила, что я рассматриваю её рисунки, глаза наполнились сле-

зами.

– Что случилось? Ты не хотела, чтобы я смотрел? Прости, я не знал, не буду больше.

Но слезы уже градом текли по её щекам, руки сжаты в кулаки, а плечи вздрагивают от тихих рыданий.

– Элисса, скажи, что случилось? Я испугал тебя?

Она помотала головой, продолжая плакать чуть ли не навзрыд. Я опустился рядом с ней, но не касался. Как же это сложно.

– Элисса, пожалуйста, объясни, что произошло, почему ты плачешь?

Дрожащая рука протянула мне пустой лист бумаги и затряслась от плача. Блядь. Блядь. Блядь. ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?!

– И что мне нужно с ним сделать?

Голос был даже ласковым, но она уткнулась лицом в колени и зарыдала сильнее.

– Он последний, – услышал тихий шёпот.

– Ты из-за этого плачешь? Я куплю тебе вагон этих листов! Разве это стоит твоих слёз?

Она несмело подняла голову:

– Я увлеклась, простите... Рисовала... а потом... потом остался только один...

– И что? – всё ещё не понимал я. – Сказала бы, я привез бы ещё. Хоть ночью.

– Вы не злитесь?

НА ЧТО, БЛЯДЬ?!

– На что я должен злиться, Элисса? – и сразу, кажется, сам понял. – На то, что ты изрисовала их все?

Она кивнула, а я ужаснулся. Что у неё в голове? Как можно было рыдать из-за этого? Думала, я стану беситься из-за того, что закончился весь «учебный» материал? Иногда мне казалось, что у неё сознание ребёнка... Может это какая-то защитная реакция? Потому что если нет, то я вляпался ещё сильнее, чем думал.

– Мы купим ещё много таких листиков, в этом нет ничего страшного!

– Правда? – она снова смотрела с недоверием, будто я специально вру, чтобы потом предъявить ей за всё сразу. Может, кто-то уже с ней поступал так?

– Абсолютная!

Тогда я ещё не знал, что она всё детство провела в интернате и однажды стащила там стопку листочков, предназначенных для всех детей, и изрисовала их все, за что воспитатель жестоко избил её и бросил в тёмный чулан на несколько дней... И что в лаборатории подопытных (до сих пор трясёт от этого слова) избивали за малейшее непослушание, даже за то, что смели прикоснуться к еде без получения разрешения. Это я узнаю позже. Гораздо позже.

А пока протянул руку и стёр с её щеки самую крупную слезинку.

– Очень прошу тебя перед тем, как чего-то пугаться и де-

лать выводы, просто поговори со мной, ладно? Видишь, ты зря плакала. А причины то и нет. От твоих слез у меня сердце болит.

Элисса посмотрела туда, где должно быть моё сердце. И всхлипнула.

– Не будешь больше плакать до того, как поговоришь со мной?

– Не буду, – тихо пообещала она.

Но совершенно точно солгала. Что-то мне подсказывало, что она очень часто плачет, когда меня нет рядом. Да и как может быть иначе? Ей даже поговорить нормально не с кем. Меня она боится и не доверяет. А где мне найти ей подружку? Друга вроде Эмина близко точно не подпущу больше ни за что. Но ведь каждому нужно хоть с кем-то общаться, она и так провела в изоляции слишком долго. Только вот с кем может выстроить коммуникацию она в таком состоянии, мне было сложно представить. Хотя...одна ооочень плохая идея всё же появилась...

– Умница. Через пару часов тебе привезут несколько пачек этих листочков, и ты можешь делать с ними что захочешь. Ладно?

Она кивнула.

Я же свихнусь с ней. Совершенно точно свихнусь. Но... сегодня, когда я утирал её слезу, она впервые не шарахалась от меня. Может и не заметила из-за переживаний, но всё равно... Я касался её, и она не боялась... А ещё именно среди

её рисунков я нашёл несколько, которые и подали мне идею, как попробовать вернуть её к жизни. Разумеется, как и всё остальное, что связано с ней, это будет адом для меня, но может действительно хоть как-то поможет ей?

И покинув комнату, скрепя сердцем, всё же набрал Эмина...

Глава 25

– Привет, – почти сразу ответил волк. – Ты прости меня за эту идею, – сразу начал с объяснений, – я подумал, что ей будет проще, если что-то будет её отвлекать, но как-то упустил, что...

– Привези ту штуку обратно.

– Какую?

– Корзину и то, что в ней было.

– Эрnard, так я уже отдал её. Подарил племяннице прежнего альфы, ты же знаешь, моя семья заботится о ней.

Так я и думал, что никакого приюта не существует!

– Мне всё равно, куда ты его дел. Верни.

– Забрать у ребёнка? Давай, я привезу другого.

– Нет. Мне нужен именно тот.

– Эрnard...

– Мне. Нужен. Этот. Щенок. Понял? – хотелось ударить его.

То впихивает его нам чуть ли не силой, то теперь отказывается отдавать! Он понравился Элиссе, другой может не понравится. Да и на его предложение приехать позже и показать кого-то другого она же ответила отказом, а этого прям с рук спускать не хотела.

Я чувствовал себя дебилом. Уже довольно скоро мне будет сорок, я глава прайда, от моих решений зависят сот-

ни ирбисов, веду бизнес, а сейчас выпрашиваю долбанного щенка у волчьей стаи... При том сам не понимал, почему для меня это так важно. Мне не хотелось особенно угодить или понравиться Элиссе. Наверное, больше хотел скорее решить все эти проблемы, чтобы можно было жить обычной жизнью, а не думать, что пока я в отъезде она задохнётся от припадка. Да, именно это и было причиной. Только это...

– Хорошо, я что-то придумаю, – сдался волк, вздохнув.

– Придумай так, чтобы это недоразумение было здесь через пару часов.

– Но Эрnard!

– Это твоя проблема, ты же заварил эту кашу! – повысил я голос. – Если бы не ты, она бы не рисовала этого дурацкого щенка всю ночь!

– Рисовала?

Горы листочков с этой недособакой в её комнате очень прозрачно намекали, чего бы ей хотелось. Но волку это знать необязательно. Вообще всё, что касалось Элиссы, мне хотелось хранить в тайне.

– Неважно! Привези мне эту собаку. И всё, что ей может понадобится. Чем там их кормят.

– Молоком пока, но ещё можно...

– Инструкцию напиши. Я не собираюсь возиться с ним.

– Он ей понравился, поэтому ты передумал?

Волчонок вообще не видит берегов?!

– Не твоё дело.

– Я боялся, что ей у тебя будет некомфортно, поэтому приехал, – сознался он, – чувствовал какую-то ответственность что ли...

– Не нужно чувствовать ответственность за МОЮ пару.

– Я понимаю... И ещё такой вопрос...

– Какой?

– Я не сказал отцу, что её ребенка больше нет, но если хочешь, то могу попробовать преподнести ему эту информацию как-то помягче.

– Там и не было *ребёнка*, это раз. А два – с альфой я решу сам. Твоё дело – доставить мне собаку.

– Ладно, буду скоро, – пробурчал Эмин в трубку и отключился.

Я ударил по капоту машины, оставляя вмятину. Да чтоб их всех! Вместо того, чтобы решать важные вопросы ношусь с щенком! Для той, которая даже смотреть на меня нормально боится! И всё же, прежде чем уезжать из дома, решил дождаться волка и вручить Элиссе ту недособаку. Так мне будет немного спокойнее.

К счастью для волка, приехал он довольно скоро. И притаранил мало того, что вагон посуды для этого недоразумения, так ещё и подстилки какие-то, пакетики с едой, игрушки, одежду... Одежду для собаки! Я чуть не взвыл. В носу опять чесалось от запаха этого комка шерсти. Но ведь раз решил, то нужно доводить дело до конца.

Когда увидел на полу разные вариации рисунков щенка,

сразу понял, что рисует она конкретного. Того, которого я, такой плохой, не позволил ей оставить. Наверное, думает, что я изверг какой-то, выгнал милого, доброго Эмина вместе с его блохастой писклём. Конечно, он опять в её глазах такой хороший, а я снова чудовище просто. Это же несправедливо!

Поэтому скрипя зубами, принял поклажу от волчонка, выслушав ненужную информацию о том, что той девочке, у которой он изъяс животное, пришлось покупать взамен новый телефон и планшет (мне вообще есть до этого дело?), а потом сказав, что выход из моего дома найдёт сам, отправился к Элиссе.

И как бы я не был зол, где-то в глубине души был ему благодарен за то, что придумал это всё с собакой. То есть, что с собакой – это плохо, конечно, но сама идея-то. Вот пусть Элисса общается с этим недоразумением, заботится там, может отвлечётся от плохих мыслей. Да и то, как оперативно волк выполнил мою просьбу...

Пусть я и рычал на него, но с каждым разом, мой долг перед ним рос и рос. Радовало то, что он относился ко всему как-то очень понимающе, хоть и ворчит в шутку, но улыбается, поддерживает меня... Хотя младше меня, небось, в два раза. А сам весь такой умный, что аж зубы сводит. Нет уж, к Элиссе его больше не подпущу. Мало ли...

Передав привет *моей* паре, волчонок наконец покинул *мой* дом, и я немного упокоился. А ещё надеялся, что Элиссе понравится эта идея.

Навалился боком на дверь, чтобы та распахнулась, отчего девочка вскочила с кровати, но тут же замерла, глядя на меня, увешанного всем необходимым для собаки, держащего эту корзину едва ли в зубах.

– Помогите, – попросил её, и она нерешительно подошла ближе, аккуратно, чтобы не касаться меня, забирая вещи из рук и складывая их на свою постель.

Стол ей что ли купить сюда? Или хоть кресло. А то тумбочка, шкаф и кровать. Наверное, для девушки этого мало...

– Это тебе, – протянул корзину, в которой снова недовольно пищало пушистое существо. – Его зовут Эмин, – решил сделать волку подлянку.

Ведь его имени она не знает. Хотя какая-то месть за мои испорченные нервы. Элисса вынула шерстяной комок из корзины и, прижав к себе, погладила, успокаивая. А он и правда затих.

– Я думала...он Вам не понравился...

Да нет, блядь, я был просто в восторге от этой блохастой пискли!

– Ну он...нормальный.

А что я должен ей сказать? Что не выношу собак? Что меня теперь будет мутить каждый раз, когда вхожу в её комнату?

– Вы разрешите его тут оставить?

– Нет, я просто принёс тебе его снова показать и сейчас заберу обратно.

Иронии она не поняла, снова вздрагивая. Вздохнул.

– Конечно, Элисса. Он будет жить здесь, если ты хочешь.

Только очень прошу тебя, не выпускай *это* из своей комнаты гулять по дому, разве что на улицу. Ладно?

Она кивнула.

– Я уеду сегодня, если тебе что-то понадобится, то обращайся к горничной.

Огромные глаза оторвались от щенка, взирая на меня со страхом. И хотя я переживал, что она снова боится, всё равно было немного приятно, что не хочет оставаться без меня.

– Сюда больше никто не зайдёт, весь дом твой. Такой же, как и мой. Кстати, по документам ты теперь моя жена, поэтому... – я продолжал говорить, не сразу заметив, как она на меня смотрит.

Наверное, такую новость следовало сообщить как-то иначе.

– Элисса, наш брак формальный. Для остальных и твоей безопасности, на тебя это не накладывает никаких обязательств, – решил пояснить, мало ли чего она опасается. – К тому же, я не очень лажу с животными, а ты теперь ещё и будешь помогать мне ухаживать за... Эмином, – эту кличку я произнёс с чувством глубокого удовлетворения. – Если что, он будет тебя защищать, пока меня нет.

Мы оба посмотрели на «защитника», который зажмурив глазки-пуговки, жался к моей паре. Ну... когда-то же он вырастет. Наверное...

Я не был уверен, что она поверила в мою ложь и желание завести собаку, но противиться не стала, продолжая наглаживать пушистую шерсть. Мелькнула мысль, как я после него смогу к ней прикасаться, а потом вспомнил, что и без него не особо это делаю... Поэтому по большому счёту лично я ничего не потерял.

Весь день в офисе крутился как белка в колесе и уже прекрасно осознавал, что один не справлюсь. А доверять кроме Эрдана было некому. Поэтому пришлось вызвать его и объяснить, что теперь бизнес прайда – и его ответственность тоже. Кроме того, ему выделен почти целый этаж в нашем загородном доме, ведь оттуда ближе добираться сюда, и комната в дальнем крыле нашего с Элиссой дома. Знакомить их я пока не спешил. Не хотел её пугать и... где-то в глубине подсознания опасался, что с ним она тоже найдёт общий язык быстрее, чем со мной...

А вот делами племянника завалил по самые уши. Ничего, ему пора привыкать, ведь явно он станет следующим главой, наследников у меня не будет. Кстати, о последних...

Разговор с альфой прошёл на повышенных тонах. Тот считал, что я намеренно избавился от беременности Элиссы, и был крайне недоволен, повторяя, что не нужно было её мне отдавать. Но когда старый волк ляпнул, что вообще не понятно, что я там делаю с пленницей, раз она даже не может выносить, я взревел и пообещал вызвать его на бой, если услышу нечто подобное ещё раз. Наверное, и стае серых волков,

и моему прайду просто повезло, что в этот раз мы общались по телефону, а не вживую, потому что точно бы покалечили друг друга...

Лишь при вмешательстве Эмина, который как всегда во время находился рядом с отцом, мы немного поутихли. Обсудили договорённости волков с людьми. Как выяснилось, они уже несколько лет ведут переговоры с одним из главных наших противников и вроде бы даже достигли какого-то компромисса. Со дня на день должны быть результаты. Мы с альфой были настроены менее оптимистично, чем Эмин, он всё пытался убедить нас, что ненавидящие нас люди могут одуматься...

Если бы мы знали, чем это закончится, то ни я, ни альфа вообще не позволили бы волчонку вмешиваться эти дела... Но тогда мы ещё не знали.

Зато уже ближе к ночи я мчал домой на максимальной скорости. Мне впервые хотелось оказаться там скорее. Потому что там была Элисса. И это было странно, непривычно, немного даже волнительно. Ждать встречи с кем-то.

Только я забыл, что Элисса теперь не одна. Уже подходя к её комнате, услышал, как она говорит с... Эмином. С собакой-Эмином. Её голос звучал грустно, но ласково. Я ещё ни разу не слышал, чтобы она так говорила. Но мне понравилось. Да и если опустить вовсе её интонации, она в принципе – *говорила!* А то всё время молчит. Значит, стратегия сработала. Пусть это не совсем нормальное общение, но зато

наверняка она получает от него хоть какие-то положительные эмоции.

Толкнул дверь и уставился на шерстяной комок у самого входа. Элисса сидела чуть дальше, тоже на полу, но сразу же замолчала. Я приблизился к щенку, и он... Вот знал же, знал, что меня с ним ждут только проблемы! Много проблем!

Огромная лужа из-под мохнатых лап маленького щенка достигла моего ботинка в мгновение ока. То ли он специально хотел устроить мне засаду и намеренно ждал (хотя в этой голове мозгов-то столько нет, чтобы такое придумать), либо испугался так сильно, но в итоге мне пришлось срочно отпрыгнуть назад. Элисса кинулась к нам, хватая его на руки, будто я мог пристукнуть его немедленно, и метнувшись в другую часть комнаты, уложила животное на какую-то пелёнку, а сама вновь подлетела ко мне с тряпкой.

– Простите, простите, я сейчас всё исправлю, – принялась она тереть подошву моего ботинка, но вдруг замерла, глядя на меня.

Я даже почувствовал, как расширились мои зрачки. Она сидела перед моими ногами, запрокинув голову, почти напротив... Стиснул кулаки, и Элисса тоже сжалась, но не сдвинулась с места. Хотя совершенно точно поняла, о чём я подумал... Наверное, если бы я попытался, то не стала бы противиться, как всегда, считая, что должна мне что-то или что сопротивляться бесполезно...

Медленно сделал шаг назад, потом ещё один, и ещё, пока

не оказался в коридоре и не захлопнул дверь. С этими двумя я теперь как по минному полю хожу.

Глава 26

Чтобы чем-то отвлечься, позвонил дизайнеру, дав задание за пару дней подготовить другую комнату для моей...жены. Называть её так было непривычно, но нужно же когда-то привыкать. Да и указания в отношении неё тогда будут выполняться гораздо качественнее и быстрее, чем просто для какой-то чужой девочки, которую я привёз из лаборатории и опекаю. Хотя меня и мучали сомнения в правильности поступка касательно её статуса (защищать её таким образом похвально, конечно, только это означало, что теперь я вроде как несвободен, но по факту нас вообще ничего не связывает кроме парности, от которой больше проблем, чем помощи), пока хватало внутренних сил стоять на своём и делать вид, что всё идёт по плану.

Я выбрал пустующую комнату рядом со своей. Так мне не придётся бегать далеко по ночам, может даже смогу слышать её и через две двери. Ещё, наверное, придётся установить рядом с ней и по дому несколько следилок, чтобы быть уверенным, что в моё отсутствие с ней всё в порядке. Мне не хотелось превращать свой дом в аквариум по наблюдению за одной конкретной рыбкой, но других вариантов упростить себе жизнь, я не видел. Если бы знал, чем обернутся для меня эти идеи, то, наверное, отказался бы от них, чтобы не усугублять. Но пока занимался контролем ремонта.

Результат меня...удовлетворил, скажем. Потому что вот эти бежевые стены, светлые занавески на окнах, мебель, явно предназначенная для лилипутов вроде неё, белая круглая кровать с балдахином из белой накидки подходили ей как нельзя больше, чем что-либо. Тут был и стол с парой стульев, и шкафчик, доходящий мне лишь до груди, несколько тумб, мягкие пуфы, коврик... Если честно, мне казалось, что такими должны быть комнаты в детских мультиках про принцесс, не хватало только обилия мягких игрушек... Хотя дизайнер утверждала, что интерьер создан для молодой и нежной девушки...

Ну, Элисса, по идее, именно такая.

Но вот этот филиал комнаты какого-то кукольного домика меня всё равно немного напрягал, хотя если он ей понравится, то пусть. Мне не обязательно находиться тут часто. И раз её пугает всё большое и темное, то это почти кукольное царство должно понравиться.

Ещё я заметил, что дважды Элисса по собственной инициативе выбиралась из комнаты на кухню за молоком, хоть и держала в руках свою «собаку». Прежде особо не выходила, а тут ради него начала. Это был несомненный плюс. Может она и боится, но всё равно делает это, пусть и ради мохнатой пискли, но надеюсь, что привыкнет со временем. Ещё вот подрастёт эта живность, станут может гулять во дворе.

Сам я попытался изучать психологию, чтобы помочь ей хоть чем-то, но многие книги противоречили друг другу, не

отвечая на вопросы, а только увеличивая их количество. Поэтому отложил это дело, посоветовавшись с нашими специалистами (сохранив в тайне, по какой причине узнаю, ведь пока ещё не все в прайде были осведомлены). В итоге сделал для себя несколько заметок: нужно создать ей комфорт, делать приятные вещи и вести себя как полная противоположность тем, кто причинял ей вред. Но я и так постоянно шёл на уступки, ничего не требовал, был мягким, иногда даже слишком, на мой взгляд.

Всё это становилось для меня какой-то игрой с новыми уровнями сложности, всё время хотелось скорее перейти на следующий. Но вот приз – светлое будущее, в котором мы с ней настоящая пара, представлялся так далеко, что даже век оборотня не поможет успеть. Но о нём не думал, подмечая пока маленькие подвижки. Если бы я знал, что однажды разрушу всё сам, то может не лез бы из кожи вон сейчас...

Хотя при любом раскладе создать ей комфорт – моя прямая обязанность, независимо от того, стала она моей женщиной или нет. Просто из-за нашей связи. Только вот слова «Элисса» и «женщина» в принципе не очень сочетались. Иногда мне казалось, что отношусь к ней так же, как она к щенку – вроде как несёшь ответственность, заботишься, но только в одностороннем порядке, не рассчитывая на что-то ещё.

Сейчас же позвал в новую комнату Элиссу вместе с её «собакой», которая каждый раз как меня видела, пускала огром-

ную лужу (шикарный подарок сделал мне Эмин, ничего не скажешь. Мало того, что пара меня боится, так теперь они вдвоём дрожат при моём появлении. А если животное остаётся без своей хозяйки хоть ненадолго, то начинает издавать громкие жалобные звуки, заставляя мои уши сворачиваться в трубочку даже на другом конце дома. Просто прекрасно). Она вошла осторожно, сжавшись заранее, будто я её в пыточную пригласил.

– Заходи, не бойся. Я сделал эту комнату для тебя, тут всё светлое и маленькое, – зачем озвучиваю ей очевидное, будто она сама не видит или не способна сделать выводы? От волнения, наверное. Потому что если она скажет, что останется в прежней, то выходит это всё зря. – Тебе нравится?

Элисса обвела помещение взглядом, и хоть он не был радостным, но всё равно я понял, что здесь ей уютнее, чем в прежней. Выдохнул с облегчением.

– Твои вещи перенесёт горничная. Если ты захочешь тут остаться. Ведь ты хочешь?

– Тут... красиво. А Эмину можно со мной?

Сначала я впал в ступор, а когда сообразил, то едва сдержал удовлетворенную усмешку. Так ему, этому волку! Вот научит она его командам, будет ещё мне лапу давать. Собака, конечно, не волк.

– Можно, конечно. Если он тебе ещё не надоел.

Она покачала головой.

– В твоей прежней комнате завтра поставим нормальный

стол, можешь там рисовать сколько хочешь.

За эти пару дней Элисса закончила штук десять пачек бумаги и коробок с мелками и карандашами. Она всё время рисовала. Горы её рисунков лежали там повсюду, и перетаскивать их сюда было бы жаль. Всё равно скоро не уместятся в одной комнате. Пусть будет склад или что-то вроде её мастерской. Ещё я привёз ей нормальный мольберт и краски, может наконец её рисунки перестанут быть черно-белыми... Почитал в интернете, что это может стать своеобразной терапией, поэтому только радовался, когда видел очередную пустую коробку.

– Рад, что тебе понравилось. А ещё... вот. Это тоже тебе, – протянул ей букет из бледно-розовых тюльпанов, которые заранее положил тут же.

Флорист сказала, что должно понравиться милой и нежной натуре. Если честно я сам не знал, зачем попросил купить ей именно цветы. Просто подумал, что всем девочкам они должны нравиться. Ну и я обещал ей в больнице, что сделаю всё, чтобы ей было хорошо, да и рекомендации по восстановлению её психики, опять же.

Она растерянно перевела взгляд с букета на меня.

– Это просто так, Элисса, я лишь хотел поднять тебе настроение. Какие цветы ты любишь?

Девочка посмотрела на меня с мукой.

– Или тебе не нравится?

– Мне... никогда не...

– Тебе никогда не дарили цветов?

В её глазах мелькнуло что-то, что едва не пронзило насквозь моё сердце. Я сейчас что сморозил? Кто и в какой момент, по моей логике, должен был подарить ей букет? Дебил.

– Прости, Элисса. Теперь я буду привозить тебе разные цветы, чтобы ты могла понять, какие нравятся больше. Ты не против?

Она мотнула головой и вроде бы задумалась. Наверное, снова решила, что я это делаю не просто так, явно ждала подвоха. Но вообще-то на её месте и я бы, наверное, ждал.

Оставив пару в комнате, отправился в кабинет и откинул крышку ноутбука, включая камеру. Да, я установил там камеру. Не потому, что я долбаный извращенец, а потому что мне нужно уезжать из дома, иногда надолго, и если она решит как-то себе навредить или с ней что-то случится, как в последний раз в ванной, то должен буду узнать об этом и успеть. Конечно, была и другая причина... Я не понимал её почти. И мне всё же хотелось знать о ней хоть что-то.

Элисса медленно прошлась по помещению, осторожно, едва касаясь, проводя руками по мебели. За ней шествовала, принюхиваясь, её недособака. Вдвоём они являли собой очень гармоничное, но странное для моего дома зрелище. Никогда бы не подумал, что тут появится вот такая комната, вот такая девочка, а тем более шерстяная твякающая пигалица.

Потом она села на постель, обняла себя за плечи и за-

плакала. Её плечи тряслись от рыданий, а по лицу катились крупные градинки слёз. Я даже вскочил сначала, желая броситься к ней и выяснить причину. Физически больно было это видеть.

Но почти сразу к её ноге приблизился Эмин (собака-Эмин, конечно... Я уже начинал жалеть, что дал ему эту кличку, всё время сам вздрагиваю, так ещё и живое напоминание о нём, ещё не хватало постоянно думать о волке! Хорошо хоть она не знает, чьё имя повторяет). Он ткнулся носом в её щиколотку и поскрёб лапой. Всхлипывая, моя девочка подняла его и прижала к себе, уткнувшись носом в волнистую шерсть и начиная гладить его висячие уши.

– Ты не бойся... Тебя он не обидит... Наверное...

Сердце сжалось. Она говорила обо мне! Обо мне! Вот так.

То есть я чуть ли ни на цыпочках вокруг неё хожу, пытаюсь угодить, а она даже не уверена, что я не трону её собаку... И сказала это так, что вот его я, наверное, не обижу, а её прям точно обижу. Будто пытаюсь втереться ей в доверие, чтобы потом сделать побольше! И вроде бы понимаю, что есть причины, но как же это обидно!

А дальше она продолжала сидеть и гладить его. Ничего больше не говорила. Не вставала. Ничем не занималась. Не рассматривала. Просто сидела в одном положении. Выглядело жутковато. Надо бы сказать ей, что не против, если она решит рисовать и в комнате. Потому что вот так сидеть целыми днями – это же с ума можно сойти.

Я немного поработал, периодически поглядывая в экран, и уже понимая, что это начинает вызывать какую-то зависимость. Зато увидел, как она реагирует на приход горничной с подносом еды, ведь сама она выходила только если что-то было нужно щенку, а для себя даже воды не брала, как мне сказали. Стоило оборотнице постучаться в дверь, прежде чем открыть, моя пара встала и вместе с собакой быстро отошла в самый дальний от входа угол.

В который раз убедился, что в отношении персонала мой выбор был правильным. Пожилая женщина поздоровалась с ней, расставила всё на столике, рассказав, что именно принесла, пожелала приятного аппетита и тихо вышла, не ожидая ответа. Видимо, Элисса и прежде не говорила с ней. Выходит, она ни с кем не общается кроме меня и собаки... Хотя казалось бы, чем может навредить ей моя домоправительница?

Видимо, следует попробовать завтракать или ужинать вместе с Элиссой на кухне, чтобы она понимала, что тут везде безопасно и ей ничто не угрожает. Рано или поздно ей придётся привыкать ко мне. Хотя бы чтобы просто сосуществовать вместе.

Мне было очень интересно посмотреть, что именно из блюд ей понравится, и как она поведёт себя дальше, но всё же смог себя убедить, что это неправильно и с трудом закрыл монитор. Кажется, я обзавёлся новой проблемой, потому что оторваться от созерцания ЭлиССЫ на экране было

очень сложно. Пусть она и не делает ничего, но рассматривая её вот так, приближая изображение, я подмечал всё новые черты, особенности, которые оседали где-то на подкорке, заставляя привыкать к ней, испытывать какое-то непривычное тепло... К счастью, мне почти удалось себя убедить не смотреть на неё как на женщину, потому что это очевидно провальный путь в выстраивании нашего общения.

В это же время мне сообщили, что привезли заказанную одежду, я даже не сразу понял, о чём идёт речь. А когда понял... В общем, уже этим вечером мой шкаф ломился от самых дебильных футболок и пижам, который только смог найти мой водитель. Что ж. Теперь я мог сидеть на своём прежде brutальном диване, покрытом пушистой хренью в пижаме, которую явно шили для... как бы это потолерантнее. Не для меня явно. Не знаю, как скоро решусь это всё надеть, ведь буду выглядеть как... Сказал бы. Но всё чаще стараюсь себя одёргивать, потому что мат пугает Элиссу.

Уговорив себя кое-как, натянул наиболее приличную футболку из всех, что были, с каким-то мультяшным тортом с глазами (кто вообще придумывает этот бред?) и позвал Элиссу вниз, предложив порисовать там сегодня и попутно посмотреть какой-нибудь фильм по телевизору. Эту идею мне подкинул Эрдан, когда я сообщил ему, что нашёл пару, но вряд ли смогу найти с ней общий язык. Племянник сказал, что чтобы «подкатить» к девушке, нужно проводить с ней больше времени и выяснить, что ей нравится. Элиссе

вроде нравилось рисовать и её собака.

И эта информация не давала мне ровным счётом ничего.

Она пришла, к счастью, одна, хоть и пропахшая псиной (мне как ирбису это вообще непросто выносить, но не заставляя же её мыться каждый раз) с пачкой листов и карандашами на этот раз. Я включил какую-то романтическую комедию (а что ещё ей можно было включить) и уселся на диван, беря в руки белый на этот раз лист и думая, как бы отказаться от этих уроков, чтобы она ничего не заподозрила. Девочка глянула на мою одежду вскользь, но ничего не сказала, а потом устроилась на самом краю в противоположной части дивана, подальше от меня. Только тут я впервые подумал, что мог бы купить мебель и поменьше. А так было чувство, что между нами не несколько метров, а километр. Хотя, наверное, расстояние по внутренним ощущениям вряд ли бы изменилось, даже сиди она рядом вплотную...

Но всё равно смог заметить, что Элисса нервничает, губы кусает. Они уже почти зажили, а на щеке остался тонкий бледный рубец. И ведь всё же остался... Я надеялся, что исчезнет совсем. Но кажется он символизирует и все остальные раны, нанесённые ей, которые если и заживут когда-то, то всё равно оставят свой след. Глубоко вздохнув, вывалил на неё все свои вопросы разом:

– Что случилось? Ты плакала? У тебя что-то болит?

Но ответ получил вообще не на них...

Глава 27

– У меня не получается, – произнесла Элисса тихо.

– Что у тебя не получается?

– ...учить... Вас...

О, это факт. И дело не столько в ней, сколько во мне. Но представляю, как тяжело далось ей это признание, с учётом того, что она считала, что это её плата за мою заботу. Зато для меня это шанс закончить наконец это мучение и попробовать другой вариант взаимодействия с ней.

– Знаешь, наверное, рисование – не моё, – сознался в очевидном. – Давай вместо него будем проводить тут вместе каждый вечер?

А что? Вполне равноценный обмен, мне полезно быть рядом с ней, хотя бы так. Иначе подохну раньше времени. Да и она может быстрее привыкнет и перестанет шарaxаться от меня, как от чумного. Хотя бы. Вот только Элисса побледнела, а её руки, сжимающие карандаш и листок затряслись. И тут я сообразил, что именно сказал ей... Точнее, *что* она могла услышать. Как же сложно!

– Я имел ввиду, просто находиться тут вместе. Можем смотреть фильм. Или ты можешь рисовать, если хочешь. И всё. Только это. Ты – моя пара, а для таких, как я, важно проводить время с парой рядом хотя бы. Ты вряд ли поймёшь всё, но просто знай, что очень мне этим поможешь.

Элисса отводила глаза, глядя куда угодно, но не на меня. И, кажется, не очень верила, что нужно будет просто сидеть рядом. Ну пусть сама и убедится.

– Так ты согласна?

Она кивнула, и я со спокойной душой отложил листок, довольный, что смог организовать нам совместный досуг без издевательств над собой. Втянул носом её запах. Он почти очистился от лекарств и больницы, но помимо какого-то нежного, еле уловимого её собственного аромата и, к моему великому сожалению, псины, вокруг витал чёткий запах страха и боли. Я не знал, что именно у неё болит, на мои вопросы она только качала головой, и не мог прикинуть даже, как это выяснить. Привести к ней снова врача? Так она даже мне не сознаётся, вряд ли разговорится перед ним. Заставить её сказать и объяснить, что я всё равно чувствую... Не знаю, как она отреагирует...

К моему удовлетворению, на следующий день показалось, что ей менее больно. И по камерам я видел, что она иногда морщится, когда садится или резко встаёт, из чего сделал вывод, что дело в том, что с ней произошло недавно, из-за чего мы оказались в больнице. Врач убедила меня, что такое возможно и дала обезболивающее, которое я велел выдавать Элиссе раз в день вместе с завтраком. Но уточнив, что это необязательно, пара каждый раз возвращала таблетку вместе с посудой. И я прекрасно видел, что не принимала и успокоительные, которые ей назначили. Наверное, боялась, что я

снова хочу чем-то её накачать. Но по крайней мере она теперь иногда говорила с собакой-Эмином и отвечала на мои вопросы. Что уже казалось мне хорошим знаком.

Теперь по вечерам в одно и то же время Элисса спускалась на первый этаж и садилась на край дивана, сложив руки на коленях. Я видел, что она не смотрит фильм, а просто ждёт, когда он закончится, чтобы потом уйти, будто отбывает какое-то наказание или обязанность. Но отпускать её всё равно не хотел. Там она всё равно будет или сидеть одна, уставившись в пол, или рисовать. Ну как одна.

С шерстяным питомцем. И каждый день я мчал домой, чтобы успеть вовремя и провести время с ней. Несколько раз нам даже удалось вместе поужинать, она принимала из моих рук тарелку и приборы, но по-прежнему старалась не смотреть в глаза.

Когда же меня не было дома, то не мог обойтись и получаса, чтобы не наблюдать за ней, как какой-то долбаный извращенец просто. Если долго не видел и не знал, что она там делает, то начиналась ломка. Хотя Элисса редко чем-то занималась, если только рисовала или сидела, обняв щенка и глядя прямо перед собой. В такие моменты мне хотелось вырвать её из этого состояния, потрясти, прижать ближе... Но, разумеется, я ничего не делал.

А спустя пару недель, в течение которых между нами так ничего и не изменилось, я наконец дошёл до того, чтобы изучить её документы. По полученным из дополнительных ис-

точников данным выходило, что она всю свою жизнь провела в интернате, о родственниках ничего не известно, её никогда никто не навещал, она с кем близко не дружила. Недавно директора интерната привлекли к ответственности за жестокое обращение с воспитанниками. Значит, вряд ли там она жила размеренной спокойной жизнью. Даже в этом ей не повезло...

После моя девочка поступила в художественный колледж и жила там в общежитии, пока её не отчислили и не выгнали на улицу. И больше никаких документов, никаких соц. сетей, банковских карт, хоть чего-то, что оставило бы след молодой девушки. Всё это произошло немногим больше полугода назад... Возможно в то же время она попала в лабораторию... И тогда выходило, что Элисса действительно одна во всём мире.

Однако, ирбис, который теперь занимался лабораторией, точнее тем, что от неё осталось, уверенно сообщил мне, что она пробыла там от силы месяц, поступила уже беременной и никаких экспериментов над ней не ставили. Я несколько раз перечитал все бумаги сам и не мог поверить глазам. Проверил другие. Некоторые подопытные провели там более года, кто-то умирал почти сразу, но почти по всем были данные с какими-то формулами, пометками, лишь её папка оказалась почти пустой.

На миг в голову прокралось сомнение: вдруг это всё лишь обман? Могла Элисса солгать мне, а всё, что я вижу каждый

день, – спектакль? Было бы проще поверить в это, убедить себя, что с ней не происходило ничего ужасного, что те кошмары, которые я придумал, – обман. Да, так было бы проще. Но в тот же момент лавина злости ударила в виски. Ну конечно, моя пара – всего лишь лгунья и актриса, зато отец – просто святой, который мучал всех, кроме неё. Надо быть полным дебилом, чтобы поверить в это.

Скорее всего, раз он догадался, кто она мне, то просто изъясил её данные на всякий случай. Он был прекрасным стратегом и просчитывал всё намного шагов вперёд. Наверное, догадывался, что в одном из всех возможных вариантов развития событий я могу поступить так, как поступил, и решил спутать мне карты, заставить поверить в то, что единственная, кого я ждал столько лет, – всего лишь обманщица. Только этот план не сработал. Элисса не могла врать. Не потому, что она такая вся честная, а потому что боится до смерти. И её реакция – лучшее доказательство её правдивости.

Но если прежний глава прайда продумал всё настолько, то где гарантия, что с остальными подопытными он не поступил так же? У нас погибли уже несколько человек и оборотней. И если в их папках тоже ложь, то мы не помогаем им, а вредим! Как же мне повезло, что не решил лечить Элиссу лекарствами, ведь вообще не известно, что им всем вводили. Мы до сих пор не знали, что за «синяя жидкость», вспоминающая которую все пленники впадают в истерику. Это был какой-то замкнутый круг. Мы не могли разобраться ни в чём.

С каждым днём становилось всё хуже. Хотя тогда ещё казалось, что хуже уже некуда...

Единственным шансом изменить хоть что-то стали последние переговоры о перемирии с людьми, мы так рассчитывали, что получив их данные, сможем помочь своим, что забыли о том, с кем имеем дело. И в этом я потом тоже видел свою вину. Ведь не уберёг того, кому был обязан многим, если не всем...

Когда мне позвонил альфа, я не сразу понял, что именно он говорит. Его язык заплетался, он то и дело срывался на отчаянный крик, умоляя меня сделать хоть что-то. Никогда старый волк не говорил со мной так, не просил ни о чём и тут... Мне пришлось раз за разом переспрашивать, что произошло, чтобы понять, что он говорит. Но когда я понял...

Эмин* поехал с парой волков в лабораторию людей, договорившись о том, что заберёт несколько образцов противоядия, которое возможно поможет пленникам. У людей исследования проводились давно, и они намного были впереди нас, поэтому никто не усомнился в том, что они говорят правду, ведь переговоры шли несколько лет и уже появлялись подвижки. Вот только второй день с того момента, никто из ребят больше не выходил на связь. Альфа поехал к одному из тех, кто управлял человеческой лабораторией, но его избили и выбросили на дороге. Только он успел заметить среди гостей на празднике дочери того человека представителей стаи чёрных... Выходит, те тоже вели перегово-

ры с людьми и, наверное, готовили ловушку для нас всех. Но вопреки обещаниям Эмина так и не вернули.

Мы бросили на поиски все силы, поймали несколько волков, которые могли что-то знать, даже пытали их, но ничего не выяснили. Выходило, что добрый волчонок попал в капкан, из которого даже объединившись барсы и волки не могли его вызволить. А адрес лаборатории, куда уехал он, оказался ложным. Зброшенным зданием, в котором никогда прежде не было людей.

Отчаявшись, я поехал туда, откуда мы забрали наших подопытных. Словно шестое чувство вело, хотя и не мог его объяснить.

Вошёл в пустое помещение и сразу обернулся на шум. В одной клетке бились о прутья трое волков в полутрансформации. Они были озлоблены, но уже обессилены. Когда в одном из этих существ я узнал Эмина, едва не рухнул там, где стоял.

Волчонок спас пленников, помог обрести мне Элису, беспокоился о ней, а теперь сам стал подопытным. Разговоры были бесполезны, они не понимали меня, не откликались на имена, да и вообще выглядели так, будто не понимали обычную речь. Люди видимо в насмешку привезли их туда, откуда мы прежде освободили других. Была ли это акция устрашения или насмешка, не так важно. В тот день мой прайд и стая серых потеряли того, кто был для нас близким. Мы отчётливо поняли, что люди не пойдут на уступки, а со ста-

ей черных невозможно договориться. И это означало наше поражение в этой битве.

Сам не ожидал, что так сильно привяжусь к волчонку. Что так больно будет видеть его в таком состоянии, что так непросто будет звонить его отцу и потом вести его к клетке сыном. Видя слёзы альфы, стоящего на коленях, перед прутьями решётки, я как никто понимал его чувства. Примерно то же я ощущал, когда именно тут не увидел ЭлиССу и решил, что потерял её.

Мы были разбиты, раздавлены, злы на себя и друг на друга. Усыпив всех троих, вместе связали их и перенесли в машины. А когда последний автомобиль скрылся за поворотом я обернулся на здание лаборатории и потерял голову окончательно.

Мне казалось, что это место виновато во всём. Оно принесло столько боли, что моя душа разрывалась. Мне хотелось уничтожить его, собственными руками разрушить каждый кирпич, стереть в пыль. И я крушил, бил, ломал... Всё ещё чувствовал здесь запах страха других, крови ЭлиССы, звериной ярости Эмина... И когда выбился из сил, то поджёг то, что осталось. И всё ещё хотел броситься в огонь и продолжить ломать, потому что не мог успокоиться, не мог прийти в себя.

Только взглянув на часы, понял, что опаздываю к нужному времени и меня ждёт пара. В той же грязной, пропахшей гарью одежде кинулся домой и нашёл её смиренно сидящей на

самом краю дивана. Меня ещё трясло от ненависти, от зло-сти, от безысходности, а она... Маленькая, напуганная мо-им внешним видом, но... моя... Единственное, что осталось хорошее в моей жизни. Такая же сломанная, как та клетка, в которой она провела столько времени и которую я сегодня вырвал из пола, согнув прутья, такая же испачканная чужой злобой, как стены лаборатории, которые горели в огне моей ненависти... Но всё ещё чистая, мягкая, беззащитная внут-ри...

Подошёл молча и сел совсем рядом. Девочка не шелохну-лась, хоть и сжалась вся, продолжая смотреть то на мои руки, то на пол и стены позади меня. Я обхватил пальцами её под-бородок и чуть надавил, чтобы её губы приоткрылись. Элис-са задержала дыхание, но снова не сдвинулась с места, теперь глядя куда-то мне в плечо. Приблизился. Она по-прежнему не реагировала и ничего не говорила. Тогда коснулся её губ, и почувствовал судорожный выдох. А затем показалось, что она попыталась неумело ответить, обхватив мою нижнюю гу-бу, своими, подчиняясь мне, но продолжая смотреть теперь в сторону. Даже глаза не закрыла.

И я осторожно целовал её, продолжая держать за подборо-док, а второй рукой опираясь на спинку мебели позади неё. Наслаждался вкусом её губ, заставляя себя быть здесь и сей-час, не думать о том, что выворачивает меня изнутри, забыть обо всём, что причиняет боль. Она не противилась, не отгал-кивала, лишь её пальцы вцепились в домашнее платье. За-

кончив этот странный, но такой желанный и нужный мне поцелуй, отпустил её. Элисса даже не подняла глаз, продолжая смотреть теперь в пол и мелко дрожать. Тогда я вытянулся на диване, обнял её колени и уложил на них голову, закрывая глаза. Больше не мог видеть её выражение лица, но чувствовал, как сначала она резко подняла свои руки, чтобы не коснуться меня, а потом, как всегда, обняла себя за плечи.

Её дыхание сбивалось, но по крайней мере не начала задыхаться, как раньше, что давало надежду на то, что я не слишком испугал её сейчас. Сил думать, как нужно поступать правильно, просто не было. Мне нужна была передышка. Хотя бы небольшая... А дальше у меня просто как груз с плеч свалился. Все проблемы отошли на второй план. Меня укачивал её запах, каждый новый её вдох и тихий выдох, её реакция, хотя ещё боялся очередного приступа.

Потом я просто уснул. И впервые спал так крепко, не думая, к чему приведёт мой поступок, что я стану делать дальше, как смогу разобраться со всеми навалившимися проблемами. Она рядом со мной, вот здесь, под моими руками.

И это было главным сейчас.

**Эмин – главный герой романа «Упрямая», в котором события происходят через пять-шесть лет после описанных в этой книге.*

Глава 28

Проснулся от голодных трелей её живота, когда за окном всюду светило солнце. Ощущал себя так, словно за последние несколько лет отдохнул впервые. Бодро поднялся, размял шею. Никогда не чувствовал себя так хорошо и спокойно, полным сил и энергии. Неужели так действует сила нашей связи?

Но посмотрев на свою девочку, понял, что вот она как раз даже глаз не сомкнула, так и сидела всю ночь в одном положении, с прямой спиной. Даже не прислонилась к спинке дивана. И продолжала смотреть в пол. Она не выглядела сейчас очень напуганной, скорее расстроенной, растерянной и... уставшей. Наверное, пока я наслаждался её близостью и отдыхал, она ждала, что я проснусь и продолжу то, что начал. Боялась. Мне захотелось немедленно показать ей, что всё не так, что я не озабоченный псих, который теперь станет приставать к ней каждый вечер, поэтому прочистил горло и вместо доброго утра негромко извинился:

– Прости, Элисса, мне не стоило этого делать. Я не должен был тебя целовать...

Ожидая, она не ответила. Хотя вообще-то уже начинал привыкать, что периодами говорю в пустоту.

– Ты голодная? Я хотел бы позавтракать вместе с тобой, если ты не против.

Девочка встала, не глядя на меня.

– Можно я пойду к себе?

– Конечно! Но я думал, что мы могли бы...

– Спасибо, – бросила она и быстрым шагом поднялась по лестнице наверх.

Я остался один, разом вспоминая, почему она так себя ведёт, почему я вчера повёл себя именно так... Снова стало паршиво. Мне действительно не стоило её целовать. Кажется, я всё испортил. Хотя вряд ли в нашей ситуации можно сделать ещё хуже. Но я постарался. Ещё как.

Только среди океана вернувшихся жутких мыслей и почти уже отчаяния, я всё ещё вспоминал вкус её покрытых шрамами губ... И пока это был мой единственный якорь, дающий надежду, что смогу справиться со всеми трудностями. Как минимум из-за неё я не должен раскисать.

Прежде вообще редко целовал кого-то. Не знаю, как-то не испытывал от этого особенно положительных эмоций. Но почему-то именно это вчера показалось мне подходящим способом прийти в себя. И он сработал. Не скажу, что я теперь фанат поцелуев, но если с Элиссой... Хотя о чём это я? Потряс головой. Вчера просто не соображал ничего, поэтому так поступил. И больше такого не сделаю. Точка.

Принял контрастный душ, окончательно просыпаясь. Сегодня решил остаться дома, чтобы всё хорошо обдумать. Мне нужен был план. Хоть какой-то. Потому что пока казалось, что вообще всё рухнуло.

Выбирая одежду, наткнулся взглядом на розовую пижаму с единорогами... Захотелось спуститься вниз, найти водителя, который это купил, и запахать её ему в... Ну в общем, в одно из отверстий. А потом снова вспомнил, что вытворил вчера с Элиссой... И рука сама потянулась к розовому кошмару. Как я матерился, когда надевал его. К зеркалу даже подходить не стал, чтобы не видеть там своё отражение *в этом*. Думал, что нужно бы принести Элиссе завтрак.

Так торопился, что даже не посмотрел на камеры. Поэтому когда нашёл её на кухне, был удивлён.

– Ты тут? – задал самый тупой вопрос, из-за которого она сначала застыла, а потом оглядев меня с ног до головы, избегая прямого взгляда, сказала то, на что я даже не рассчитывал:

– Вам идёт.

Мне ни хрена не шло, я точно знал. Но не стал её разочаровывать.

– Спасибо, Элисса.

– Вам спасибо, – тихо прошептала она и снова отвернулась к плите.

Я прекрасно понимал, что сейчас происходит. Во-первых, она совершенно точно благодарила меня за то, что вчера я ей больше ничего не сделал. Как тогда, в лаборатории. Во-вторых, видимо услышав моё желание завтракать вместе с ней, решила, что не имеет права отказывать. А в-третьих, она боится, когда видит во мне мужчину, а я иду на поводу, мас-

кируясь по кого угодно, у кого нет члена и яиц под одеждой. Но если это работает, и ей так проще находиться рядом, то я буду носить круглосуточно эту тупую одежду. Вот только...

– А почему ты убежала сразу?

Элисса стиснула в руках тарелку.

– Простите, мне нужно было... – и совсем тихо, едва слышно, – в туалет...

Вот я дебил. Ну на хрена мне была эта информация?

– Тебе не нужно извиняться, а вот мне стоило бы. Вчера я был не в себе.

– Вам было больно...

Меня удивило, что это не было вопросом. Но по крайней мере объясняло в некоторой степени её реакцию. Наверное, ей было жаль меня. Только вот...

– Как ты поняла?

Она замешкалась, судя по всему, размышляя, стоит ли со-знаваться, но всё же сказала:

– Не знаю, я так чувствовала.

Так значит и без метки наша связь всё же работает! И мне стало легче после ночи рядом с ней, и она чувствует меня. Вот только я почти не вижу от ней ничего кроме страха. То ли это просто самая сильная её эмоция, перебивающая остальные, то ли она оказалась более впечатлительной, сумев разглядеть во мне больше. Да и в конце концов, по вчерашнему виду после сожжения лаборатории было несложно понять, что происходит в моей душе.

– Я буду держать себя в руках. Обещаю тебе. Не стоит думать, что теперь стану так поступать постоянно. Мой друг попал в беду, и я не сдержался... И благодарен тебе, что помогла прийти в себя. Хотя мне теперь и очень неловко.

– Ваш друг... Тот, который... Приезжал сюда?

На самом деле я не был уверен, что стоит говорить ей правду. Но наконец встретившись со мной взглядом, она поняла всё сама. И в распахнутых больших глазах, обычно наполненных только страхом, я увидел сейчас ещё и сожаление. Она жалела Эмина... И пусть это было ожидаемо, пусть она жалела и меня, а я сам вчера едва не свихнулся, видя его в таком состоянии, но всё равно то, как она сочувствовала ему, было не очень приятным.

Это странно ощущать ревность к девочке, которая была мне почти чужой. Да и вообще ревность. Прежде этого я не чувствовал. И сейчас мне тоже не понравилось.

Ещё казалось непривычным, что она говорила. Обычно чаще молчала только. Может дело было в моём внешнем виде? После того, как она убежала сегодня, думал, что теперь вообще меня даже на порог своей комнаты не пустит, не то что не спустится сама готовить мне завтрак.

– Он жив?

– Да.

– А... ему можно... помочь?

– Я постараюсь.

Она кивнула и не стала больше задавать вопросов. Поло-

жила на тарелку оладушки и поставила передо мной. Это был первый раз, когда Элисса готовила для меня. Сама. Даже без просьбы. Точнее, уже позже я понял, что выразил своё желание завтракать с ней, и она, наверное, как всегда, решила, что нужно для меня что-то сделать. Или хотела отблагодарить, что не стал пугать её больше. Или... Вообще с Элиссой всегда был миллион вариантов. И не уверен, что среди этого миллиона в моей голове был хоть один верный. Но факт оставался фактом, я никогда в жизни не ел ничего вкуснее. Честно.

Или может дело было в том, что она сделала хоть шаг мне навстречу?

– Спасибо тебе, очень вкусно.

– Меня учила готовить нянечка... в интернате...

– Ты молодец, но когда я приглашал тебя завтракать не имел ввиду, что нужно обязательно готовить. Ты можешь это делать, если хочешь сама. Но это не твоя обязанность. Договорились?

Ладно, хоть на этот раз кивнула.

Я не верил, что получил такой джек-пот. Она не просто сидит рядом, но и говорит со мной. Хотя исподтишка наблюдая за ней, понял, что она не стала бояться меньше. Даже наоборот, будто старается угодить, чтобы... Не знаю. Чтобы не рассердился? Или ей жаль и меня... Увидела мою слабость, и хочет хотя бы как-то помочь. Моя маленькая пара жалеет меня. Главу прайда, который старше неё почти в два раза.

И вроде бы должен радоваться, что не совсем уж безразличен ей, но ведь это моя обязанность заботиться о ней, а не наоборот.

Но радовался этому и одновременно переживал я до момента, пока не оказался в кабинете и не открыл монитор ноутбука. Свернувшись калачиком на кровати и прижав к себе щенка Элисса, судя по вздрагивающей спине, опять горько плакала. И на уровне интуиции понял, что не по мне. Ещё когда она спрашивала про Эмина, в её глазах почти стояли слёзы... Моя девочка оплакивала его. Своего спасителя. Единственного, кого она боялась меньше остальных и даже, наверное, а после вчерашнего, точно, меньше меня.

Я смотрел на неё, на недособаку, которая жалась к ней и поскуливала, и как никогда жалел, что дал щенку именно такую кличку. Теперь она каждый раз будет рвать мне сердце. Напоминая о ещё одном просчёте, который отнял у нас весёлого и доброго волчонка. Потому что я не верил, что мы его вытащим без помощи людей. А помогать они точно не будут.

Глава 29

Но раскисать сейчас было категорически нельзя, поэтому вызвал Эрлана, а пока он едет, принялся за работу, периодически поглядывая в монитор с изображением с камер. Эту зависимость из меня уже, похоже, не вытравить. А желание идти и успокаивать её умирал лишь тем, что всё равно не смогу этого сделать. Может она и перестала бы плакать в моём присутствии, но вряд ли бы из-за него поменяла свои чувства и на самом деле успокоилась.

Вообще ощущать себя вот таким бессильным и беспомощным мне было в новинку, но за последнее время с тех пор, как встретил Элису, начинал потихоньку смиряться с судьбой. Оказалось, в этом мире миллион вопросов, которые не решить ни блестящей идеей, ни грубой силой, ни хитростью. А вот за совершённые ошибки взыскивается с процентами. И, кажется, настала моя очередь отдавать их.

Во время нападения на лабораторию, я сам уничтожил большую часть работников, и теперь пожинал плоды того, что никто не мог разобраться в том, что именно там происходило. Наши врачи никак не могли понять, как помочь пленникам, поэтому мы просто держали их взаперти, пытаюсь очистить кровь капельницами и накачивая успокоительными. Это просто чудо, что хотя бы одна из них оказалась моей парой, и кровь главы прайда, связанным с ней истинной

связью, смогла спасти хотя бы её. Только гарантий, что какие-то последствия, кроме психологических, могут всплыть в будущем, не было.

Вновь кинул взгляд на монитор.

Элисса продолжала лежать на постели, но уже не плакала. Её съёжившаяся крохотная фигурка цепляла меня за что-то внутри. Привыкнуть, что эта крошка – моя пара, всё ещё не мог. И не знал, когда смогу. Хотя и тянуло к ней постоянно.

Так хотелось ворваться в её комнату, подхватить на руки, уткнуться в её макушку носом, гладить, целовать её лицо... От воспоминания вкуса её израненных губ, внутри поднялось чисто мужское такое желание. А вот этого совсем не надо.

Резко поднялся из-за стола. Ещё не хватало. Нельзя. Мне просто нельзя испытывать к ней такое. Не обсуждается.

Походил из угла в угол. Но никак не получалось отвлечься. В голове то и дело вспыхивали выдуманные картинки, как она ведёт своими ладошками по моей груди ниже... Блядь! Блядь! Блядь! Это же Элисса! Маленькая, напуганная человеческая девочка! Да она почти ребёнок ещё. Хоть и пережила больше, чем многие старики за всю жизнь. Но всё равно неправильная наша связь. Совершенно неправильная. Я рад, что она есть, что помогла спасти ей жизнь, и может поможет ещё вытянуть её из этого болота ужасных воспоминаний и мыслей, в котором она оказалась. Но даже если опустить...

На первом этаже раздался звон, а сразу следом громкий рычащий крик племянника:

– Эрнард!

Краем глаза выхватил изображение комнаты, где недавно лежала моя пара, и понял, что та на пуста. Так быстро я ещё не бегал. С лестницы не спустился – слетел. И застал картину маслом.

У входа на кухню стоит Эрдан, высоко подняв руки вверх, и неотрывно глядя на то, как Элисса, схватив огромный тесак для мяса и выставив его вперёд, прижимается к гарнитуру. На её лице не просто паника – там ужас, густо перемешанный с истерикой и отчаянием.

– ТЫ ЧТО ЕЙ СДЕЛАЛ?! – схватил племянника за грудки, желая растерзать его прямо тут, не дожидаясь объяснений.

Сотни вариантов пролетели перед глазами, вплоть до того, что он с порога накинулся избивать и насиловать её, пока по его, как бы это повежливее, удивленному выражению лица, не сообразил, какую чушь думаю. Она же боится даже звуков громких. А тут огромный чужой мужик...

И только в тот момент осознал, как на самом деле далеко продвинулся в общении с ней. Мне всё казалось, что топчусь на одном месте. Что Элисса не реагирует на мои попытки идти навстречу друг другу. Что её ко мне отношение не меняется ни на грамм. И вот. Живое доказательство того, что мне ещё охренеть как повезло.

Она сидит рядом со мной, не впадая в беспамятство, если подхожу ближе. Почти не дёргается, если оказываюсь в одном помещении с ней, только сжимается. Она всю ночь держала на своих коленях мою голову после поцелуя, случившегося явно без её согласия и против воли, и не задохнулась от ужаса.

А вот сейчас можно увидеть иллюстрацию, как она относится к тому, кого на самом деле считает чужим.

– Я её не трогал! – хрипло вдохнул племянник, когда наконец я отпустил его из захвата. – Познакомиться хотел.

– Познакомился? – рыкнул я, медленно оборачиваясь к напуганной девочке, но отдавая ему приказ: – Скройся!

Плавно начал двигаться к ней, вытянув руки вперёд руки.

– Всё хорошо, Элисса. Тише. Всё хорошо. Это мой племянник, он приехал по делам. Я позвал его. Он не сделает тебе ничего плохого, понимаешь?

Я крался к ней, как хищник на охоте, готовый броситься вперёд и вырвать острый предмет в последнюю секунду. И снова мысленно корил себя, что расслабился, не подумал, что она может взять что-то отсюда и навредить себе. Не знаю, почему, но больше всего я боялся, что она сделает что-то с собой. Вот только крохотная пара продолжала держать нож в дрожащих руках, теперь направляя его на меня.

– Элисса, не бойся. Видишь, он ушёл. Тут никого нет кроме нас. Всё хорошо. Слышишь меня?

Она приоткрыла губы, словно хотела что-то сказать, но

так тряслась, что зубы снова стучали, а дыхание опять сбивалось.

– Ты только дыши, ладно? Давай вместе: вдооох, выыыы-вдоох. Давай же, Элисса, дыши со мной. Вдох, выыыыдох. Ну...

Я осторожно обхватил руками её ледяные ладошки и продолжил смотреть в глаза, в которых продолжала плескаться истерика. Но хотя бы она вообще смотрела мне в глаза.

– Разожми руки, ну же... Элисса?

– ..не... не...

Её губы дрожали, не позволяя договорить, но каждый раз она говорила мне одно и то же, поэтому не составило труда догадаться. Вряд ли в этот раз в её голове появился какой-то новый вариант.

– Я никому тебя не отдам. И не позволю обидеть. Слышишь? Никому. Эрдан – мой племянник, он приехал по делу. И всего-то. Если он испугал или обидел тебя чем-то, то не специально, но извинится. Обещаю. Разожми руки.

Но она дрожала и всхлипывала, продолжая стискивать ручку.

– Элисса! Разожми руки!

Я не понимал, почему она продолжает его держать, если мы остались вдвоём, а меня она вроде как не настолько боится.

– ...не... могу...

Пара дышала так, как я ей сказал, но во взгляде мелькну-

ла беспомощность. Она не может разжать руки? И действительно, как я только сразу не понял, что её пальцы напряжены до предела, а лицо кривится от боли. Наверное, что-то вроде судорог или спазма.

– Тише, не бойся только, я сейчас помогу...

Разжимать её пальцы было... больно. Кажется, я понял, как вчера она почувствовала мою боль. Вот так же, как я сейчас, когда пытаюсь осторожно разжать пальчик за пальчиком, такие крошечные, что кажется, сломать могу неосторожным движением. Да наверное и не кажется вовсе. Ситуация осложнялась тем, в руках она держала острый предмет, и я боялся ещё и поранить её случайно, поэтому постоянно твердил, чтобы не двигалась и попыталась успокоиться. И то, как безропотно она старалась выполнить мои просьбы, опять цеплялось как рыболовным крючком за что-то внутри и тянуло наружу.

Когда таки удалось убрать нож из её ручек, услышал судорожный вздох.

– Тебе больно?

Она покачала головой.

– Испугалась?

Теперь кивнула.

– И всё ещё боишься?

Теперь ответом стало неуверенное движение плечами.

– Элисса, тебе не нужно бояться в этом доме. Кто бы сюда не пришёл, он не причинит тебе вреда.

Но я знал, что говорю это, как и всегда, в пустоту. Тяжело выдохнул. Как же трудно с ней... И тут неожиданно:

– Простите.

– За что? – кажется, входило в привычку уже не удивляться, а просто выяснять, в чём на этот раз она «виновата» передо мной.

– Я...не...хотела...

– Я знаю, Элисса. Ты не хотела. Это я не предупредил тебя, что придет Эрдан, и ему не сказал, чтобы не подходил к тебе близко. Поэтому мне стоит извиняться. Прости меня.

Она робко подняла глаза и тут же отвела их в сторону, а я не удержался. Удерживая её подбородок большим пальцем, погладил остальными линию скул. Она напряглась, но не отстранялась.

– Элисса... У тебя есть идеи, как помочь тебе? Могу я что-то сделать, чтобы тебе не было так страшно? Кроме того, чтобы ждать... Это очень сложно – просто ждать, – я впервые сказал ей то, что думал.

Но девочка молчала, стараясь незаметнее дышать. Не знаю, зачем.

– Хочешь, я познакомлю тебя с племянником, чтобы ты убедилась, что он не так ужасен, как показался на первый взгляд?

И снова молчание. Но и так знаю, что не хочет. Хочет пойти в свою комнату, взять на руки собаку и плакать. На глазах и так уже слёзы.

– Ты пришла, чтобы взять молоко для Эмина? Давай вместе его покормим? – а вот этим удивил не только её, но и себя.

Просто представил, как она пойдёт одна наверх, зная, что где-то здесь незнакомец, который её напугал.

– Ты ведь кормишь его молоком?

И получив утвердительный ответ, вынул пакет из холодильника.

– Ну идём?

– Его... нужно... погреть...

– А, ну конечно. Давай погреем, – протянул упаковку ей, потому что примерно не представлял, как она греет молоко для щенка. Не кипятить же его?

Но оказалось всё проще: наливает в емкость и держит немного на водяной бане. Вроде так это называется.

– А приготовишь мне как-нибудь ещё разок свои фирменные оладушки? – пока у нас было очень мало тем для разговоров, и я за последние несколько минут почти исчерпал все, но продолжал, желая говорить с ней хоть как-то, чтобы отвлечь.

– Как скажете.

Взяв емкость с молоком, Элисса нерешительно замерла посреди кухни. Видимо не знала, как сказать мне, что всё готово и можно идти. По идее можно было именно так и сказать, но, наверное, ей вообще непросто было общаться. Поэтому я просто сам пошёл на выход, а она поплелась следом.

Недособака встретила радостным вилянием хвоста её и чиханием меня. Наблюдал, как девочка переливает молоко и подталкивает к посудине Эмина. Тихонько так. Даже ласково.

– Он ест что-то ещё? Мясо там?

– Пока нет, маленький, – вжала она голову в плечи.

Ну а на что я рассчитывал? Снова вздохнул. Теперь мы оба молчали. Двое совершенно чужих друг другу.

– Он теперь сердится?

– Он? – её вопрос застал меня врасплох. – Ты про Эрда-на? – кивнула. – Нет. Уверен, что нет. Ты видела его? Разве может что-то напугать или рассердить эту глыбу? Даже не думай об этом.

Было странным стоять здесь, в этой кукольной комнате рядом с ней и наблюдать, как самозабвенно её питомец лакает принесённое нами молоко.

– Спасибо, – эта её благодарность тоже уже становилась привычной. Она всегда говорила это, когда считала, что я поступал лучше, чем она себе придумала.

– Я пойду, Эрдан меня ждёт.

Элисса кивнула. Вот и поговорили.

Глава 30

– Ты следишь за ней?

Племянник наглым образом взирал на экран ноутбука, где совсем недавно был и я сам, а сейчас осталась только Элисса, до сих пор растерянно стоящая посреди комнаты. Рывком я захлопнул крышку и повернулся к нему:

– Не твоё дело.

– А она это знает?

– Тебя. Не. Касается.

Но упрямство у нас, кажется, в генах.

– Думаю, ей бы не понравилась эта новость.

– Она не узнает.

– Ты так уверен?

– Только попробуй! – я начинал уже жалеть, что позвал его в свой дом.

– И не собирался. Просто сам подумай, если узнает? Она и так... странная малость.

А вот его желание смягчить нелестные слова в адрес Элиссы я оценил. «Малость» – это он прям постарался.

– В любом случае я звал тебя не чтобы просить совета.

– А зря, я бы посоветовал, – наконец Эрдан* стал серьёзным. – Ты вообще как-то пытаешься решить эту проблему или всерьёз надеешься, что всё само исправится?

– Слушай, с ней я разберусь сам.

– Она едва не накинулась на меня с ножом! И это при том, что я всего лишь пошутил, подойдя со спины.

– Ты напугал её.

– А если ты однажды напугаешь? Она и тебя прирежет?

– Не драматизируй! Чтобы причинить нам с тобой реальный вред, нужно постараться.

– Эрнард... Ей помощь нужна. Или метка.

– Так всё. Мы больше не обсуждаем эту тему.

– Редко кто из человеческих девушек сам кидается нам навстречу, ты же знаешь, но стоит поставить ме...

– Хватит!

Он хмыкнул.

– Я бы сказал, что тебе видней, но вижу, что ты не смотришь на ситуацию здраво. Ей помощь нужна, а не мужик, который боится до неё дотронуться.

Самое паршивое, что я понимал, что нужно заставить её поговорить обо всём, найти каких-то специалистов-мозгоправов, или на самом деле один раз принудить к близости, попытаться соблазнить, чтобы поставить метку и попытаться управлять её эмоциями... Но это казалось таким мерзким. Даже в страшном сне не мог представить, что могу поступить так с ней. Позволить кому-то чужому говорить с ней о том, что причиняет боль, или...взять силой...

Порывисто выдохнул, приходя в себя. Нет. Я не стану делать ни того, ни другого. Она уже привыкает ко мне. И уверен, что со временем сможет жить почти нормальной жиз-

нью.

Вчера я заметил, как она гладит лепестки очередного букета, который вместе с завтраком принесла ей от меня горничная. И вспомнил, как так же гладила своего щенка и покрывало на диване, да и видимо, так гладит всё, что ей нравится. Может когда-то так же понравлюсь и я... А если нет... Не знаю, что тогда. Будем жить под одной крышей. И всё.

Из раздумий вырвал голос Эрдана:

– А ещё будь добр, поясни, что за хрень на тебе?

Вопрос я понял не сразу. Но опустив голову вниз, сообразил, что до сих пор красуюсь в розовой пижаме. Да чтоб её! А я ещё списал на встречу с Элиссой удивленный взгляд племянника, подумав, что она его так ошарашила своей реакцией. Так вот на что на самом деле он смотрел. На меня. Неловко вышло.

– Ты ради неё так вырядился?

Прозвучало грубо. Но чего уж, раз иначе и не скажешь. Только я рта не успел открыть, как он ответил себе сам:

– Понял. Тоже не моё дело.

А я всё думал, что он подкидыш, но нет, не такой тупой, каким иногда кажется.

– В общем, раз уже ты успел увидеться с Элиссой, то должен был понять, что теперь следующим главой станешь ты.

– Ну если бы ты поставил ей... А. Молчу. Продолжай.

И взгляды-то он понимает прекрасно. Надо же.

– Поэтому теперь все обязанности делим напополам. В

этом доме для тебя выделено отдельное крыло. Когда приезжаешь, сюда без надобности не ходи, а лучше предупреди меня заранее. Я уже отдал такие же указания остальным. Элисса не выносит чужих.

– Да моя б воля, я вообще бы здесь не появлялся.

– Слушай. Я всё понимаю. Ты не горишь желанием. Но и я, поверь, представлял себе будущее совсем иначе. Поэтому работаем с тем, что есть.

– Например, с пепелищем лаборатории, – сарказм в голосе читался неприкрыто.

– Это тюрьма была. Для невиновных. А потом... После того, что сделали с младшим сыном альфы, боюсь, он надолго отойдет от дел и вряд ли продолжит работу с нами. Поэтому нам всё равно нужно другое место, другие специалисты.

– Не знаю, почему тебе так сдался клан серых волков, я вот терпеть не могу этих блохастых. Ну ок. Посмотрим. А на счет специалистов... Хотел познакомить тебя кое с кем.

– С кем же?

– В общем, долгая история, но есть одна девушка...

– У тебя их не одна.

– Не в том смысле. Она...эммм... одиночка.

– Что значит «одиночка»?

– Не входит ни в одну стаю и не хочет этого.

– И зачем тогда она нам?

– Она...занимается исследованиями.

– Откуда тебе знать?

Он положил передо мной небольшую папку.

– Это всё, что на неё есть. Но только посмотри, где она училась и сколько получила грантов. Среди людей, правда. Но она не человек.

– И кто же она?

– Не говорит.

– Отличная кандидатура, о которой ты не хрена не знаешь.

– Она с помощью нюха определяет любые медикаменты, яды, препараты и прочее.

– Даже знать не хочу, как ты это выяснил и где её нашёл.

– Увёл у чёрных.

– ЧТО?

Я встал, отбросив стул.

– Ты связался с чёрными волками и увёл у кого-то из них женщину?

– Да не женщину! Хотя может я был бы и не против...

– Неужели нашлась хоть одна, которая тебе не дала, – не удержался от подкола.

– А я ещё и не просил.

– Если после разговора с ней, я решу её оставить у нас, то и не попросишь.

– Не очень-то и хотелось.

Такое ощущение, что мы не работу обсуждаем, а собрались после совместного распития, так сказать.

– Ну-ну. А ей то это всё зачем?

– Взамен на защиту.

– Отлично. Я обратился к тебе, чтобы решить проблему, а ты нашёл мне новую.

– Она может что-то подсказать по поводу Элиссы.

– Не зови её по имени!

– А как мне её тогда звать? – глаза племянника округлились, а я сам не знал, чего вдруг закипел. И что теперь ответить? – Ладно, я тебя понял. Мне вообще о ней лучше не говорить. А по поводу Эррин решение нужно принимать быстро. Иначе ей нужно бежать.

Мне опять хотелось завывать. Но если всё, что он сказал правда, то эта девушка нам действительно нужна. Очень. Потому что за вчерашний день погибли ещё двое прежних пленников.

– Поехали.

– Куда?

– В загородный дом. И пусть она приезжает туда же. Проверим её способности в деле.

– Я думал, вы сначала поговорите.

– Не пойми кого домой я не привожу.

– Угу. Переодеться не забудь. А то хрен она поверит, что ты глава прайда.

И в самом деле. Переодеться надо бы. Украдкой глянув на видео с камер, я убедился, что Элисса у себя в комнате, и даже не плачет. Рисует. Вот и пусть пока рисует.

А тем временем мы с Эрданом добрались до места, где

томились бывшие пленники. И ведь не отпустишь их. Куда вот? На улицу в таком состоянии? Каждый раз, когда вижу их и вот эти палаты, озноб по спине. Не могу поверить, что Элисса провела в такой атмосфере довольно долго. И выжила. Ведь выжила.

Протеже Эрдана приехала вовремя. И я сразу сообразил, что она оборотница. Вот только понять, какого вида, и правда не выходило. Интересный случай.

Девушка подошла ближе и крепко пожала мне руку, демонстрируя, что разговаривать предпочитает на равных. Что ж. Меня такой порядок ведения дел устраивает тем более. Хотя, чтобы не заметить, что она красива, надо было быть слепым.

Без лишних слов перейдя к делу, она вошла в одну из палат к ирбису в полутрансформации и почти сразу побледнела.

– С этим я не сталкивалась.

Так и думал, что очередная пустышка. Уже хотел развернуть и отправить её восвояси, но она попросила показать не такой сложный случай и желательно среди людей. Второй шанс я всё же предоставил, хотя уже и не верил в успех мероприятия. Мужчина – чистокровный человек был в состоянии, приближенном к коме. Просто овощ. Не вставал, не ел сам, наши говорили, что его дни сочтены, но...

– А вот ему можно помочь.

Она назвала какие-то препараты нашим мед работникам

и те согласно закивали, кинувшись исполнять её идею. Я понимал, что рискую жизнью этого человека. Но с другой стороны, он и так не жилец, а если она окажется права, то получится мы сможем помочь хотя бы людям. И чудо свершилось! Бывший подопытный спустя полчаса открыл глаза и привстал, попросив воды!

Эррин объясняла свою уникальную способность определять воздействие на других мутацией или чем-то вроде того, но судя по тому, что за один вечер смогла одна разобраться и поставить на ноги почти всех людей, кажется, я был готов пойти на её скромные условия – деньги, жильё, защита от обеих стай волков. Даже не стал уточнять, чем она насолила обоим. Только приставил к ней пока парочку своих для наблюдения, но позволил остаться в загородном доме, пока не выберем место для отдельного центра. Мелькнула мысль показать ей Элиссу, но рисковать парой не был готов, поэтому дождусь пока появятся ещё какие-то результаты её работы, и только после того, как смогу убедиться лично в её честности и профессионализме как врача, подпущу к той, что берегу как зеницу ока.

То, что уже глубокая ночь, я понял только когда мы обговорили все вопросы. Был так увлечён новыми перспективами и тем, что всего за один день ситуация изменилась наконец в лучшую сторону, что даже не подумал предупредить Элиссу через горничную, что буду поздно, но рассудил, что даже если подождёт, то поймёт, что я опаздываю и вернётся

к себе. Только я ошибся.

Войдя в темное помещение гостиной, звериным зрением увидел её напряжённую спину на краю дивана. На шум она обернулась и задышала чаще, ведь видеть меня не могла, поэтому я сразу включил ночной светильник. Элисса прищурилась и поднялась со своего места.

– Я думал, ты уже спишь.

– Я ждала... Вас...

Сердце стукнуло и затихло на пару секунд. Она ждала меня. Она. Ждала. Меня. Это было так приятно. Меня никто никогда не ждал. И всё же.

– Уже поздно, тебе не обязательно было ждать. Я не догадался предупредить, что задержусь.

– Просто... Вы сказали, что нужно каждый вечер...

А я так ей сказал тогда? Попросил взамен на рисование проводить с ней каждый вечер? Лопух. Так она ждала не потому, что волновалась, а потому что считала, что должна...

– Может я неверно выразился. Если задерживаюсь, то не стоит меня ждать.

Она обняла себя руками и чуть склонила голову. Всегда так делала, когда думала, что злюсь. Или когда боялась. Или чувствовала себя неуверенно.

– ...но я рад, что ты здесь.

Робкий взгляд встретился с моим. Это длилось лишь мгновение, а потом она снова начала смотреть в пол. Обычно в глазах читаются чувства. У ЭлиССы кроме страха и ино-

гда боли я ничего не видел прежде. Не увидел и теперь. Она ощущала себя неудобно и очевидно хотела скорее уже сбегать к себе, раз не нужна мне сейчас.

– Ты ужинала?

Кивок.

– А хочешь составить мне компанию? – предложение было неожиданным. Но раз уж она не спит...

Девочка пожала плечами, но сама направилась в сторону кухни, только я остановил её.

– Я сам разогрею, просто посиди со мной, ладно?

Молча она уселась на дальний от моего места стул, гипнотизируя взглядом столешницу.

– Что-то случилось?

Сначала я подумал, что мне послышалось, но судя по её вопросительному выражению лица, вопрос всё же был задан. Она так решила, потому что вернулся поздно? Может всё же хоть что-то чувствует ко мне кроме опасения?

– Да, но кое-что хорошее.

– Вы помогли... ему?

Только кажется не ко мне...

– Пока нет, но теперь есть надежда, что смогу.

Элисса вздохнула. И дальше продолжала сидеть молча, пока я ел. Не очень было уютно молчать с ней, но и о чём говорить, я не знал. Только когда закончил трапезу предложил идти спать, и она пошла на выход, сжимая кулачки. Словно знала, о чём я подумал... Неужели правда может чувство-

вать?

Но всё же позвал её на лестнице, заставив сначала остановиться, опустив голову, а потом медленно обернуться, и сам сделал широкий шаг вперёд.

**Эрдан – главный герой романа «Отвернись», серия «В плену у зверя».*

Глава 31

– Посмотри мне в глаза, пожалуйста.

Запрокинув голову, хоть и стояла на ступеньку выше, она встретила напуганным взглядом бездонных грустных глаз с моим. Не удержался и протянул руку, костяшками пальцев отводя в сторону непослушную светлую кудряшку, упавшую на бледную щёчку. Хотелось бы постоять так, но пришлось отодвинуться, чтобы она начала снова дышать. Девочка не шевельнулась, хотя и чуть приподняла плечи. А я ощутил мурашки, расходящиеся от ладони дальше по моему телу.

То, что я видел, и то, что чувствовал к ней – было двумя разными вещами. Зато у неё всё на лице написано, даже не пытается скрыть. Вокруг полутьма, мы на середине лестницы, я попросил остановиться, и она теперь в ужасе пытается понять зачем.

– Не бойся, – голос прозвучал хрипло и полушепотом, хотя и не собирался так говорить.

Элисса ещё немного приподняла подбородок, чтобы не отвести глаз, но я уже видел, что очень напугал. Очень.

– Я просто скажу кое-что. И всё. Ладно?

Она кивнула.

– Не хочу, чтобы ты думала, что я держу тебя тут силой или что жду какого-то подходящего момента для чего-то плохого. Вижу же, что ты мне не веришь и ждёшь подвоха,

наказания, грубости... и плачешь часто.

Элисса часто заморгала, растерянная тем, откуда это может быть известно.

– Простите... Я больше не буду...

– Нет, дело же не в том, чтобы ты больше не плакала. А в том, *почему* ты плачешь. Тебе страшно. Мне ты не веришь. Но только подумай. Разве, если бы я хотел причинить тебе вред, то что-то могло бы меня остановить? Только я ничего не делаю. И не стану.

– Зачем Вы...это говорите?

– Потому что ты сидела в ночи и ждала меня, наверняка считая, что если уйдёшь, то я поменяю порядок оплаты за свою заботу.

По её выражению лица понял, что так и было.

– А ещё потому, что я очень много времени и сил трачу, чтобы помочь другим, но не могу помочь тебе. Хотя очень хочу.

Она так всматривалась в моё лицо, словно искала там что-то, может правда пыталась разгадать скрытый смысл или истинные мотивы.

– У тебя есть хоть кто-то близкий из прошлой жизни или из... лаборатории?

Ну а вдруг она хотя бы там подружилась или общалась с кем-то? Некоторые женщины сейчас говорят друг с другом в нашем импровизированном центре, я видел. Вдруг и она тоже? Тогда привезу ей сюда кого скажет. Хоть кого-то, кто

даст уверенность, что всё не так плохо, кто способен будет оценить ситуацию здраво, а не как она.

– Вы уже спрашивали. Нет.

– Совсем никого?

– Нет. Я одна.

– Может ты хочешь чего-то? Не знаю... Ты можешь попросить о чём угодно.

Девочка замялась, а я обрадовался. Ну же. Хоть что-то!

– Можно мне... носить... бельё...

Она густо покраснела, а я некоторое время ещё пытался понять, о чём шла речь. Так она без... Потом опустил глаза ниже, туда, где должна быть её грудь, и шумно сглотнул. Этот звук был слишком хорошо слышен в ночном пустом коридоре, чтобы она не заметила. И видимо не выдержав, сделала шаг назад, только не учла, что там ступенька, поэтому завалилась спиной назад, споткнувшись. Хорошо, что успел подхватить вовремя и прижать к себе. Но то, что она сказала, из головы ещё не выветрилось, когда мы вновь встретились глазами...

Элисса задрожала, а я понимал лишь то, что её крохотное, прохладное тело в моих руках сейчас, её волосы щеко-чут мне подбородок, и ещё, что она прикусила нижнюю губу... До крови. Блядь.

Тут же поставил её устойчиво и отошёл.

– Извини, я не специально. Мы говорили о... Точно. Бельё. Я не очень понял. Тебе не привезли его?

И сам вспомнил, что увидел в её шкафу первый раз. Да чтоб эту секретаршу! Представляю, что она предложила ей вместо белья. Особенно учитывая тот факт, что я тогда обозначил, что одежда для жены... А потом видимо не уточнил заменить и нижнее бельё тоже... И так захотелось увидеть, что же там... Долбаный извращенец.

Выдохнул.

– Умеешь пользоваться планшетом?

Кивок.

– Отлично. Завтра тебе принесут твой личный. Сделай заказ того, что нужно. И для рисования тоже. Карта будет привязана, не думай об этом. И вообще если что-то нужно, заказывай. Можешь ещё смотреть фильмы, читать, что там ещё с ним делают.

– Взамен я могу Вам готовить... – новое нерешительное предложение, которое слышал не раз.

Еле удержался, чтобы снова не начать объяснять, что мне это не нужно. Но ведь так даже проще. Зачем я каждый раз говорю то, что её никак не может убедить? Нужно попробовать играть по её правилам.

– Прекрасно. Хорошая идея. С тебя завтрак или ужин и уход за Эмином. По рукам? – протянул ей свою ладонь.

Элисса некоторое время смотрела на неё, а потом неловко вложила свою крошечную. Я пожал её пальчики. Совсем легко. И не смог выпустить сразу... Погладил...

Она теперь опять смотрела прямо перед собой, в пустоту.

– А давай завтра погуляем вместе с Эмином на улице? Вы сидите всё время дома.

– С Вами?

– Со мной. Я вернусь не поздно, и вместе осмотрим двор. Там есть небольшая беседка. Если тебе понравится, то сможешь рисовать там, пока он будет бегать. Да?

Мне не верилось, что мы говорим. Мы с Элиссой разговариваем. Надо же. Это было очень странное ощущение. Но однозначно приятное. Вообще я неплохо умел вести переговоры и ставить задачи, а вот так – почти ни о чём... Усмехнулся. Ну да.

Вообще-то я только что заключил ещё одну сделку. Нанял себе кухарку...

– Вы сказали про лабораторию... – чуть поёжилась. – А что стало с... остальными?

– Мы забрали их и лечим сейчас. Сегодня нашли хорошего врача. Думаю, теперь всё наладится.

– Вы больше не станете... ну...

– Что не стану?

– ...делать это.

– Лаборатория разрушена. И её больше не будет.

– В больнице сказали, что Вы... главный...

– Теперь да. И больше не допущу такого.

Я пока не понимал, верит ли она, но уже считал успехом, что спросила об этом сама. И вдруг...

– А если я захочу уйти, то отпустите?

Схватился за перила и сжал так, что дерево едва не треснуло. Хорошо хоть её руку уже выпустил. Легко говорить ей, что не держу. Но вообще не рассчитывал, что она сама это спросит. Вместо первых слов ответа из горла вырвалось какое-то карканье. Сглотнул снова, вздохнул. Почти вернул своё привычное хладнокровие.

– Если ты будешь хорошо себя чувствовать и... место твоего пребывания будет...

– Хорошо.

Мне показалось, или Элисса впервые перебила меня?

– Ты хочешь уйти куда-то конкретно?

Что если она сказала неправду и на самом деле у неё есть близкие люди, просто боится мне рассказывать? Что, если у неё есть... парень? Она же молодая девушка, и пусть и жила непросто, но ведь могло бы такое быть?

– Нет...

– Если ты хочешь просто съездить куда-то, то скажи, мы поедем вместе.

В конце коридора за её дверью послышался шум – Эмин скулил и скребся в дверь, наверное, чувствовал, что она тут, но не заходит. И как прощаться с ней на ночь? Не говорить же ей «можешь идти, Элисса, если хочешь, а если не хочешь, то я готов стоять тут до утра».

– Спасибо... Вам...

Я попытался улыбнуться.

– Давай будем чаще разговаривать? Мне очень нравится

говорить с тобой. А сейчас твой щенок прав, пора спать.

Она кивнула и быстро развернувшись, ушла.

Последний месяц я больше не дежурил у её постели каждую ночь. За меня с этим прекрасно справлялась собака, подросшая на целый сантиметр... Он всегда укладывался на подушку рядом с ней и, если она начинала всхлипывать, то лизал её щёку и тихо поскуливал, Элисса в этот момент принималась гладить его сквозь сон и успокаивалась.

Понятно, что это я знал из-за камер. Как маньяк наблюдал за тем, как она спит. Зато был уверен, что всё в порядке. Но даже во сне она не выглядела обычной, нормальной девушкой. По-прежнему бледная, худенькая, вздрагивающая...

Только на мою единственную попытку прокрасться к ней ночью, чтобы просто побыть рядом, собака впервые зарычала, приподняв голову с постели. Я знатно тогда... удивился. Даже подумать не мог, что это существо способно на такие угрожающие звуки.

Но испугавшись, что разбужу и напугаю Элиссу, сбежал, фактически спасовав перед блохастым комком шерсти. Может, Эмин притащил ей его вместо попугайчика или кота именно для этих целей? Знал, что собаки признают только одного хозяина и будут защищать его, несмотря на разницу в комплекции? И пусть я не собирался вредить ей, но её питомец предельно ясно выразил свою точку зрения по поводу моего нахождения теперь *в их* комнате в ночное время. И больше я не приходил. За исключением одного случая...

Глава 32

Это произошло примерно через пару месяцев. К тому времени я даже привык, что по утрам на кухне меня ждёт завтрак от Элиссy (её самой чаще всего там уже не было), а вечерами на диване расстояние между нами сократилось на пару сантиметров. И это уже был прогресс. Мы по-прежнему почти не общались друг с другом, но оба, кажется, свыклись с мыслью совместного сосуществования.

Хотя лично у меня всё же возникали проблемы, связанные с удовлетворением некоторых своих физиологических потребностей. Всеми силами я старался не показать, какие идеи порой возникают в моей голове, чтобы не сделать хуже. Но уже отчётливо понимал, что таки придётся заводить новую (или прежнюю) любовницу. Нравилась ли мне эта идея? Не особо. Моему барсу наверняка бы понравилось спать с Элиссой (более того, довольно скоро я получил подтверждение того, что она бы даже сопротивляться не стала), а мне самому была противна идея проводить время с любой женщиной.

Это чувство было новым. Но смотреть в таком плане на Элиссy считал неправильным, недопустимым, а от других аж выворачивало. Так работала связь. Вот только если не найду способ усмирять свои инстинкты, то закончится это очень плохо. И одна ситуация убедила меня в этом окончательно,

вынудив в итоге принять довольно радикальные меры.

Тогда дела в прайде хоть немного выровнялись, хотя и постоянно видел недовольство некоторых отдельных его членов. Но по большому счёту после того, как Эрдан подключился, взяв на себя часть ответственности, мне стало проще. Под новый исследовательский центр мы выкупили отдельное здание, где разместили наиболее адекватных, идущих на поправку бывших подопытных. Остальных пока так и держали на нижнем этаже загородного дома, чтобы исключить возможность побега, ведь все они были не в себе.

Я уже убедился, что Эррин неплохо справляется с поставленными задачами, и с момента её появления не погиб ни один из них, поэтому решил привести её в свой дом и показать ей Элиссу. Хотя ещё и сомневался в правильности этого решения, но слишком переживал, что с ней может быть что-то не так, а везти её в нашу клинику тоже было бы сложно. Она даже из дома выходила только дважды. И оба раза по моей просьбе под предлогом прогулки с собакой.

Мои наблюдения по камерам за ней говорили о том, что вроде как в физическом плане её ничего не тревожит, но беспокойный сон и частые слёзы не прекратились. И я ужасно волновался. Уже так сросся с необходимостью заботы о ней, что не представлял, как мог жить без этого раньше. Элисса стала неотъемлемой частью моей жизни, и я не мог позволить себе её потерять хотя бы в этом качестве.

Сегодня попросил пару спуститься в гостиную к опре-

делённому времени, рассчитывая, что молодая женщина не должна напугать её, как другие врачи. Только вот показалось, что вышло ещё хуже...

Я заметил её, когда она уже была на лестнице. Но смотрела Элисса не на меня, а на Эррин. И смотрела так... странно. Она и вообще была очень странная, но сейчас что-то ещё изменилось. Вроде даже побледнела ещё больше. Однако, поймав мой взгляд, продолжила спускаться, пока не оказалась у самого начала лестницы, только ближе не подходила. Словно боялась её. Нет... Это был не совсем страх... А что-то ещё, что я не мог понять, как не пытался.

– У нас гости, Элисса. Попьём вместе чай? – предложил той, на помощь которой рассчитывал.

Эррин обернулась к моей паре, оглядела её и втянула носом воздух. Девочка отшатнулась, едва не ударившись о стену, и тут же прошмыгнула на кухню, принявшись собирать на стол (каждый раз, как я заговаривал о подобном, она бросалась готовить или подогревать что-то, видимо, считая своей прямой обязанностью кормить меня). Я решил помочь и заодно объясниться, попросив Эррин задержаться в гостиной.

– Не бойся, она просто моя знакомая.

Элисса быстро кивнула. Слишком быстро.

– Что-то не так? Ты можешь сказать.

На этот раз ответом было отрицательное мотание головой. Ладно.

Мы все уселись за стол, Эррин продолжала принимать, а я всё смотрел на Элиссу, сидящую с неестественно прямой спиной. Она вновь сжимала изо всех сил кружку и всеми силами старалась не смотреть на нас. Если честно, была надежда, что хотя бы с женщиной она сможет быть более расслабленной, потому что знакомить её ближе с Эрданом я даже пробовать пока не стал. Только вот реакция меня снова испугала, напоминая, что в нашем случае просто не будет.

Эррин не пробыла долго, уходя, шепнув мне, что всё в порядке, а подробнее расскажет вечером, когда будем обсуждать организацию работы нового центра, как договорились ранее. Я вернулся за стол, где продолжала сидеть Элисса, даже не шелохнувшись.

– Она тебе не понравилась?

– А Вам?

– Что?

Но кажется она уже жалела, что спросила, судя по красным нервным пятнам на щеках и шее. Так. Нужно дать понять, что я доверяю ей, раз привёл в дом. Наверное.

– Она хороший специалист, хоть мы и знакомы недолго. Но тех, кому я не верю, домой не привожу.

Элисса кивнула.

– Нет, теперь твоя очередь говорить. Она тебе не понравилась?

Девочка пожала плечами.

– Я не настаиваю, чтобы ты дружила с ней, но... ты даже

не поздоровалась.

– Простите.

– Послушай, я не ругаю тебя за это, просто думаю, что может тебе стоит хотя бы попытаться общаться с кем-то ещё кроме меня?

Элисса ерзала на стуле и точно нервничала. Разговор не клеился, в воздухе повисла какая-то неловкость, а я решительно не понимал, почему. Но когда она попросила разрешения уйти, противиться не стал. Всё равно, если не захочет, то не скажет, как бы я не пытался выяснить. Сам поехал в центр, чтобы более обстоятельно поговорить с Эррин. Только услышал то же, что слышал уже не раз.

Моя кровь очистила в ней почти все препараты, которыми накачивали людей, но отсутствие связи оставляет её психику нестабильной, а ещё делает слабее меня самого. Если бы только слабее, но ещё и более нервным, неустойчивым. Всё чаще я срывался, злился, а с учётом моей силы, это могло привести к очень непростым последствиям для всего прайда.

– Хоть ты мне мозги не делай, – выдохнул шумно. – Я сам уже устал от этого, но если не изменить ничего, то что толку переливать из пустого в порожнее? Жаль, на нас не действует алкоголь, мне бы не мешало расслабиться хоть немного...

– У меня есть настойка, хочешь?

Эррин всегда была собранной и отстранённой, но сейчас вроде как прониклась моей проблемой и даже предложила расслабиться. А вот это самое то.

– Давай, – махнул рукой на всё.

Сейчас уже поздний вечер, Элиссу я предупредил, чтобы не ждала. В центре никого кроме нас нет. Почему бы не забиться хоть ненадолго? За душу ещё тянула гнетущая атмосфера дома, состояние Эмина, которого мы так и не могли сделать хотя бы немного более адекватным, вражда с людьми и чёрными. А тут какая-то настойка. Но это позже я сообразил, что прежде, чем принимать пробирку с неизвестной жидкостью от малознакомой женщины, стоило хотя уточнить её действие. Потому что со второй меня повело.

Мысли как-то поплыли в неизвестном направлении, тело стало тёплым и лёгким. Хорошо, хоть у Эррин хватило ума не давать мне третью, хотя я просил. А ещё еле сдерживался, глядя на её стройную подтянутую фигуру. Что меня удержало от рокового шага, после которого репутацию было бы уже не восстановить, не знаю. Но может лучше бы не удержало, потому что оборотница сама отвезла меня домой и оставила на том самом покрытом белой хренью диване.

Только стоило ей уехать, как моей душе стало одиноко, захотелось тепла и ласки, и поднявшись с трудом по лестнице, сломав в одном месте навалившись всей тушей перила, я пошёл к Элиссе. Обоняние щекотали остатки её запаха, будто она была тут совсем недавно, а инстинкты требовали пару немедленно.

Шатаясь, открыл дверь и шагнул к её постели. Она делала вид, что спала, свернувшись в клубок. Всегда так лежала, но

я не мог ошибиться, слышал её неровное дыхание. Пёс зарычал, и я шикнул на него, за шкурку стаскивая с кровати.

– Моя девочка... – споткнувшись, упал рядом с ней на постель, от чего она вскрикнула, больше не скрываясь, и отпрыгнула дальше к спинке. – Тише, это я, тише...

Её огромные испуганные глаза сверлили во мне дыру. Нужно успокоить.... Протянул руку к ней и провёл по щёчке, от чего она задрожала. Стало так горько от этого. Так хреново.

– Боишься меня?

Элисса кивнула.

– Тебе не следует меня бояться, я не сделаю...ничего плохого. Даже наоборот...

Мой голос был хриплым, язык заплетался. Она продолжала трястись, а я видел, как на её шее бьётся венка... Такая же крошечная, как и вся она. И мне нестерпимо захотелось накрыть её своим ртом... А ещё показать ей, что я... не знаю... могу быть не пугающим и ужасным, а нежным, ласковым. Ведь она меня таким не знает. Пока...

– Маленькая моя, – прошептал я и наклонился ближе.

Глава 33

Утром проснулся от того, как гудит моя голова из-за тьяканья и неприятного запаха псины. Под рукой ощутил что-то маленькое, прохладное и жёсткое. Так. Где я, для начала?

Огляделся и, поняв, что нахожусь в её комнате, но не помню со вчерашнего вечера почти ничего, со страхом опустил взгляд туда, где кажется ощущалось её тело...

Элисса не двигалась, смиренно лежала под моей рукой, а её ночная рубашка задралась (только бы не я задрал!) до самых бёдер, огромные глаза смотрели со страхом и ожиданием. Меня окутала паника. Я... Я ведь не причинил ей вреда? Ведь нет?

Осторожно и очень медленно убрал с неё свою руку, немного отодвинулся. Она продолжала не двигаться. Почему-то я ожидал, что бросится прочь, закричит или скажет хоть что-то... Но девочка молчала, стиснув ладошки в кулачки. Боится же меня до ужаса, но не пытается отстраниться.

Её веки были припухшими... Она плакала? От чего она могла плакать ночью? Вариантов перед глазами всплыло столько, что голова разболелась ещё сильнее.

Я не верил в Бога. Но который раз после встречи с ней взмолился мысленно. Только бы я ей ничего не сделал вчера. Только бы не из-за меня она плакала... Если я взял её вчера... Пусть лучше умру до того, как вспомню об этом...

Пусть лучше вообще никогда не вспомню. Даже если сделал это и содеянного не исправить. Вновь я малодушно не мог представить, как смогу жить с этим... Только она не забудет.

Уже представлял, как она сопротивлялась, как просила меня остановиться, отталкивала своими маленькими ручками, плакала... В области сердца заболело, и я, приложив к нему ладонь, закашлялся от удушья.

– Вам плохо? – её тихий голосок резанул по ушам.

И я закрыл глаза. Ничего так не боялся в жизни, как потерять её, когда Эмин тогда увёз из лаборатории, и теперь, что я её изнасиловал... Нет, пожалуйста, Бог или как тебя правильно называть, кто бы ты ни был, если я сделал это, то пусть я сдохну до того, как она скажет об этом...

– Мне позвать кого-то? Или подать Вам воды?

Я прочистил горло и решился взглянуть на неё. Она всё ещё смотрела с испугом, но уже поправила на себе мятую, но целую одежду и села на край постели. Если бы я её... я ведь порвал бы, да? Ведь... Привычным жестом она обняла себя руками и закусилла нижнюю губу.

– Я... я сделал тебе что-то?

Сначала она испугалась вопроса, а потом в её глазах я увидел понимание. Они расширились, а рот приоткрылся. Это ведь значит, что нет? Правда?

– Нет, Вы меня не трогали... почти.

ПОЧТИ! Как страшно было узнать, что именно она имеет в виду.

– Что я делал?

– Обняли и уснули. Ещё говорили... разное...

– Что-то плохое?

Она покачала головой.

– Можно не повторять?

– Конечно! Я просто... ни хрена не помню. Прости меня.

Больше такого не повторится. Я урод. Прости. Напугал тебя, касался... Прости.

– Можно спросить?

– Разумеется.

– Вы считаете меня... ну... недостаточно взрослой?

– Для чего?

– Не знаю... Вы называли меня маленькой...

Я ругнулся. Как, блядь, я мог сказать это вслух?! Да я почти всё время её так называю мысленно. Но никогда вслух. Так спалиться. Это казалось чем-то постыдным для меня. Вроде как нельзя показывать слабость, а это глупое её определение, хоть и нравилось мне, но было тупым. Очень тупым. И я не хотел бы, чтобы кто-то знал, что называю её так.

– Прости, я был пьян и нёс ерунду. Этого больше не произойдёт. Я понимаю, ты очень напугана и наверняка было неприятно слушать мой бред...

– Вы говорили... хорошее...

Она вздрогнула от своих же слов.

– Я не обидел тебя?

Покачала головой.

– Хорошо... Но пить я больше не буду. Чтобы не трогать тебя.

– Спасибо, – прошептала она.

– И забудь всё что я нёс, ничего не помню, но представлю, какую пургу мог сморозить. Ладно?

Она кивнула, а в глазах мне почудились слёзы.

– Всё в порядке, Элисса?

– Да, – эхом отозвалась она.

Как бы я хотел знать, что мог сказать такого, что показалось ей хорошим... От любого двусмысленного намека она шарахается. Неужели не все мои мозги вчера были в штанах? Наверное, она сказала так, чтобы успокоить меня.

Спешно скрывшись из её комнаты под аккомпанемент тьякья недособаки, несмотря на дикую жажду, первым делом отправился в кабинет. Открывать записи камер было страшно. Очень страшно. У меня даже руки дрожали. Но всё же сделал это.

И увидел своими глазами, как подтянул её ближе к себе, обнял и что-то шептал в волнистую макушку, ногой отпихивая с кровати пытающегося забраться обратно щенка. Вот только она не сопротивлялась, не пыталась оттолкнуть. Замерла в моих руках, глядя перед собой, не дернулась даже тогда, когда я, кажется, коснулся губами её шеи... С такого ракурса было плохо видно, но, судя по всему, я целовал её там, где должна была стоять метка. Испугался на мгновение, что укусил. Хотя, наверное, заметил бы это утром. Да и по-

чувствовал бы...

К моему великому счастью, опрокинув её на постель, навалился сверху и просто уснул. Храп на камерах был слышен отчётливо. Вообще обычно я не храплю, но видимо, раз надрался как свинья, то и вёл себя соответственно.

Некоторое время Элисса лежала подо мной неподвижно, а потом завозилась, пытаюсь выбраться. Я откинулся на спину во сне, освобождая её. Она выскользнула из кровати, подбежала к столику, взяла там что-то блестящее и вернулась обратно, глядя на меня в полутьме. Потом села рядом, продолжая рассматривать моё лицо и тело, и...

У меня сердце забилося где-то в районе горла.

Моя крошечна пара занесла этот блестящий предмет, скорее всего нож, судя по всему, над моей шеей. Картина была пугающей. Как из фильма ужасов. Маленькая девочка с острым предметом в руках над спящим мужчиной, который совершенно точно в тот момент не смог бы её остановить. Успокаивало лишь то, что сейчас я жив... Но оторваться от экрана не мог.

Она подержала нож так ещё немного, потом её рука дрогнула, и она опустила её ниже, почти прижимая лезвие к месту, где должна находиться сонная артерия. Одно движение – и я бы здесь не сидел. Она закусила губу, нахмурилась, но продолжала сидеть вот так, очевидно решая, заслужил ли я жизнь.

Вообще прежде я бы никогда не подумал, что она может

поступить вот так. Хотя сколько раз уже пыталась защищаться то от меня, то от Эрдана. Но подумать, что попытается убить во сне... Пусть и после того, как напугал её до ужаса... Это не приснилось бы даже в самом жутком кошмаре. Однако, сейчас я видел своими глазами её сомнения.

Там, на экране, я что-то прошептал и повернул голову, уткнувшись носом в её бедро, едва не напоровшись на кончик ножа самостоятельно. И она будто очнулась, потрясла головой, отодвинув руку прочь, чтобы не поранить, сползла с постели и медленно отошла, продолжая следить за мной. Потом будто заставляя себя, положила предмет обратно на стол и продолжала стоять, глядя на меня. Я понял, что опять борется с собой, чтобы подойти ближе и завершить начатое...

Собака заскулила у её ног и лизнула щиколотку. Элисса подняла его на руки, погладила, отнесла к лежанке, продолжая смотреть на спящего меня. Оставив щенка там, она по одному шагу с перерывом чуть ли не в десятки минут, начала подходить к постели. Во сне я пошарил рукой по пустой кровати, наверное, искал её, и опять сказал что-то невнятное, собираясь, по всей видимости, приподняться.

Элисса задрожала, остановилась, будто приросла к полу. Но потом сжала кулачки и быстро вернувшись, легла на спину возле меня, вытянувшись солдатиком и зажмурившись. Я тут же обвил её талию рукой и прижал ближе. Дальше картинка не менялась.

Я спал, она лежала под моей рукой, иногда ёрзая от

неудобной позы и, наверное, навалившейся тяжести, и плакала. Она и правда плакала почти всю ночь. То переставала, то начинала заново. Даже не утирала слёзы, потому что я прижал её руки к туловищу. И наверное боялась разбудить. Просто ждала своей участи. Как тогда в лесу, когда думала, что я умер – просто сидела рядом, ожидая своей смерти от холода и голода. Так и теперь – наверное, думала, что проснусь и...

И ведь не убила. Могла и не сделала этого. Хотя боялась и ждала насилия, боли. Понимала, что я не в себе и могу сотворить сейчас что угодно.

Только вряд ли она поступила так от доброты душевной или тем более – симпатии. Скорее подумала о последствиях. О том, что сделают с ней, когда всё выяснится. И может выбрала из двух грозящих ей зол меньшее, то есть меня...

Увиденное поразило. Я никогда не думал, что она может желать мне смерти. Но теперь знал, что желает. Может от страха, может от ненависти ко всем оборотням, но это факт. Моя крохотная пара едва не перерезала мне горло сегодня ночью... А потом проплакала много часов, думая о своей дальнейшей судьбе и моих возможных поступках.

И всё же утром сказала, что я бормотал ей там что-то «хорошее». На записи не мог расслышать, ведь мало того, что шептал ей, так ещё и запинаясь, хрипел неразборчиво. Сам, хоть убей (это выражение теперь обрело для меня новые краски), не помнил. Но очень надеялся вспомнить. Мо-

жет это было то, что остановило её всего одно резкое движение, после которого я больше бы не проснулся?

Сейчас же Элисса, уже приняв душ и одевшись, что-то готовила на кухне. С выражением полного безразличия и отстранённости. Мне даже показалось, что вижу нечто, похожее на обиду... Но это чувство появилось в ней утром после нашего разговора, а не осталось с ночи, заметил это сразу, но пока не понял, что произошло. Да я вообще ни хрена не понимал Элиссу. Как выяснилось, даже примерно не мог предугадать её действия, и это теперь здорово пугало.

Нет, я не осуждал её, не считал неблагодарной, сам себя винил во многом, но вспоминая занесённый над моей беззащитной шеей нож, покрывался мурашками и холодным потом. Что она сделала бы дальше? Попыталась бы сбежать? Так её бы всё равно поймали, а дальше... Стало ещё страшнее. Моя маленькая пара сохранила сегодня жизнь не только мне, но и себе. А потом смирилась со своей участью. Может вспомнила, как обещала мне что угодно, только бы не оставлял там и приготовилась исполнять обещанное?

Она напоминала мне загнанного в угол раненого зверя, который то мечется и огрызается, то притворяется смирившимся, но уже понимает, что его не ждёт ничего хорошего. Это видно в отчаянии потухших глаз, в дрожи её тела, в упрямой безысходности, в том, как она замирает моментами, глядя в пустоту, а потом словно очнувшись, трясёт головой и всхлипывает, сжимая кулачки. Элисса считает, что

рано или поздно я попрошу с неё долг, и уже заранее готовится отдавать, раз не смогла прекратить всё, пока была возможность...

Сердце в моей груди снова болело. Оно не желало верить, что такая долгожданная пара настолько ненавидит и боится нас, что даже к ней, такой маленькой, такой беззащитной, нельзя поворачиваться спиной, потому что в ней может оказаться нож. И казалось бы, я не ждал от неё любви, взаимного притяжения или хоть чего-то, что можно ждать от пары или просто женщины, но эта ночь что-то изменила во мне. Понял, что всё бесполезно, словно стеной бетонной оброс за пару минут. И принял все свои важные решения разом.

Глава 34

Я не прикоснулся к завтраку, который приготовила Элиса, уехал сразу же. Боялся случайно выдать свою осведомлённость о ночном происшествии, да и сложно было смотреть ей в глаза. Больше не хотел видеть в них решительное смирение. Это невыносимо, когда от тебя постоянно ждут подлости, боли, которую не собираешься причинять.

Думал, что выдержу. Не выдержал. Что теперь? Я не кисейная барышня, чтобы сидеть и рыдать по этому поводу. Хватит.

Окончательно осознав, что будущего у меня с ней нет (не из-за ножа, а потому, что сдалась, заставила себя подчиниться моим якобы ужасным желаниям), душа словно в броню облачилась. В ту, которая была у меня прежде. Когда я не жалел, не пытался кого-то понять, был одиночкой. Сам по себе. Никому не нужный, не испытывающий необходимости в ком-то. Попытаться разорвать связь было можно, но я не хотел вредить ей этим, да и со мной что стало бы, тоже не ясно. Поэтому этот вариант даже не рассматривал. А вот усмирить свои желания и мысли следовало бы.

В центре потребовал Эррин помочь мне найти что-то, что усмирит во мне проявление горячей природы зверя на какой-то срок. Вчерашние мысли о её соблазнительной фигуре, потом о желании ласки от собственной пары стали по-

стыдными воспоминаниями, которые навсегда закрою внутри.

Оборотница пыталась отговорить, объясняя, что даже если изготовит специально для меня подобные инъекции, то не может ручаться за последствия, а без близости с парой мне останется и жить-то не так долго. Но я настоял на своём, ведь больше не был намерен оставаться заложником инстинктов. Не хотел, случайно поддавшись однажды, действительно стать тем монстром, которого так боялась Элисса. А ведь такое случалось с нами нередко.

Наша звериная натура очень горячая, и то, что я собирался делать с собой, шло не только вопреки природе, но и характеру снежного барса. Вот только я не желал больше быть животным. Не хотел смотреть на кого-то с желанием только потому, что не могу обладать собственной парой. А она... Сердце снова сжалось. Она бы не стала противиться, если не сдержался бы, но я возненавижу же себя, когда вопреки здравому смыслу получу от неё желаемое. Потому что знаю её настоящее отношение ко всему и к себе...

С сегодняшнего дня я запретил себе следить за Элиссой по камерам, проверять её по ночам (вроде её щенки неплохо справляются), заходить к ней в комнату, называть её мысленно так, как называл, пытаться поговорить, понять. Ей не нужно моё присутствие в жизни. Я просто обеспечу её всем необходимым, но не стану больше пытаться пролезть в душу. Мне там места нет. А если она и сделала бы хоть когда-то

шаг мне навстречу, то только лишь от страха, что верну обратно в лабораторию или сделаю с ней что-то ужасное. Так пусть живёт своей жизнью. А я буду жить своей.

Отдельной.

Это не было обидой или истерическим необдуманном поступком, наоборот, мой мозг размышлял как никогда здраво и холодно. Я больше ничего не ждал, ни на что не надеялся, не верил ни в какие чудеса. Мы с ней чужие. И да, я могу её заставить, принудить и жить долго, хоть и не счастливо, но уже не хочу. Лучше проведу остаток своей жизни так, чтобы не чувствовать себя обдолбанным звериными гормонами и кидающимся на ближайшую юбку придурком.

Я контролировал своего зверя отлично до того, как встретил её. А теперь внутри меня мучает постоянно эта тяга, новые мысли, неконтролируемые желания. Ну уж нет. Лучше я сам возьму ответственность за свою жизнь. И просто буду делать то, что должен.

В этот же день исключил из прайда всех недовольных мной как новым главой, оставив их наедине с остальным миром. Тем самым заставил оставшихся уважать и считаться с моим мнением. Прайд притих разом. Даже косых взглядов больше не было. При мне говорить-то теперь старались шёпотом. И пусть. Зато, когда я объявлю своего преемника, тоже примут смиренно. Это главное – не допустить волнений, сохранить дисциплину, чтобы сумели противостоять людям.

Эрдану пришлось не сладко, но и он не маленький маль-

чик, чтобы его жалеть. Поставил племянника перед фактом, что через год прайд примет он, с моей поддержкой, но всё же. Дал ему право подписи, передал даже свой (то есть бывшего главы прайда) кабинет в офисе. Он мне всё равно никогда не нравился. Теперь у меня был другой, самый обычный, отличающийся от остальных рабочих помещений только более крепкой мебелью, соответствующей моей комплектации. Основные решения мы пока принимали вместе, и в ближайшее время так и будет, но я потихоньку приучал всех к мысли, что скоро отойду от дел.

Хотелось уехать глубоко в лес и просто жить, не думая об ответственности перед прайдом, не переживая, что однажды не совладаю с собой и ворвусь в комнату к незащитной чужой девочке... Только у меня нет права на слабость. Плевать. Я и так справлюсь.

Собрав в кулак всю волю, всё же съездил к волкам поговорить с альфой. Это было необходимо, потому что после случившегося с Эмином мы оба взяли паузу. И вот сегодня я понял, что нашему перемирию конец. Старый альфа отказался работать со мной дальше, погрузившись в своё горе, обвиняя и меня в том, что произошло. И хотя я мог понять его чувства, уговаривать, пытаться вразумить ни сил, ни желания не нашёл. Это его путь. Наш прайд сильнее, а серых волков гораздо меньше. Если хочет потерять стаю – зачем мне пытаться удержать его от ошибки? И всё же ради приличия и в память о помощи волчонка, я сделал попытку. Одну.

Меня не слышали. Ладно.

Пообещав откликнуться на просьбу о помощи и последний раз попрощавшись с Эмином (а точнее с тем, во что он превратился), мысленно извинился перед ним и уехал, приняв это как факт.

В нашем центре после появления Эррин удалось помочь почти всем людям, а с оборотнями была беда. Вернуть им прежний вид или хотя бы разум не получалось. Но теперь мы обязательно продолжим исследования и постараемся найти это противоядие. В случае успеха, я обязательно вернусь и помогу волчонку. А если нет...

Сколько в его голове сохранятся воспоминания о нём прежнем? Год, два? А потом он озверевает окончательно. Я предполагал, что даже если в последствии вернуть его в себя, мы получим совершенно другую личность. А значит, единственного, кого мог назвать если не другом, то приятелем, я потерял тоже. Что ж. Переживём и это.

Вечером я сообщил Элиссе, что ей больше не обязательно мне готовить или приходиться вечером в гостиную. Но она всё равно намеревалась продолжать. Боялась, что если не станет делать этого, то попрошу другое. Пусть. Тогда я перестану приходиться сам, надеясь, что однажды она отвыкнет и поймёт, что бесполезно.

– Вы на меня сердитесь, поэтому?

Девочка смотрела в пол и комкала в ладошках край длинного мешковатого свитера.

– Ты спрашиваешь так, будто сама хочешь со мной общаться.

Она растерянно поправила волосы, подняв на меня свои невозможно грустные глаза.

– Ну вот видишь. Всё в порядке. Я не злюсь на тебя. И в твоей жизни тут ничего не меняется, кроме того, что теперь я больше не заявлюсь к тебе среди ночи.

Элисса вздрогнула.

– Я по-прежнему рядом, и если нужна помощь – только скажи. Но вообще в твоём распоряжении водитель, охрана и горничная. Можешь обращаться к ним. Постараюсь тебя больше не беспокоить своим присутствием.

– Но это же Ваш дом...

– Такой же, как и твой, – отрезал и поморщился.

Моя жена, моя пара... Чужая. Совершенно чужая мне. Непонятная, закрытая, испытывающая неприязнь... Прежде мне ещё хотелось узнать её, а потом я понял, что от неё прошлой ничего и не осталось, передо мной – только оболочка. Элисса просила не спасать её, когда увезли из лаборатории, и видимо тогда настолько хотела умереть, что сделала это пусть не физически, но морально. Она меня никогда не подпустит и не примет. Я не откажусь и буду нести за неё ответственность, но строить мосты до берега, которого нет – не лучшая идея. Бессмысленная.

И с того дня мы почти перестали видеться и общаться.

Потянулись однообразные дни и ночи. Я колол инъекции,

разработанные Эррин, пару раз в неделю. Они умирляли мои инстинкты и позволяли забыть о притяжении к маленькой паре. Раз в месяц позволял себе встречу с какой-нибудь не сильно разборчивой в связях дамой на нейтральной территории, чтобы окончательно не превратиться в импотента, за пару дней до «свидания» прекращая травить свой организм, выпуская звериную суть порезвиться. Мне всё ещё было противно от этого, но ни к чему не обязывающий секс стал единственной возможностью доказать себе, что я не окончательно списан со счетов.

Угрызений совести не испытывал. Не перед кем.

Элиссе я ничего не должен в этом плане, а в котором должен – даю и так. Всё чаще свои редкие просьбы-вопросы она передавала мне через горничную, я просто исполнял. Тогда казалось, что нас обоих всё устраивает. В короткие моменты наших случайных встреч, Элисса отводила глаза и старалась сбежать скорее. Я не удерживал. И держал слово – не смотрел на неё по камерам, хотя так и не решился их отключить вовсе. Просто издали, вслепую надеялся, что с ней всё хорошо. И вроде так оно и было.

Мы жили под одной крышей, но становились друг от друга всё дальше.

Ей так же приносили разные цветы регулярно, как я обещал раньше, привозили коробки листов и необходимого для рисования и её собаки, которая грызла и слюнявила всё подряд. Это немного раздражало меня, но раз принял решение

оставить животное в доме, то нёс и этот крест, заставляя себя смириться.

Наконец в моей жизни всё было ясно, чётко, по новому плану. Прежде я бы подумал, что это конец, а сейчас мне было всё равно. Я теперь знал, что живу лишь чтобы выполнить свою роль, передать прайд Эрдану и сойти с дистанции. Мы с Элиссой оба просто доживали отмеренные нам дни, не пытаясь что-то исправить. Да и исправлять было уже нечего.

А потом случилось то, что случилось, кардинально изменив все мои планы и взгляды на жизнь.

Глава 35

К тому времени Элисса жила в моём доме уже около года в общей сложности, последние месяцев пять из которых мы почти не говорили и не виделись. Всё чаще я ощущал, что сила внутри становится менее и менее подконтрольной. Злился, психовал. Мысленно. Не показывая свои чувства ни единой живой душе. Только племянник заметил всё и так.

В тот день он приехал ко мне без предупреждения и вошёл в кабинет без стука.

– Не рано ли ты почувствовал себя хозяином? – рыкнул я, еле сдерживая раздражение.

Хоть и готовил его в преемники, всё равно бесила вот такая непосредственность и полное отсутствие субординации.

– Встретил в коридоре твою крошку и понял, что дальше тянуть некуда. Нужно поговорить.

– Во-первых, не называй её так. Во-вторых, я уже повторял и повторяю в последний раз, это не твоё дело.

– А чьё же, если ты решил угробить и себя, и весь прайд?!

– Сомневаешься в своих силах? Думаешь, настолько хреновым главой будешь?

– Ты debil?

Эрдан впервые говорил со мной вот так. Он никогда не видел берегов, но в запале забывался и вовсе. И сейчас тоже был на взводе. Настолько, что я даже подумал, что же такого

с ним могло произойти, что ведёт себя так нагло. Племянника почти трясло. Вот только мы оба – горячие, агрессивные ирбисы, и ни один из нас не умеет уступить...

– Выбирай слова, – всё ещё пытался сохранить хладнокровие, но уже закипал сам.

– Ты сдохнешь. И она потом тоже умрёт! Сделай что-то!

– ЧТО?! Что ты хочешь, чтобы я сделал?!

– Найди способ наладить с ней контакт или заставь!

– Не лезь в мою жизнь. Я сам решу. Что. Мне. Делать.

– Из-за неё...

Прервал его на полуслове. Вообще не хотел слушать про Элиссу. Это почему-то причиняло мне боль. Может, потому что было свидетельством того, что я не справился? Не смог изменить ситуацию, в которой мы оказались. Сдался. И теперь этот сосунок считает меня слабаком.

– Не стоит считать её роль в моей жизни настолько важной. Она всего лишь не подходящая пара. В центре работают над тем, чтобы вывести препарат, позволяющий выстроить эту связь искусственно. Если получится, то найду подходящую.

Я врал. Потому что не стал бы искать. Но ему-то об этом не известно.

– Пока это случится, если вообще случится, прайд разорвут недовольные!

– Не неси хрень. Все понимают, что я силён.

– Пока да, но...

– Хватит. Лезть. Не в своё. Дело.

Подошёл к нему ближе, намереваясь, если понадобится, подкрепить свою правоту физическим воздействием.

– Я не хочу быть главой! – выпалил Эрдан.

– Ты прям как принцесса, то хочу, то не хочу. Тебя спросил кто-то?

– Так в этом и дело, что не спросил! Дядя, – кажется он волновался, потому что называл меня так чаще в моменты, когда пытался убедить в чём-то. Ни разу не получилось пока, – услышь уже! Я не хочу! А ты не сможешь остаться главой из-за неё! Девчонка же крохотная совсем, неужели так сложно навешать ей на уши, чтобы поверила в неземную любовь? Неужели она тебе настолько противна, что даже так...

Я ударил его, разбив губу. Как же мерзко было слышать такое о ней! Но всё же я защищал в данный момент не её честь, а свою. Он и правда суётся куда не следует.

– А если и так?! Что ты лезешь? Тебя это не касается!

– Вообще-то меня как раз касается! Именно меня! Я не хочу быть как отец. Как дед. Я хочу жить своей жизнью. Но уже несколько раз слышал, как за твоей спиной обсуждают, что ты сдаёшь. Поверь, найдутся те, кто воспользуется ситуацией.

Капитан очевидность, чтоб его. Я сам видел, что происходит. Знал, к чему может привести. Но уже принял решение. И оно не обсуждается. Я не был святым, добреньким котом, которой не хочет причинять бедной девочке вред. Про-

сто это путь в никуда. При любом раскладе наследников мне не видать, а значит, Эрдан рано или поздно примет от меня прайд. Так смысл продлевать нашу общую агонию? Так вышло. Всё уже случилось! Как он не может понять, что ничего не изменить?

– Послушай... – Эрдан утёрся рукавом, оставив на нём кровавые следы. – Ты навязываешь мне то, чего я не хочу... Если бы ты не встретил её, да, я бы понял, но это реальный шанс...

– Она не может иметь детей.

– Что? Как? Почему?

– Как ты думаешь, каковы были условия в лаборатории? Как, ты думаешь, твой дед относился к подопытным там? Как, ты думаешь, это отразилось на её здоровье?

– Так ты поэтому... Я думал...

– ЧТО ТЫ ДУМАЛ?!

– Что ты... просто бережёшь её...

Он решил, что я не трогаю её лишь оттого, что она меня боится? Что я такой милый, славный малый, что не попытался бы хоть что-то предпринять? Да даже зная, что бесполезно, пытался. Но с ней ничего не выйдет. Она – это насмешка судьбы надо мной.

Оборотни встречали своих избранниц в молодом возрасте, когда гормоны шалют, когда самое дело, что воспроизводить потомство. Либо не встречали никогда. А я? Ещё через год мне будет сорок. И вот пожалуйста – Элисса.

В прайде до сих пор многие думают, что я держу в заточении ребенка! Её же даже не представить никому нельзя! Она же даже в доме ото всех шарается. От меня тем более. Как я вообще с помощью неё смогу сохранить силу? Иногда мне казалось, что стоит с ней сблизиться, и выйдет наоборот. Стану чувствовать себя извращенцем и ублюдком, окончательно потеряю самоуважение. А за ним и уважение других. Зачем мучить себя и её? Пусть живёт. Я сделал всё, чтобы ей не было тут плохо. И сейчас стараюсь решить вопросы прайда.

Хотя врать я мог Эррин, Эрдану, но внутри знал, что есть ещё одна причина. Я не то, чтобы берёг Элиссу, я... чувствовал безысходность в отношениях с ней. Видел, что все мои попытки тщетны. И был уверен, что так будет и дальше. Не умолять же её мне верить, не упрашивать же дать шанс? Да и зачем. Она пустая внутри. Я теперь тоже. То, что пара не хочет меня принимать, что-то во мне надломило. Даже не думал, что это может так сильно на меня повлиять. А вон как вышло. Лучше бы она вообще опустила тогда тот нож, чем... легла потом рядом, смирившись.

Злое воспоминание встало перед глазами настойчивой картинкой и не желало исчезать. Отчаяние в её глазах снова рвало моё сердце. А думал, что забыл. Не забыл. Не хочу больше видеть этого на её лице... Не хочу больше видеть её слёз, даже если она плачет – то пусть я этого не увижу больше.

Хватит.

– Ты меня слышишь?

Эрдан потормошил меня за плечо, но я его оттолкнул.

– Займись делом. Чего ты припёрся?

– Я просто хотел помочь, хотел...

– Мне всё равно, что ты там хотел. Свободен.

– Давай вместе...

– ХВАТИТ! Разговор окончен. Вон пошёл.

Племянник стиснул зубы так, что желваки заходили. Но ушёл. Молча наконец-то. И если бы я знал, что это наш последний разговор, то никогда бы не повёл себя вот так. Но я не знал. И просто принялся за работу, стараясь снова забыть всё, но то и дело косясь на иконку камеры в нижней панели экрана ноутбука. И всё же сдержался... А ближе к ночи услышал шум во дворе.

– Что за балаган?

Выскочив на крыльцо, я охренел. Посередине двора метался снежный барс, рыча на всех, не позволяя приближаться. Его окружили мои ребята, но не понимали, что с ним делать.

– Какого хрена ты устроил, Эрда... Блядь...

Мои глаза встретились со звериной ипостасью племянника. И я всё понял. Видел такой взгляд у Эмина, у некоторых подопытных из лаборатории. Только этот, к счастью, не был агрессивным. Я подошёл к нему сам и протянул руку. Ирбис ткнулся в неё носом и коротко рыкнул.

За шкирку я отвёл его в помещение охраны и вызвал Эррин. Хотя уже знал, что она скажет. Как это случилось с ним, было не понятно, но уже не так важно. Мы все понимали, что ему не помочь. Хотя и попробуем сделать это в тысячный раз. Который всё равно будет неудачным.

Вот так всего один день разрушил всё. Почувствовав обеспокоенный взгляд спиной, резко обернулся и увидел в окне Элиссу, глядящую с паникой. Наверняка, она не понимала, что происходит, но, конечно, боялась. Только в этот раз я не стал её успокаивать. Мне казалось, что за прошедшее время она должна была стать спокойнее и прийти в себя. Хотя внутри нечто скребло острыми когтями, пытаюсь вырваться к ней. И снова взять в ладони её лицо, дышать вместе с ней, говорить, что всё хорошо... Хотя ничего не хорошо. И не будет хорошо.

Я отвернулся обратно к растерянными парням.

– Разберёмся, – попытался вложить в голос уверенность, которой не было.

Эрдана узнали. И вскоре все будут знать, что я слаб, а моего преемника больше нет. Значит, совсем скоро кто-то решится вызвать меня на бой...

Уже через полчаса я смотрел на обескураженную Эррин в своей гостиной. Мы усыпили племянника и отправили его в загородный дом, пока в клетку. Оба знали, что в ближайшее время, он останется таким. А скорее всего, всегда.

– Как это произошло?

Оборотница ходила по помещению, выстукивая своими каблуками и покачивая бёдрами. Красивыми, стройными бёдрами... Я, что, забыл сегодня вколоть себе инъекцию? Вроде нет. Но почему тогда меня потряхивает, и зверь рвётся наружу в ярости?

Так о чём она? Ах, Эрдан.

– Какая теперь разница. Сделай, что можно.

– Ты знаешь, что ничего не выйдет.

– Тогда выпущу его. В отличие от большинства других, он ведёт себя как обычное животное, к тому же признаёт во мне главного. Значит, он не опасен.

– Ты так просто выпустишь его на волю? Как дикое животное?

– Так просто... – я усмехнулся. – У тебя есть другие предложения? Валяй.

Мне теперь нужно думать о другом. Эрдаана не спасти. Мы убедились в этом ни раз за последний год. А передо мной сейчас выбор – сдаться самому или сражаться с претендентами на мой пост. Его в лесу хотя бы не прирежет никто, если в очередном сражении я проиграю...

– Ты же знаешь...

– Ну а что тогда разводить тут демагогию? Нечего обсуждать.

– Тогда... могу посмотреть твою пару ещё раз. В клинике. Видела её мед карту. Могу попытаться хоть как-то повлиять на её детородную функцию.

Я хрипло рассмеялся, хотя смех вышел немного истеричным.

– Так хочется на неё посмотреть? Можешь посмотреть. Но и это ты знаешь, что бессмысленно.

– Начнётся бойня...

– А если ты изучишь эту девочку, то, разумеется, бойня будет отложена. Я так и скажу недовольным: подождём, пока Эррин поставит несколько опытов над Элиссой, придумает новое лекарство и тем самым вылечит мою больную пару, потом ещё немного, пока я её трахну (и плевать мы все хотели на её при этом желание), и уж если и тогда ничего не выйдет, то...

В попытке успокоить меня оборотница положила свою ладонь на моё плечо и сжала. Так же делал Эмин. И попытался сделать Эрдан. И обоих нет больше. Я снова расхохотался над иронией судьбы. И тут почувял, почувствовал, услышал...

Мы с Эррин развернулись к лестнице. На ней стояла бледная Элисса. Но смотрела не на меня или девушку рядом, а на её руку на моём плече. Губы девочки затряслись. И попятившись сначала спиной, она сорвалась на бег и скрылась за поворотом на второй этаж. Блядь. Блядь. Блядь.

– Эрnard, я...

– Езжай в центр. Сделай всё, что нужно. Я буду завтра. Не выйдет помочь, отпущу его в лес. Тема закрыта.

Эррин кивнула и удалилась, а я, посидев немного в одиночестве, понимал, что нужно успокоиться, сбросить пар сна-

чала, но всё равно какого-то хрена впервые за долгое время пошёл к Элиссе. Может в глубине души надеялся успокоиться рядом с ней? Но даже себе в этом не признался.

Глава 36

Она сидела с прямой спиной за столом у окна и смотрела на улицу. Но стоило мне войти, как сразу же поднялась, низко опустив голову, избегая смотреть мне в глаза. Столько времени прошло, а ничего так и не изменилось. Я вздохнул. И тут заметил, что она странно себя ведёт, очень странно даже для неё, а на краю постели лежит какая-то тряпка, похожая на больничный халат... Когда вспомнил, что в нём забирал её в последний раз из клиники, едва не зарычал от злости. Какого хера она делает? Зачем достала это? Мне и так хреново! Что за спектакль?!

– Что на этот раз случилось, Элисса?

Раздражение в голосе скрыть было сложно. И судя по её дрожи, она тоже заметила его. Но молчала.

– И на хрена ты вытащила вот это? – поднял халат с постели и кинул на пол. – Нормальной одежды мало тебе?

– Я... просто...

Она продолжала мяться, когда я подошёл ближе. Собака – Эмин глухо зарычала из угла, но Элисса шикнула на пса и дала команду, хотя по интонации скорее попросила, «сидеть».

– Ты ещё будешь тут тявкать, блохастая псина! – зло рыкнул я. – Ну, что ты просто, Элисса?

– Позвольте остаться хотя бы ему? Он... воспитанный...

И знает все команды. И блох у него нет...

– Плевать. Ты на мои вопросы не ответила.

– ...простите... я... подумала...

– Можешь нормально говорить? У меня нет настроения играть в няньку.

Как я сейчас хотел орать. Материться. Крушить всё. А вынужден стоять тут. Зачем я вообще сюда припёрся? Вот зачем?! Не нужно было приходить! Всё рушится вокруг, а она... Она так смотрит на меня, то есть на мои ноги, будто под ними уже разверзлись врата ада, и оттуда прямиком к ней лезут черти.

За что?! За что она считает меня таким монстром?!

– Вы сказали... что... я не подхожу... и отправите меня... и та женщина... поэтому... если нужно... я переоденусь... и... только позвольте оставить... его... – эти заикания не только не умиряли во мне ярость, а будто подливали масло в огонь.

Девочку трясло, её зубы снова стучали, а пальцы впивались в плечи. Но я не сразу понял, о чём она говорит, то есть шепчет. А потом сообразил, что услышала наш разговор с Эррин. Ах ну да. Я же изверг. Я же ублюдок. Который только и ждёт удобного случая, чтобы отказаться от неё, отправить на опыты. Ведь в это так легко поверить, несмотря на то что попытался дать ей свободу, оставил её в покое... И снова злой смех вырвался из груди.

– Вот так ты думаешь обо мне, да? Услышала обрывок

разговора, и даже не спросив, решила всё за меня? Думаешь, я пришёл к тебе, чтобы вышвырнуть в лабораторию?! Чтобы отдать тебя для экспериментов? Чтобы потом приступить к созданию наследников с тобой сразу, как вернёмся домой? А может ещё в дороге? Считаешь меня чудовищем? Все ещё? Я так старался быть лучше... для тебя. Но ты же все ждёшь... Ждёшь! Ждёшь!

Щенок бросился ко мне, оскалив зубы, словно поняв заранее, что случится дальше, но я перехватил его за шкуру, как недавно Эрлана, и с силой вышвырнул из комнаты, вернувшись к ней после того, как захлопнул дверь. Она не двигалась, замерла, как всегда, всем видом показывая, что готова ко всему. Снова делает это! Снова!!

– Ты всё время предлагаешь мне поступать так же, как тебе мрази! Может, ты просто хочешь, чтобы я это сделал? Может, тебе нравилось то, что делали с тобой в лаборатории?! Нравилось, Элисса?!

Совсем легко толкнул её, но не удержавшись, она упала на постель, а я был так зол, в ушах шумело, внутри увеличился ураган обиды. За что она меня так ненавидит?! Я же старался! А она видит во мне лишь чудовище! Тупого кровожадного зверя! Хотя ни разу я не сделал ничего подобного даже! Но если бы сделал, то может было бы не так обидно? Ведь хотел же...

Не помню, как оказался над ней и задрал до шеи тонкую домашнюю майку, а свободные штаны вместе с трусиками

спустил до самых колен.

– Этого ты хотела? Так тебе нравилось?!

Я хотел убить её сейчас. Впитаться в её шею зубами, растерзать, уничтожить, чтобы её больше не было. Чтобы не смела смотреть на меня вот так, как смотрела только что. Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Она не сопротивлялась, только сжимала кулачки и губы, и все же болезненный вскрик вырвался, когда я сжал одной рукой худое бледное бедро, а другой тонкую талию с впалым животиком и прижался к ней уже каменным стояком. Её застывшее подо мной тело, едва сдерживаемые всхлипы, смирение и волна отчаянной безысходности заставляли ярость клокотать, требовать наказать её ещё, но тут моя рука оказалась рядом с её, когда я опирался на кровать, чтобы не придавить её сверху, и она вцепилась в неё своей ручкой и уткнулась красным от слёз носом в моё запястье, продолжая сжимать веки, из-под которых уже показались крупные капли.

Я вдруг понял, что она неосознанно ищет защиты у меня, даже понимая, что я делаю с ней... Но стоило мне опустить её талию и двинуться над ней чуть назад, наблюдая, как на бледной коже вспыхивают красные пятна от моих касаний, как она снова судорожно всхлипнула, наверное, решив, что я тоже собираюсь раздеваться, и крепко зажала себе рот ладошкой, продолжая вдыхать мой запах и... дышать... как я её учил каждый раз... Вдох, выдых. Медленный глубокий вдох и снова выдых...

Я не любил Элиссу, даже не испытывал к ней особенной привязанности, (лишь жалость, умиление порой, иногда раздражение).

До этого момента.

То, как она искала у меня защиты от меня же что-то поменяло. Я не мог объяснить, но внутри бушевал уже совсем другой ураган...

Когда всё же отстранился полностью, она даже не пошевелилась. Лежала так, как положил. И продолжала дышать... Лишь руку убрала с моей, наверное, чтобы не мешать её переставить, если захочу...

– Элисса, – позвал зачем-то, уже умирая от осознания ужаса своего поступка, ведь мне нечего было ей сказать.

Она не откликнулась, продолжая смирно лежать, вздрагивать и закрывать свой рот, вжимая ладонь в лицо до белых следов на коже. Не делала попыток прикрыться, попросить прекратить или отползти дальше... Может потому, что не верила, что это поможет? Наверное, она сейчас хотела кричать. Наверное, ей было не только физически больно, но и морально, ведь скорее всего, несмотря на свои предположения она считала, что я не стану причинять вред намеренно... А может надеялась, что буду нежным, если и соглашусь однажды принять то, что предлагала мне прежде...

Не в силах смотреть на неё, бледную, задыхающуюся в тихой истерике, на наливающиеся синяки от моих лап, натянул на неё штаны и вернул на место скомканную на шее майку.

За дверь выла и скреблась её собака.

– Прости, – прошептал и ушёл, впустив к ней прихрамывающего пса.

Тот бросился сразу к ней на постель и принялся лизать плотно сомкнутые веки. Я дошёл до кабинета и опустился в кресло, глядя в пустоту перед собой. Что я только что едва не сделал? А что сделал? Она же теперь...

Горло перехватила ледяная рука ужаса. Закашлялся и сполз на пол. Я же её почти...

Вскочил на ноги, намереваясь бежать обратно, гладить её, обнимать, клясться, что больше никогда не поступлю так. И тут снова перед глазами всплыл образ крошечной полураздетой девочки, зажимающей свой рот, чтобы не кричать, когда стану... Схватился за сердце и вновь осел по стене вниз. Вряд ли моё присутствие сейчас её успокоит.

Чувствуя себя опустошённым, будто все силы выпило разом, доковылял до рабочего стола и открыл камеры. Впервые за это время. А что ещё я мог сделать прямо сейчас?

Хотелось удавиться.

Моя пара всё так же лежала на постели, не обращая внимания на собаку, глядя пустым взглядом перед собой в стену. Она больше не рыдала, но по её щекам катились прозрачные капельки, которые она машинально слизывала с губ и иногда шмыгала носом. Моя маленькая... Крошечная... Беззащитная...

Я всё не мог оторвать глаз от экрана, когда она встала и

как-то механически, без эмоций отправилась в душ. Собака последовала за ней. Но Элисса не смотрела на неё.

Отсчитывал минуты, пока она была в ванной. Наблюдать за ней там было неправильным. Особенно после того, как я сегодня с ней поступил. Но снова боялся, что она что-то сделает с собой. Вернулась спустя минут пятнадцать, может двадцать, и села на самый край кровати, глядя на дверь. Не сразу сообразил, что ждёт, что я вернусь... И что? Что, она думает, я сделаю дальше?

Вызвал домоправительницу из другого крыла дома и попросил передать Элиссе, что я не собирался её никуда отвозить, а сейчас уехал из дома. Не хотел, чтобы она боялась продолжения. Та выполнила всё в точности. В ответ девочка лишь безразлично кивнула ей и села вновь в своё прежнее положение, продолжая гипнотизировать дверь. Не поверила? Или... Или что?

Она просидела так всю ночь, задремав лишь на несколько часов, и я вместе с ней, только по эту сторону монитора. Её голова мотнулась вниз, и Элисса вскочила на ноги, со страхом глядя на дверь. Я же сказал, что уехал... Почему она... хотя бы не заперлась на ключ тогда, если не поверила?

За окном только-только начало светать, щенок в её ногах скулил, может просил еды? Она погладила его по голове, шепнув что-то в волнистое длинное ухо, потрогала повреждённую лапу, осмотрела, снова погладила и затем несмело, то и дело оглядываясь, отправилась на кухню.

Медленно, как на казнь, пошёл туда же. Сил не было не делать ничего. Хотя и что теперь делать я тоже не знал. Понимал, что не она виновата в том, что все мои мечты рухнули, а уж тем более в том, что привыкла ждать подвоха, но наказал-то в итоге её... Ублюдок. Я-таки стал тем, кем она меня считала.

Когда неслышно вошёл, увидел, как сгорбившись, она стояла у раковины и машинально терла бок уже давно чистой кружки губкой. Один, десять, двадцать раз, и, кажется, не планировала останавливаться. Может была всё ещё в шоке или пыталась так успокоиться. Вроде даже не плакала.

Я подошёл ближе, забыв, что она не услышит приближения, ведь её слух отличается от моего.

– Элисса, – позвал тихонько, но всё равно испугал.

Чашка вылетела и разбилась вдребезги. Девочка начала трястись как перед припадком, и я подскочил ближе.

– Тише, тише, это я, не бойся.

Что я несу? Именно меня она сейчас и боится!

– Прости меня, прости, слышишь? – осторожно держал её за плечи. – Я не причиню вреда! Обещаю, маленькая, я не стану делать ничего плохого.

Девочка начала задыхаться, и я вновь и вновь просил её дышать и смотреть на меня, умолял простить и не бояться, хотя и понимал, что если не верила мне прежде, то теперь не поверит тем более. И всё же она немного успокоилась спустя некоторое время. Тогда-то и попросил:

– Скажи хоть что-нибудь. Пожалуйста.

Меня пугало до чёртиков её молчание. Сейчас все остальные мои проблемы казались неважной мелочью. А вот её трясущееся тельце, с которым я повёл себя так грубо и страшно...

И вдруг:

– Мне не нравилось.

– Что?

– Мне не нравилось, что со мной делали там, – выдавила она, а я побледнел.

В груди снова защемило. Она запомнила мои злые слова. И сейчас говорила это так... Лучше бы боялась меня, обвиняла, ненавидела, но не так...

– Элисса, я знаю и не думал так, сказал это от злости и раздражения, прости...

– Мне не нравилось, – повторила она. – Я не смогу так больше. Если Вы... Если Вы отдадите меня...

– Я НЕ ОТДАМ!

– Если отдадите, я умру.

Она продолжала смотреть мне в грудь, не поднимая свой взгляд, наполненный страхом и отчаянием.

– Элисса... девочка моя... я не отдам тебя. Никогда, понимаешь?

И тут заметил, как из её сжатого кулачка капает кровь. Осколок! Она сжимает осколок!

– Разожми руку! Ну же! Что ты делаешь?!

Элисса подняла всё же на меня огромные, полные боли глаза, и не известно, от чего именно было ей больнее, от раны или нашего разговора.

– ...не могу... не получается...

Видимо, очередной спазм.

– Я помогу, не бойся, ладно?

Взял её руку в свою и начал разжимать крошечные пальчики, уже полностью покрытые её кровью. Когда удалось, то сам промыл ладонь под водой и... обработал тем, что было рядом. Своей слюной. Так заживёт быстрее. Она не сопротивлялась, позволив мне водить по её раскрытой теперь ладонке с глубокими порезами влажным пальцем.

– Прости меня, я больше никогда не скажу таких ужасных слов. И не поступлю так, как вчера. Обещаю.

Она кивнула. Хотя не поверила. Как не верила и прежде. Я поднял её лицо, заставляя смотреть в глаза.

– Прости. Я ненавижу себя за то, как поступил с тобой.

Но не увидел злости или обиды. Только та же нескончаемая боль, которую я чувствовал, как свою. Погладил большим пальцем её щечку. Она никак не отреагировала. Смирилась.

Лишь показалось, что качнулась мне навстречу, но тут же отступила дальше на несколько шагов. Сама разрывая наш контакт. Мы стояли друг напротив друга и молчали. Элисса была растеряна и кусала нижнюю губу, стараясь делать это незаметно. Ей наверняка было страшно и неудобно рядом со

мною...

– Если хочешь, то можешь уйти. Не бойся, что я приду в твою комнату. Я не приду.

Развернувшись на пятках, она быстро скользнула к лестнице и вверх. А забежав к себе, заперла дверь на ключ. Я слышал это. И хотелось зверем реветь от её боли и страха.

Глава 37

Вернувшись в кабинет, вновь откинул крышку ноутбука. Мне хотелось скулить у неё под дверью, как недавно Эмин-младший, а не быть так далеко после всего, но моя близость теперь будет пугать её ещё больше. Заметил, что она стоит возле зеркала в полный рост, у шкафа, приподняв свитер и что-то рассматривает там. Стоило ей чуть повернуться, как понял, что именно, и покрылся испариной.

На её талии виднелось тёмное пятно синяка от моей руки. Огромное по соотношению с её комплекцией. И наверняка причиняющее боль... Это сделал с ней я. И нет мне оправдания, объяснения, сколько угодно можно твердить, что ещё довольно долго был терпелив, что с истинными парами мы бываем порой и ещё более несдержанными из-за звериных инстинктов – это верно, но ведь не с Элиссой же...

Стиснул кулак так, что косточки хрустнули. Но продолжал смотреть.

Она нерешительно коснулась повреждённого места кончиками пальцев и... погладила... Что значил этот её жест? Она так жалеет себя? Успокаивает? Что она делает? Я мог установить камеры по всему дому, хоть в каждом углу, но это не помогло мне залезть ей в голову и понять хоть что-то. Вернув одежду на место, девочка подошла к двери, проверила, что та заперта, огляделась, как воровка, будто со-

биралась сделать что-то неправильное, запретное, и приблизилась к постели, вынув из-под подушки нечто тёмное. Какую-то тряпку. Погладила и её. А потом посадила рядом щенка, свернулась калачиком и улеглась щёчкой на эту странную вещь, баюкая свою порезанную ладонь.

Я видел, что она плачет, но уже не в истерике, а как раньше, от безысходности, смирившись, но гладит то свою собаку, то моток тёмной ткани. Мне захотелось пойти прямо сейчас и узнать у неё, что это такое. Но я теперь вообще не имел права ничего у неё спрашивать.

Решившись, перемотал запись на день назад. Потом на неделю. Потом на месяц. И ещё дальше... Сорвался. И весь день только и занимался тем, что следил, как прошло то время у Элиссy, пока мы не общались вовсе.

Видел, как в самом начале она каждый вечер в одно и то же время приходила в гостиную, садясь на край дивана, складывая руки на колени и бросая взгляды на мою часть. Ждала долго, иногда по несколько часов. Потом, низко опустив голову, уходила. Так и знал, что не поверила моим словам, что больше этого делать не стоит, и продолжала.

По утрам неизменно готовила на кухне и оставляла завтрак на середине стола, накрыв салфеточкой. Да, я видел иногда её старания. Но почти перестал завтракать вовсе. А ещё что-то внутри скребло, когда замечал это. Ведь знал, что она не хотела бы это делать, просто считает себя обязанной. Это причиняло мне боль, которую тщательно пы-

тался скрыть. Поэтому обычно её блюдо оставалось нетронутым. Иногда его убирала горничная, чаще выбрасывая, иногда Элисса вечером приподнимала салфеточку за край и смотрела на нетронутую еду, растерянно замирала и... тоже выбрасывала.

А утром готовила снова.

Порой я срывался и съедал то, что она сделала. Элисса очень вкусно готовила. Но еще больше мне нравилось, что она готовила для меня... И в те дни, видя пустую тарелку или её отсутствие, она приходила в гостиную раньше и сидела немного дольше. Может думала, раз принял от неё завтрак, то и туда приду? Но я не приходил.

Это был какой-то нескончаемый месяцами ритуал. Утром готовить мне еду, вечером ждать в гостиной. Она до сих пор не перестала приходить туда, пропустив всего лишь несколько дней, в которые плакала в комнате, как сегодня. А потом возвращалась к привычному распорядку.

В другое время она рисовала. Однажды мне показалось, что на её холсте был мой портрет... Но это вряд ли. С чего бы ей рисовать меня? Наверное, с этого ракурса я просто неправильно увидел, или выдаю желаемое за действительное.

Пару раз выхватил на записи момент, как она подходит к моему кабинету и заносит кулачок, чтобы постучать. Но потом опускает его, начинает дрожать и вновь убегает прочь, оглядываясь, будто стану догонять. Зачем она приходила? Если ей было что-то нужно, просила домоправительницу

обычно.

В день, когда Эрдан был в моём доме в последний раз, они и правда столкнулись в коридоре. Он что-то сказал ей и улыбнулся, она обхватила себя за плечи руками и убежала, не ответив, но затаилась за поворотом, а потом... Элисса подслушала наш разговор... Она стояла за дверью, глядя в дерево и почти не дышала. Наверное, я был слишком занят выяснением отношений, что не заметил её присутствия. А теперь с ужасом пытаюсь вспомнить, что мог сказать в ярости племяннику о ней. Ведь мы совершенно точно говорили о ней...

В момент, когда за дверью раздался шум, наверное, когда я ударил Эрлана, она закрыла себе рот ладошкой и быстро ушла прочь. А потом... это был один из вечеров, когда она не приходила в гостиную и не ждала меня, а плакала в комнате...

И этим же вечером наблюдала за моим разговором с Эрин... Слышала то, как я отзывался о ней, какие страшные вещи говорил, иронизируя, и приняла всё за чистую монету... Она убито вошла в комнату, достала трясущимися руками с нижней полки шкафа халат, положив его на край постели, хотела переодеться сразу, но почему-то передумала, погладив край своей домашней майки ладошкой словно это было что-то живое и очень нравилось ей. Затем присела к щенку и шепнула что-то вроде, что попросит за него и ей очень жаль, и просто ждала, когда я приду, запрокидывая го-

лову, чтобы не текли слёзы. Решила, что верну её в лабораторию, которой нет, позволю ставить над ней эксперименты, а потом... Я попытался смочить пересохшее горло слюной. Не вышло. Язык прилипал к нёбу от кошмара содеянного.

Почти каждую ночь, Элисса долго сидела на своей постели, глядя на дверь. И судя по тому, что к ней в это время никто не заходил, то наверняка думала, что я не сдержу слова и завалюсь к ней пьяным снова. А может просто ждала меня... Надежда всколыхнулась внутри, и погасла. Вряд ли её ожидание было приятным, даже если и правда ждала...

А вот дальше... Её кошмары вернулись к ней почти сразу, как я перестал проверять записи камер. Она задыхалась от истерики, тихо вскрикивала и выгибалась на кровати, как было до появления щенка. Тот пытался лизать её лицо, руки, скулил, но это не помогало. Только проснувшись, она гладила его и плакала... Наверное, вспоминала свои кошмары... А я...

Я бросил её наедине с этим всем... Одну...

Её кошмары стали реже после того, как однажды она украдкой притащила откуда-то и положила под подушку ту самую тёмную вещь. Я не понимал, где она взяла её, и что это вообще такое. Но по ночам, так же как сейчас, проверив, закрыта ли дверь, она гладила её осторожно, как и собаку, и клала рядом с собой. Не знаю, что это, но если это помогает ей успокоиться, то надо притаранить ей вагон этих тряпок.

Переключил запись на «онлайн», пропуская всего одни

сегодняшние сутки, ведь сил смотреть на себя со стороны просто не было, и вцепился глазами в худенькую фигурку, сжавшуюся на постели в полутьме. Выходит, провёл весь день за просмотром видео. Эррин звонила несколько раз, но я сбрасывал. Сейчас самым важным было другое.

Элисса уже убрала ту вещь, наверное, снова спрятала куда-то, вроде спала, и вдруг... из её губ вырвался глухой хрип, а телом завладели судороги, судя по тому, как неестественно откинута её голова. Схватив из ящика ключ, я бросился к ней, даже не думая, что будет, если она проснётся и увидит меня.

Вошёл и сразу же кинулся к ней, начав гладить по влажным от холодного пота волосам, шептать, что всё хорошо и ей не нужно бояться. Эмин, сначала зарычал, а потом наблюдая, как аккуратно пытаюсь помочь, лег рядом, не спуская глаз. Я видел утром, что он ещё хромает. Наверное, ударился, когда я вышвырнул его.

– Прости, друг, мне очень стыдно, – извинился перед собакой.

Пес не ответил, только прищурился и приоткрыл пасть, показывая мне, что не посмотрит на извинение, если я начну делать что-то плохое с крошечной, только-только переставшей трястись девочкой. Она, как вчера, уткнулась в мою руку носом и тихо сопела, иногда вздрагивая и стискивая губы, будто хотела кричать, но не делала этого. Её белокурая с кудряшками макушка оказалась совсем рядом, и я тихонь-

ко поцеловал, не удержавшись, вдыхая знакомый аромат, по которому безумно скучал.

Да, я поступил как редкостный мудака. Решил дать ей свободу, а по факту бросил одну справляться со своими проблемами. Может она подходила к моему кабинету, чтобы... поговорить со мной? Просто поговорить... Я даже не подумал, что она не общается ни с кем, кроме собаки. Что перестав видеться с ней, лишил её единственного, с кем она хоть как-то говорила, оставил в полной изоляции... Как же ей было одиноко. И страшно. В чужом ей доме, где хозяин ведёт себя отстранённо. Ведь она могла подумать, что я захочу избавиться от неё, раз не принимаю ничего в качестве оплаты за заботу и кров, хоть и сказал обратное.

И эти её слова сегодня... про то, что не нравилось... Как я мог вообще сказать ей такое?! Кажется, это даже хуже чем то, что сделал. Правда. Я попытался взять силой её тело, но этими словами... вонзил клинок прямо в душу, а потом ещё и наплевал туда.

Сквозь сон Элисса завозилась, сжала кулачки и, прижавшись к моей ладони, прошептала неразборчиво:

– Не отдавайте... меня... только... не... отдавайте...

Какой же я урод. Она даже во сне говорит только со мной. Просит защиты. А я... отдал. Отдал её ночным кошмарам. Одиночеству. Страхам...

– Я не отдам больше, слышишь? Обещаю. Подохну, но не отдам, моя маленькая...

Весь день я вновь называл её так, а ещё... чувствовал что-то странное внутри. Что-то, что тянуло к ней сильнее, чем наша связь. Что заставляло думать только о ней. Разглядывать её сейчас, подмечая, что она не поправилась ни на грамм. Что её щёчки остались такими же бледными, как и были... Но черты лица теперь казались другими... Я никогда прежде не замечал, что Элисса очень красивая...

Глава 38

Я ушёл ближе к рассвету, по камерам дожидаясь, когда она проснётся и начнёт готовить мне завтрак. Был уверен, что сделает это даже после всего. Может потому, что этот ритуал был нужен ей, чтобы занять себя хоть чем-то и не сойти с ума от одиночества и бездействия? И оглядываясь, замирая после каждого шага, она действительно пришла.

Привыкшая к её распорядку дня домоправительница в это время старалась заниматься делами в других комнатах, потому что Элисса относилась к ней по-прежнему настороженно, и мудрая оборотница старалась её не тревожить.

Мне было не по себе приходиться туда, ведь казалось, что своим поступком я сломал даже то малое, что ещё можно было спасти прежде. Но теперь продолжать оставлять её одну просто не мог. У входа на кухню намеренно старался идти громче, чтобы не пугать неожиданным появлением, и вроде бы получилось, потому что она хоть и не ожидала моего появления, но уже была осведомлена, что я рядом. Когда вошёл, Элисса стояла у плиты и смотрела на дверной проём.

– Доброе утро, – я попытался изобразить улыбку, но вышло хреново.

– И Вам, – тихо отозвалась она.

– Я не помешаю тебе, если останусь? – и сразу уселся за стол.

– Только... у меня ещё не всё готово.

– Это ничего, я подожду или могу помочь, если хочешь.

– Спасибо, но... если можно, я сама. Я быстро...

И её движения из спокойных и привычных стали суетливыми, резкими.

– Тише-тише, не торопись. Я сегодня уеду чуть позже.

– Извините.

– Я просто хотел побыть с тобой.

Она бросила на меня нахмуренный взгляд, очевидно не понимая, что хочу от неё. Но я сидел далеко, не подходил близко, не трогал и вроде как не очень пугал. Мне казалось, что после вчерашнего она будет рыдать только от одного моего присутствия. Но понять Элиссу невозможно, и вот она вроде бы ведёт себя как раньше.

Затем, окончательно наглея, я попросил её позавтракать со мной. И она снова не отказала, собрав на стол. Села конечно чуть дальше, чем хотелось бы, но не дрожала. Лишь кусала нижнюю губу, будто сдерживалась, чтобы...

– Хочешь спросить что-то?

Она кивнула. Но почему-то сегодня вот эта её нерешительность, опасения меня больше не раздражали, напротив, казались такими трогательными...

– Спрашивай, Элисса, – голос прозвучал непривычно ласково. Последние почти полгода я так ни с кем не говорил.

Вообще думал, что она снова начнёт у меня выяснять перспективы своего будущего, но оказалось, что волнует её дру-

гое сейчас.

– Я просто... Ваш племянник... с ним что-то...случилось?

Хотел соврать, чтобы не беспокоить. Но подумал, что поступал неверно раньше, считая её несмышлёным ребенком. Элисса хоть и молоденькая, но девушка, которая столько перенесла, и всё ещё борется. Хоть и иногда получается очень плохо, но это моя вина... И вот получается тоже переживает о том, что важно мне.

– С ним сделали то же, что делали с другими оборотнями в лаборатории. Он больше не имеет человеческого разума.

Её личико стало совсем грустным, а руки сжались в кулачки.

– Ему можно помочь?

– Мы постараемся.

– А тот... Ваш друг...

– Пока не вышло. Но да, с ним то же самое.

Неожиданный вопрос застал врасплох.

– А с Вами такое не случится?

И я немедленно попытался успокоить. Хотя может ей и хотелось бы обратного...

– Нет, со мной нет. Я осторожен.

Она кивнула.

– Теперь можно мне спросить тебя?

Снова кивок, хоть и удивилась, что спрашиваю разрешение.

– Тебе больно?

Элисса кинула взгляд на своё бедро и чуть поморщилась.

– Только честно. Я же был честным с тобой.

– Не очень, я потерплю, – солгала.

Я же видел, как утром снова гладила свои синяки и чуть прихрамывала, когда думала, что не смотрю на неё.

– Горничная принесёт тебе мазь, обещай мне, что воспользуешься ею? Станет не так больно и пройдет быстрее. Обещаешь?

– Да...

– Элисса... я ещё хотел сказать... То, что ты слышала в моих разговорах с Эрданом и Эррин... Это неправда. Я никогда не думал о тебе плохо и не собирался делать ничего плохого, тем более отдавать. Говорил так, чтобы они отстали. А вчера... когда племянник пришёл в таком виде... сразу понял, что будет сложно помочь, и был очень зол... Это не касалось тебя. Ты ни капли не была ни в чём виновата. Но я сорвал злость на тебе. Мне ужасно стыдно и больно от этого. Я благодарен тебе, что ты сейчас тут, со мной, но... Если тебе противно, то я пойму...

Она смотрела на мои руки на столешнице и молчала.

– Скажи что-то?

– Вы больше не злитесь и теперь снова станете говорить со мной?

– Я и не злился на тебя, но если ты хочешь, то конечно стану. Мы можем говорить много. О чём захочешь. И когда

захочешь.

– Хорошо...

– И как это связано? – не сразу уловил её мысль.

– Если Вы будете говорить со мной, то...

Она замолчала, но выглядела так, будто и боится, и рада одновременно. И я вспомнил кусочек её прошлых просьб *«если хотите, бейте тоже, кусайте, только не оставляйте»*... Блядь... Элисса собирается принимать от меня грубость безропотно, лишь бы не бросал? Думает, стану причинять ей боль, пугать, а потом говорить с ней обычно, как сейчас, не отдавать, и мы в расчёте?

Закашлялся... Сердце пропустило удар. Потом ещё один.

– Вам плохо?

Девочка поднялась и подошла ближе, обдавая меня своим ароматом. Я машинально схватился за её ладонь, пытаюсь успокоиться и прекратить думать о том, о чём думал только что. Когда смог прийти в себя, то усадил её обратно на стул и нехотя отпустил, погладив легонько тонкий шрамик от вчерашнего осколка.

– Я буду говорить с тобой просто так. Ты ничего мне за это не должна. И я не стану делать тебе больно.

– Вы же не специально...

Звучало так, будто она пытается оправдать меня от безысходности. Вроде как, раз ей больше не с кем общаться и защищать её, то нужно найти способ оправдать меня, чтобы не остаться одной. Хреновая перспектива.

– Да, я сделал это не специально. Но это не уменьшает моей вины перед тобой.

– А...

– Говори, не бойся.

– А Ваша... женщина... не рассердится, если узнает?

Элисса вновь обняла себя за плечи, не глядя на меня.

– Женщина? Ты про Эррин? Она... не моя. Просто помогает нам в центре.

Пара отводила взгляд и явно не верила, но посчитав, что она может бояться, что «моя женщина» прогонит её или причинит вред, я всё решил объяснить более доходчиво.

– Элисса, ты – моя жена по нашим правилам и по закону. Это значит, что твой статус почти равен моему. Ни одна женщина, ни здесь, ни где-либо ещё не будет иметь никакого права сердиться на тебя из-за меня.

– Это же не...по-настоящему...

– А если я попытаюсь стать тебе настоящим мужем, разве ты не станешь плакать и бояться?

Она помолчала, словно обдумывая, а потом выдала своё решение:

– Если нужно, я... постараюсь не плакать... и кричать не буду, если станет больно... Я... потерплю...

Ужасные слова. Меня выворачивает от этого. Те твари сломали её. Нет силы, нет характера, нет личности... Только смирение. И мне хочется вырыть и закопать их снова. А потом найти других, кто хотя бы смотрел на неё косо, и вырвать

их глаза, и языки, которые говорили ей неприятные вещи, но ведь... тогда и с собой мне нужно сделать тоже самое. Разве я хоть чем-то лучше?

– Я не хочу, чтобы ты терпела. И больно я тебе не буду делать.

Она машинально положила ладошку туда, где был синяк от моей хватки, когда набросился на неё вчера.

– Этого больше не повторится. Я никогда не сделаю так снова.

– Я почти не плакала...

Она доверчиво подняла на меня глаза, будто ждала одобрения. Словно бы я должен похвалить её за это. Сказать, что она молодец, что была послушной, пока... И я не выдержал, кинулся к ней и осторожно обнял, поглаживая по напряжённой спине.

Элисса не была обычной ни в одном из смыслов. То, что произошло с ней, сделало из неё морального калеку, я это прекрасно осознавал. И то, что мир она видит иначе, и что несостоявшееся вчера насилие, которое она вообще-то от меня и ждала, ей проще принять, чем поверить в мою бескорытность. Она боится моей ласки, а вот грубости как раз ждёт, и даже готова её принимать взамен на защиту.

И не мне судить её, потому что я здоровый мужик с умеренной силой, а она крошечная девочка, которая вообще никому не может дать отпор. Как-то уже говорила ведь, что лучше я, чем отдал бы другим. Она просто выбирает из всех

возможных жутких вариантов тот, который ей кажется хотя бы терпимым. И я вот совсем не уверен, что смогу доказать, что теперь всё изменилось...

Но всё же придётся каким-то чудом это сделать, потому что, как показали дальнейшие события, я не всегда смогу быть рядом с ней.

Глава 39

Весь день я не мог нормально работать и думать о делах. Бесцельно бродил по кабинету офиса, который уже передал племяннику, но теперь пришлось занять самому вновь. Потом поехал в загородный дом, где Эррин не сказала мне ничего нового по поводу Эрдана. И всё же нашёл в себе силы встретиться с ним и опять попытаться поговорить. Да, знал, что это бесполезно, но мозг такая штука, что отказывается верить в самый худший расклад, надеясь до последнего на чудо. Пусть в него я уже и не верил, но хоть попробовать-то должен был. Попробовал.

Однако моё рассеянное состояние сегодня было обусловлено вовсе не сложившейся ситуацией в прайде, которая накалялась с каждым часом, не то что днём, не потерей единственного, кто мог меня заменить на посту главы без кровопролитного перетягивания власти от одного члена прайда к другому. Нет. Дело было в Элиссе.

Получив всего капельку общения с ней, я как наркоман, хотел ещё и ещё, едва сдерживаясь, чтобы не бросить всё и не кинуться к ней. Или не залипнуть в монитор с записями камер, на которых есть она.

Было сложно держаться всё это время, но теперь просто невозможно. Так и знал, что если дам слабину, потом обратно уже не соберусь. До зуда в ладонях хотелось обнимать её,

трогать, целовать, усадить на колени, чтобы быть ближе, а потом...

Размечтался.

Сегодня, когда я обнимал её, она снова замерла как кролик перед удавом, задержала дыхание и просто ждала, что стану делать дальше. Ни звука, ни движения. Словно куколка была в моих объятиях, а не живой человек. Только её сердце бешено стучало об мою грудную клетку, и иногда вырывался судорожный вздох. Но стоило отпустить и извиниться, как она снова сделала вид, что ничего не было, просто принялась убирать пустую посуду. Вроде как позволяла мне себя трогать через силу, раз мне так нужно, но пыталась создать видимость, что это ничего не меняет – груб я с ней или нежен. Только хоть и выглядит так, словно в закрытую дверь стучусь, но это в любом случае лучше, чем истерики. И всё равно чувствую, что неумовимо что-то изменилось между нами за это время. Может не только я один скучал по Элиссе, но и она хоть немного по мне самому, а не просто возможности с кем-то общаться?

Утром напоследок у нас состоялся ещё один разговор. Меня не слишком уж напрягало её обращение ко мне, странно немного и, естественно, хотелось бы другого, но всё же вот это её «Выканье» вкупе с тем, что она вообще ни разу меня даже по имени не назвала, создавало ощущение, что воспринимает меня не просто как чужого, а едва ли не как хозяина что ли, который распоряжается её жизнью и держит взапер-

ти. И вот это нервировало. Поэтому я всё же задал вопрос, который мучил уже давненько.

– Элисса, а почему ты не зовёшь меня по имени?

На бледных щеках едва ли не впервые вспыхнул румянец смущения.

– Я... – она закусила нижнюю губу, заставляя меня вспомнить, что передо мной – не просто милая девочка, о которой я забочусь, а моя пара... к которой тянется мой зверь и, кажется, я сам. Стало как-то даже жарче в помещении что ли... Хотя ей вот точно холодно, почти всегда в тёплых брючках и свитере, в носках шерстяных... – Не знаю... как Вас зовут...

И только тут я сообразил, что ведь и правда ей ни разу не представлялся. Сотрудники все звали «шеф». А за всё время при ней может пару раз кто-то и назвал по имени, но как правило, при чужих она была не в себе и вряд ли могла понять, что это и есть моё имя (кстати, наверное не самое обычное для людей) или запомнить, даже если поняла.

– Эрнард.

Знакомиться спустя больше года совместной жизни, а тем более после последнего происшествия было странно. Но у нас же всё с самого начала не по нормальному. Поэтому лучше поздно, чем никогда.

– Эрнард... – повторила она, пробуя, и я ощутил, как внутри разрастается приятное томление от того, как моё имя звучит её голосом. – Мне можно Вас так называть?

– Конечно. Я не подумал представиться сразу, извини.

– Мне было неловко спросить у кого-то, – призналась она. – У Вас тоже. Думала, может, Вы не хотите, чтобы обращалась к Вам по имени.

– Я хочу, Элисса.

Она кивнула. А я хотел бы не только, чтобы она звала меня так... но и ещё много чего, что пока мне может только сниться. Даже такую элементарную вещь упустил из виду, стоит ли удивляться, что в серьёзных вопросах мы ещё далеки друг от друга как никогда?

Вечером вернувшись домой, нашёл её на привычном месте на диване в гостиной. Она обернулась на шум и сразу же отвернулась, случайно встретившись со мной глазами. Я подошёл и сел со своей стороны. Она молчала, я не знал, как начать разговор.

– Посмотрим фильм? – предложил, не придумав ничего лучше.

Элисса кивнула. Но как и прежде не смотрела в экран. Иногда даже закрывала глаза и глубоко вздыхала, сцепив руки на коленях. Мне казалось, что делает это... с облегчением что ли...

Спустя полтора часа, когда мы так же молча просидели все титры, она поднялась и застыла, видимо, не понимая, уже можно уходить или нет. Тогда я тоже встал и подошёл ближе:

– Тебе передали мазь?

Кивок.

– Стало лучше?

Элисса замялась и выдавила через силу:

– Я забыла её взять.

Солгала. Я точно понял, что солгала. Но зачем? Ей же больно. И выглядит это всё ужасно. Неужели ей так нужно это свидетельство моего ужасного поступка, чтобы помнить, каким уродом я могу быть? Уже собирался отчитать её, что терпит боль, когда снова вспомнил, что вообще-то передо мной не маленькая непослушная девочка, которую нужно воспитывать. Кто я такой, чтобы выражать ей своё недовольство? Я ведь ей всего лишь... муж?

– Идём, я помогу тебе.

Она резко подняла голову, и судя по испуганному взгляду, эти слова для неё стали такой же неожиданностью, как и для меня. Вообще не понял, как такое ляпнул.

– Если ты не против, – попытался смягчить уже сказанное.

В конце концов не собираюсь же делать ничего плохого. А иначе, кроме как убедившись в этом, она не поверит ведь. Так и будет вечно ждать повторения моего безумства.

Элисса пожала плечами и медленно направилась по лестнице вверх. Я шёл сзади так же молча и чувствовал, как она боится, но снова пытается смириться с тем, что будет дальше. Только утром обещала же «потерпеть».

В комнате она неловко остановилась у постели, глядя в пол. Рядом тут же материализовался Эмин с предостерегающим рыком.

– Всё хорошо, – шепнула она ему, успокаивая.

– Да, всё хорошо, – подтвердил я, пытаюсь развеять её опасения. – Мы просто обрабатываем гематомы, чтобы они скорее зажили. И всё.

Сам взял баночку с тумбочки и шагнул к ней, оказываясь на расстоянии вытянутой руки.

– Приподнимешь свитер? Немного...

Старался говорить мягко, может от этого в голосе прозвучал какой-то не очень приличный подтекст. Но она послушалась и скомкала ткань под грудью, обнажая живот с огромным синим пятном. Я просто ублюдок...

Опустился перед ней на колени и коснулся повреждённой кожи кончиками пальцев с мазью, на которую предварительно подышал, согревая, чтобы не было неприятно от холодной субстанции. По её телу пробежали мурашки. А я раз за разом проводил осторожно по её талии, выступающей тазовой косточке, части живота, замечая, что её тело покрыто тонкими светлыми волосками, делая прохладную кожу бархатной... Так хотелось поцеловать её там и потом спуститься ниже, чтобы сгладить боль, чтобы заменить её дурные воспоминания приятными и забыть самому... Но к счастью, я очнулся, убирая от неё загребущие лапы.

Элисса по-прежнему не смотрела на меня, делая вид, что её здесь нет. Я прочистил горло.

– Можешь опустить.

Свитер вновь раскатался почти до середины бедра. Кстати, о нём. Мне так и попросить Элиссу прямым текстом

снять штаны?

– Не было больно?

Отрицательно покачала головой.

– Давай обрабатываем вторую?

Она замялась, но натянув свитер ниже, опустила брючки до колен. И вспышкой в моём мозгу появилось воспоминание, как сдирал с неё одежду я. Как говорил ужасные вещи...

– Ты сядь, так будет удобнее.

Элисса присела на край кровати, теперь глядя в окно, чтобы не видеть, как я вновь опускаюсь перед ней на пол и оказываюсь совсем рядом. Так, что даже моё дыхание касается её шеи и груди, шевеля прядку кудрявых светлых волос, когда наклоняюсь. Она плотно стискивала худенькие колени и бёдра, так что я не питал иллюзий, что ей могут нравиться мои прикосновения. Снова боится. И старается быть послушной... Но как же это приятно – трогать её...

Когда закончил, ещё на пару минут застыл, рассматривая её лицо. Так близко. Что видно, как сквозь тонкую бледную кожу проглядывают кое-где капилляры. Втянул носом её запах... Невероятно вкусно.

Элисса подмечала всё, что я делаю, уверен. Хоть и с максимально отсутствующим видом. Но по крайней мере не дрожала сейчас, лишь была напряжена, ждала, но не поддавалась пока панике. Уже неплохо. Чтокинется мне на шею, я и не рассчитывал, хоть и не отказался бы.

И тут заметил, как выглядывает из-под подушки уголок

тёмной материи. Любопытство пересилило всё остальное. Даже не подумал, что это может быть что-то личное, и потянул за край на себя.

Глава 40

Глядя на тёмный прямоугольник, никак не мог сообразить, что это. Повертел в руках. Но в этот момент Элисса повернулась и тоже увидела мою находку, из-за чего сразу отшатнулась и попыталась встать. Запнувшись о свою же одежду, едва не упала и села обратно, глядя на меня с ужасом.

– Я не крала!

Мне бы для начала сообразить, что это вообще, про кражу и не думал. Сбоку прорезь... Наволочка? Она хранит под подушкой наволочку? Не *на* ней, а *под*? Эээ... Зачем? И это её она гладила и обнимала по ночам? Её серьёзно успокаивает постельное бельё?

Нет, я понимал, что Элисса немного странная, но... На хрена ей запасная наволочка?!

– Зачем тебе это? – протянул находку своей паре. И кажется уже приучился свои истинные эмоции прятать за спокойным голосом и невозмутимым видом.

Молчит. Только смотрит огромными испуганными глазами.

– Скажи, зачем ты её взяла?

Вообще Элисса сейчас выглядела так, будто совершила самое страшное преступление. И мне понять бы, что в этом такого ужасного она видит.

– Я не крала. Я не... Простите меня... Простите. Я больше

никогда не возьму Вашей вещи, не трону даже...

Моей? Эта штука моя? В теории я понимал, как выглядит постельное бельё вне кровати, но ни разу не покупал и не заправлял его сам. За меня это всегда делал кто-то. Поэтому и пришлось раскидывать мозгами, что за тряпичный прямоугольник прячет как величайшую ценность моя девочка. Так ещё и утверждает, что это моё. Только я едва ли запоминал, как выглядит моё постельное бельё. Ну, видимо, вот так.

– Вопрос был о другом. Зачем это тут?

И как это тут оказалось.

– Мне... нравился её... запах... И я взяла... Но я... не крада. Я бы вернула... Честно... Только потом... Простите.

Чего, блядь? Запах белья? Но как? Порошки и химия у нас специальные все, без аромата, чтобы не портить нюх. Что ей может нравиться тогда?

– Тебе понравился запах наволочки? – скептицизм всё же просочился, а бровь произвольно поднялась.

Элисса покраснела, но промолчала. А я поднёс вещь к самому носу и вдохнул поглубже. Это же... Это мой запах? Он ещё оставался, но был слабым даже для нюха оборотня. За несколько месяцев-то... Как тогда она может чувствовать?

И если эта штука пахнет только мной, то... Так ей нравится мой запах? Мой?!

Посмотрел ей в глаза, получая подтверждение своей догадки. Элисса точно взяла её не случайно в ворохе белья.

Так поэтому она утыкалась носом в моё запястье, когда я... Она так успокаивается? Мной? Собственнические инстинкты встали на дыбы.

Ей. Нравится. Мой. Запах.

Для таких, как я, это значит очень много. Мы же в основном и ориентируемся на нюх. И вот, например едва уловимый аромат Элиссy вызывает у меня желание... Да просто желание. Всего. С ней.

Внутри ощутил нечаянную радость. Что-то во мне может нравиться ей... Может, и я тогда смогу. Моя...пара... Моя девочка...Моя... Даже наклонился ближе к её лицу непроизвольно, но пришёл в себя, когда она пискнула в очередной раз:

– Простите.

– Где ты её взяла? – не удержался, чтобы не спросить.

Представить Элиссy, украдкой стягивающую постельное бельё из моей комнаты, было непросто... Я не смог. Да и почувствовал бы, что она заходила. Девочка же вновь покраснела. И как-то сразу подумал, что ведь это хороший знак, а то всегда бледная. Но взяв себя в руки, всё же ответила.

– Там...

Исчерпывающе. Не придерёшься. Видимо, она и сама поняла.

– Ваша... горничная... приготовила стирать, а я... хотела помочь... и потом...просто взяла... Но не крала.

Так это из постирочной она притащила эту штуку тогда?

Благо, белье меняли вроде раз в неделю и грязным оно не было, но всё равно, не смотря на радость, что ей приятен мой запах, всё это было, мягко говоря, необычно... Такое мне бы в голову не пришло точно.

Может, ей было так одиноко, что она взяла её, чтобы успокаиваться хоть так? Чтобы была хотя бы иллюзия, что она не совсем одинока и рядом кто-то есть? Что рядом есть я... Может она даже скучала по мне?

И хоть мне было жаль, что оставил её одну надолго, но снова улыбка сама собой расплывалась на моём лице, хоть и усиленно сопротивлялся ей. Это было непривычно – улыбаться, но ведь такой повод. Ещё вчера я понял, что могу быть нужен ей, но сегодня... Захотелось опять обнять её и сказать, что тоже хочу взять себе хотя бы её вещь, если не её саму целиком...

Выходит, она несколько месяцев спит на моей наволочке. Да, звучит по-дурачки, но ведь по сравнению со всем остальным, это просто невероятный прорыв. Никогда мне не приходилось добиваться расположения женщины, и хоть Элисса не очень тянула пока на звание вот прямо «женщины», но получить хотя бы кроху её, пусть даже такого странного, внимания было приятно. Зверь внутри тоже был доволен. Даже пришло в голову вообще предложить ей ночевать вместе... Но это я, конечно, тороплюсь. Рано.

Аккуратно сложил всё, как было, и спрятал обратно под подушку, поймав её обескураженный взгляд.

– Ты можешь брать в этом доме что угодно, не спрашивая меня и не возвращая потом. Я не против. Могу принести тебе ещё, если хочешь.

Да хоть каждый день готов ей их новые таскать. Но она покачала головой.

– Элисса, ты не сделала ничего плохого.

– Вы наверно... думаете, что я... воровка...

Вообще-то единственное, что сейчас думаю, что может уже хоть немного нравлюсь ей? Но ведь не расскажешь, как есть.

– Неправда. Здесь всё твоё тоже.

Тут мой взгляд упал на её голые острые коленки. Зачем я на них посмотрел? А это что? Синяки? И на коленях? Но я же ничего такого не делал вроде... Провёл большим пальцем по ним и взглянул на неё.

– Это ещё откуда?

Получилось строже, чем собирался спросить.

– Это мы с Эмином...

– Что он тебе сделал?!

Я успел закипеть, пока она не объяснила, что, общаясь с собакой, сидит на полу на коленях и иногда от этого появляются синяки.

– Завтра тебе принесут ковёр.

– Не нужно, спасибо, ему будет не очень удобно... он...

– Договаривай.

– Я... простите... ничего...

Смотри-ка, не сдаёт его. Что он сделает? Сжует ковёр? Этот может. Он уже погрыз ножку стула, я заметил прекрасно. Но делал вид, что нет, потому что Элисса, когда стояла рядом, старательно пыталась загородить её собой. С её комплекцией это само по себе было провальное мероприятие...

Эмин, будто подтверждая мои мысли, что чувствует себя тут слишком вольготно, чихнул, перестав внимательно следить за нами, а потом самым наглým образом взобрался на кровать и улегся на колени МОЕЙ, на минуточку, пары, всем видом показывая мне, что находится под её защитой. Это Элисса могла не видеть или не понимать, что я ощущаю к ней, а ушлый пёс прекрасно соображал, что никогда не пойду против её желания. Даже, если она будет защищать его. Ах ты...

Чтобы насолить ему и показать, чья всё-таки Элисса, поддавшись глупому порыву, я погладил её костяшками пальцев по пылающей щеке, чем вызвал растерянный вздох. Пёс фыркнул и, прищурившись, не сводя с меня тёмных глаз, лизнул её бедро. Мне показалось, что сделал это с насмешкой.

Но уел, комок шерсти.

Так, как он сейчас, я сделаю нескоро...Моя девочка теперь переводила взгляд с меня на свою собаку и растерянно гладила... Его, конечно. Не меня. К сожалению. Поэтому он смел бросать на меня снисходительные взгляды, но принимал невинный, жалобный вид, стоит ей на него посмотреть.

Вот... Зато по ночам она гладит наволочку, на которой спал я!

Мне захотелось показать щенку его место. Всё же он живёт в *моём* доме, рядом с *моей* парой, и ей нравится, как я пахну. То-то же. Не то, что некоторые, псиной. Чтобы он перестал выглядеть так радостно и нагло, хотелось зарычать на него, но ведь это испугает Элиссу, и он это знает, блохастый пройдоха, поэтому и выглядит так безмятежно.

Стоп. Я её к собаке ревную? Приехали...

Глава 41

Думать, что я нужен Элиссе, было приятно. Очень. А ещё из-за этого мне сегодня снова снились неприличные сны с ней в главной роли. Хотя по сравнению с моим прежним опытом, сны были максимально целомудренны. Похоже, даже там мой мозг не может позволить представить что-то слишком развратное с ней. Было ли дело в том, что она пережила, или в том, как выглядела, но мне казалось, что даже мыслями подобными могу её испачкать, обидеть. Осталась только одна проблема...

Выяснилось, что чтобы проснуться возбуждённым, чего со мной с юности не случалось, достаточно представить на ночь, как Элисса гладит мою наволочку своими нежными пальчиками. Может я извращенец, раз эта картина вызывает во мне желание? Или просто... Вот сколько я уже не спускал пар «на стороне»? Несколько недель, наверное. Только после того, как выяснил, что она обнимает вечерами мою вещь, мне как-то противно было идти к другой... И до этого было, но теперь как-то особенно мерзко.

Даже испытывал чувство вины. Она оставалась в одиночестве всё это время, может скучала по мне, на что не переставал надеяться, а я пытался забыть с кем-то. Трахал чужих баб... М-да. Герой, блядь. Обычно после встречи с истинной парой, у оборотней такая необходимость отпадала

вовсе, ведь рядом была та самая единственная, а у меня всё через одно место.

Холодный душ не помог. Эрекция исчезать отказывалась. Интересно, мне вот так на завтрак и явиться с гордо поднятым прибором? Доброе утро, Элисса... Твою же ж...

Скрепя зубами и уперевшись лбом и рукой о кафель, обхватил напряжённый член ладонью, представляя совсем другую... Нежную и крошечную... Дожил. Дрочу в ванной, как сопливый юнец. Струи ледяной воды били по спине, а я, прикрыв глаза, вспоминал ощущение касаний к её коже, её запах, её неровное дыхание и... закусенную нижнюю губу...

Блядь.

Отдышался. Обтёрся полотенцем. Оделся. Ну вот. Так и не скажешь, чем занимался пару минут назад. Как же запахло. Но стоило войти на кухню, как показалось, что Элисса как-то поняла, что я делал, и не захотела меня после этого больше видеть, потому что здесь её не было. А по времени должна была быть...

Нет, это уже паранойя, конечно. Она не могла узнать.

На столе привычно стояла тарелка, накрытая салфеткой. И судя по остаткам витающего в воздухе аромата, она ушла довольно давно. Почему? Я вчера не позволял себе лишнего. Лишь напомнил ей, что это наш общий дом, в котором она может брать что угодно и где угодно, взял обещание не забывать про мазь, и всё... Вроде. Я больше не косячил. Не трогал лишнего, не смотрел пристально, не говорил строго.

Да я был просто шёлковым! Даже сегодня с утра вот нарядился в дебильную пижаму со слониками, уже и не думал, что снова пригодится. А пригодилась. Чтобы не пугать её. И что? Какого хрена сейчас происходит?

Вышел в гостиную и на краю дивана нашёл постиранную, сложенную аккуратно тёмную наволочку. Что это за новая сцена? Даже обидно стало, что она её так вернула. Я, как последний идиот, вчера радовался, что нужен ей, а сегодня она даже видеть меня не хочет и эту штуку вон унесла из своей комнаты... Но что изменилось?! Да, я повёл себя до этого как ублюдок, но вчера же всё было нормально... Неужели мне снова только показалось?

Изнутри поднялась звериная ярость. Вот это ощущение, что теряешь снова пару, что она ускользает из рук, что снова все мои слюнявые мечты и даже дрочка в душе, до которой опустился из-за неё – это всё зря. Да блядь!

Поднимался по лестнице через три, а то и четыре ступеньки. И всё же постучал в дверь её спальни. Только вошёл сразу, зная, что она не отвечает на стук. Элисса сидела за столом у окна и сразу встала при моем появлении. На меня не смотрит. Просто великолепно! Выдохнул, успокаиваясь.

– Привет.

Она кивнула.

– У тебя всё хорошо?

Опять кивок.

– Что-то случилось? – когда уже закончится этот вечный

ребус?

Отрицательное качание головы. Я приблизился, стараясь двигаться медленнее.

– Элисса, объясни, почему ты меня избегаешь?

Девочка отводит глаза.

– Ещё вчера ты вроде не пыталась от меня прятаться, что изменилось? Я тебя опять обидел?

– Нет.

И снова губу свою закусывает и плечи обнимает.

– Тогда что случилось?

Мне кажется, или в её глазах слёзы? Блядь. Почему?!

– Элисса, что случилось? Расскажи, я не буду злиться, если ты за это переживаешь.

– Будете.

А вот это уже интересно.

– И что же ты натворила такого? – даже усмехнулся. После того, что натворил я, она могла спалить к чертям весь дом вместе со мной и была бы права.

– Я... не заслуживаю Вашей заботы...

Опять двадцать пять.

– Это не так, но мне хочется услышать твою версию.

– Я не должна была брать Ваши вещи и... Вы правильно не говорили со мной... Я думала, Вы узнали и злились, поэтому... Но вчера я поняла, что Вы не знали.

– Что я не знал?

– Только Эмина не прогоняйте... пожалуйста. Он не ви-

новат.

ДА ЧТО ЖЕ ТАМ ТАКОЕ УЖЕ?!

– Элисса... – если кто-то в прайде услышит мой голос таким, в обморок упадут. – Говори, я не стану никого прогонять, ни тебя ни Эмина. Вы мне... нравитесь. Оба.

Почти правду сказал. Эмина терпеть не могу.

– Ну же, давай... – приготовился.

– Я...

– Смелее.

– Я... пыталась Вас... убить... – она пригнулась немного, вытягивая голову в плечи.

Фух.

– Всего лишь это?

Пара подняла на меня недоумевающий взгляд. Блядь, почти выдал себя.

– Я имел ввиду, что даже если пыталась, я же жив, значит не считается.

– Но я...

– Лучше скажи, зачем?

– Вы тогда... пришли ночью... и испугали меня... я не хотела, чтобы Вы... меня...

– Понял. А почему не убила?

– Вы... спали... это было бы... нечестно.

– Вот как.

М-да, я рассчитывал хотя бы на жалость, если уж другого не было.

– И ещё... подумала, что меня всё равно поймают и...

Едва успел спрятать горькую усмешку. По крайней мере сейчас честна со мной на все сто процентов, ведь могла соврять что угодно. И не рассчитывал тогда, когда увидел эту сцену на камерах, что могла чувствовать что-то ко мне именно. Но вот так в лоб слышать правду было не слишком приятно. И всё же погладил её по щечке подушечкой большого пальца.

– Элисса, я не злюсь.

Она посмотрела с недоверием. Ну да, я бы тоже не поверил.

– Честно. Я же живой и здоровый. Значит, всё хорошо. Или ты планируешь позже закончить начатое?

– Нет! Я не... Нет, конечно. Простите, я даже не думала, я...

– Тише-тише, маленькая, – не выдержал и придвинулся ближе настолько, что теперь её заполошное дыхание щекало мне кожу где-то на стыке рёбер. Рука сама запуталась в её волосах, поглаживая, путая.

– Если я или кто-то другой сделает тебе больно в следующий раз, и у тебя будет возможность убить, то убей, Элисса. Серьёзно.

Она запрокинула голову, чтобы видеть мои глаза. Но вот я теперь не мог не смотреть на её губы... Я только... Разочек... Наклонился, но заставив себя очнуться, в последний момент изменил траекторию и поцеловал её только в уголок рта. Моя

крошка выдохнула, и я успел поймать своими губами этот её выдох...

Блядь. Снова в душ идти?

Тут Элисса отшатнулась, заметив бугор под моими пиджамными штанами. И что мне делать, опять попытаться со-
срать ей? Интересно, во что она может поверить? Что у меня
в кармане поллитровая бутылка воды всего лишь?

– Тшшш, я не сделаю ничего. Обещал же тебе, что больше никогда не стану причинять боль. И только что разрешил убивать, если что. Даже если ты замечаешь мою на тебя реакцию, я держу себя в руках. Правда. Понимаю, что после случившегося в это сложно поверить, но это так. Ты очень мне нравишься, Элисса, но это не значит, что я стану заставлять тебя что-то делать или что-то терпеть.

Она опустила голову вниз и всхлипнула.

– Что теперь случилось?

– А когда... – девочка сжала кулачки.

– Когда что?

– Когда Вам... найдут... другую... хорошую пару... что Вы... сделаете... со мной?

Я растерялся, пока не вспомнил, что эти жуткие слова и говорил Эрдану, когда она подслушивала. А за базаром-то следить нужно. Трепло. Но ответить не успел, потому что следом меня огорошило другое.

– Можно я тоже останусь? Я... буду готовить, убирать и... если что-то другое нужно...

Её щеки и шея покрылись красными пятнами. Мне не послышалось? Она просит разрешения остаться? И хоть я не собираюсь её прогнать, но...

– Почему ты хочешь остаться?

Блядь. Кто меня просил. Вопрос прозвучал вообще не так, как должен был.

– Если нельзя, то... ничего... я... только не отдавайте меня обратно... то есть... простите.

– Элисса! Я вообще не собираюсь тебя отдавать, ни сейчас, ни потом. Это раз. Два – это твой дом. Уже повторял раз сто. А три – мне не нужна другая пара. Мне нужна ты. Я говорил это от злости, и это неправда.

Она замялась, будто хотела что-то мне сказать, но не стала. Всё? Режим откровений закончился? Но зато внутри поселилась надежда, что лёд между нами тронулся, раз хочет остаться. Со мной. И сама попросила. Хотя до этого всегда только думала, что отвезу её в лабораторию, а тут вот.

И ещё ей нравится мой запах...

Только девочка так и не сказала больше ни слова. Отвечала односложно на вопросы, налила для меня заранее заваренного чая, моя крошечная хозяйюшка... И посидела со мной на кухне, заверив, что сама уже завтракала. Поэтому в офис, а потом и в загородный дом я ехал в приподнятом настроении. И совсем не ожидал, что уже через несколько часов окажусь на грани жизни и смерти...

Глава 42

Пришёл в себя от тусклого света через штору, хотелось пить, голова трещала, левая часть тела нестерпимо ныла. Но ещё не открыв глаза, почувствовал, что она рядом.

Элисса...

Распахнув веки, обнаружил, что моя девочка сидит на полу, подложив руки под голову на моей постели, и спит. Не касается меня и довольно далеко, чтобы я мог коснуться, но... она пришла ко мне, в мою комнату. И уснула в ожидании, когда очнусь. Возможно даже переживала за меня...

И хотя я не хотел, чтобы она переживала, всё равно ощутил радость внутри. Может мне тогда не казалось, что она привязана ко мне? Пусть не испытывает тепла или любви, но хоть какая-то ниточка есть между нами.

Вчера, собираясь уже к ней, когда я вышел на крыльцо загородного дома, то сразу понял, что ирбисы собрались тут не случайно. И ни одна долбанная шавка не предупредила, не сказала в глаза открыто. Зато около двадцати оборотней сейчас стояли полукругом, поджидая меня. Сомнений не возникло. Ни на мгновение. Я видел по их лицам, по их глазам, чувствовал силой главы прайда, зачем они здесь, и знал, что так будет.

Хотят, чтобы я либо подтвердил свой статус, либо отказался от него.

Эррин замерла растерянно рядом, и я приказал ей обратиться. Вместе с Эрданом.оборотница бросила на меня хмурый взгляд, но упрямо сжав губы, скрылась за дверью. И я надеялся, что успеет с несколькими своими вытащить озверевшего племянника отсюда до того, как я проиграю. Если это случится, его уберут первым. А дальше...

Холодный пот выступил на лбу. Ну уж нет. Кто бы не вышел против меня, порву любого. Ведь дома меня ждёт Элисса. И пусть совсем недавно она сама хотела меня убить, но сейчас, когда мы наконец идём навстречу друг другу я не готов отказаться от всего так просто.

Вперёд вышел один из членов *моего* прайда. Молодой оборотень возраста Эрдана примерно. Но я ни с кем не водил дружбы, ни от кого не ждал преданности, поэтому не посчитал это предательством или ударом в спину. Всё было ожидаемо. Только не думал, что вот так, без предупреждения. Ну что ж, примем за факт.

Я шагнул ему навстречу, без лишних слов срывая рубашку и переходя сначала в полутрансформацию, а потом, по правилам, и в полную. Он тоже обратился и прежде, чем напасть, сделал вокруг меня круг. Давай уже быстрее, некогда смотреть на эти спектакли! Мне хотелось закончить всё быстро и вернуться к ней. Больше ничего. Но я прекрасно осознавал, что в данный момент максимально слаб. До встречи с парой сила главы делала меня почти непобедимым, а теперь совсем иначе. Но я не сдамся.

Когда он напал, я успел увернуться и оставить глубокую кровавую борозду от когтей на его боку. Неопытный, а наглый. Противник бросился снова, стремясь вцепиться в шею. Надо же, даже шанса не собирается оставлять выжить. Хотя о чём это я. Мой отец убил собственного сына, а потом... Мразь.

На этот раз он смог ударить меня лапой по повреждённому раньше боку. И хотя все знали о моей травме, тоже не посчитал это подлостью. Он пытается заслужить место главы в поединке. Использует для этого все варианты. Не более. И самый простой – давить на мои слабые места.

Дальше наше сражение ускорилось в разы. Нетерпеливый молодой ирбис был быстр и гибок, в отличие от меня с покалеченными частично конечностями слева, которые не сильно, но замедляли мои движения. Зато я был даже в таком состоянии более тяжёлым и сильным, что тоже давало некоторые преимущества. Он то и дело бросался, рычал, скалился, я же старался защищаться, не нападая, пока он не сомкнул челюсти на моей левой лопатке. Острая боль обожгла, заставив извернуться и скинуть его. Но теперь я ещё и истекал кровью, почуяв которую противник стал увереннее.

Когда в очередной раз его зубы клацнули в сантиметре от моей шеи, я понял, что если продолжу только уворачиваться, то сам загоню себя, а Элиссе в лучшем случае отвезут мой хладный труп. Может она бы и обрадовалась, но вот только я не уверен, что её просто так отпустят, ведь я не афишировал

наши сложные отношения, и прайд может думать, что она уже носит наследника... Усмехнулся про себя. Если бы.

И кинулся в нападение сам, заставляя себя вспомнить всё, что вызывает звериную ярость: нашу с ней первую встречу, злые слова отца, её затравленный вид в клинике волков, её крошечное истекающее кровью тело в ванной, то, как он просила меня не отдавать, как сидела возле моего тела в лесу, как я кинулся на неё, причиняя боль и так жестоко и подло обижая, как она собиралась перерезать мне горло, и как я единожды, но целовал её, а теперь вынужден играть в импотента. Выплёскивал всю свою накопившуюся злость, ненависть на несправедливость, которая случилась с ней и со мной.

Теперь мы грызлись как дикие животные, не щадя друг друга. Я уже не мог сказать, сколько на мне ран, но судя по тому, что слабею с каждой минутой, их очень много. Повалив оппонента на землю, не сильно сжал зубы на его горле, заставляя принять поражение, он сдался, спасая себе жизнь, ведь обычно такого выбора не предоставляют. Но не успел я обрадоваться, как услышал рык другого ирбиса сзади.

Да блядь!

После третьего я был уже почти на последнем издыхании. Стоило мне победить одного, как выходил другой. И если я был уже вымотан, то они свежи и бодры. Наши правила не запрещали такого, но прежде подобного и не случалось... Ирбисы не нападали толпой, это противоречило традициям,

а вот так – пожалуйста.

В какой-то момент в моей голове мелькнула мысль сдать-ся. Хрен с ними, пусть рвут прайд на части, меняя главу каждый месяц кровавыми битвами, но потом... Перед глазами всплыла картинка, как маленькая ручка гладит темную вещь, уткнувшись в неё носом и плачет... Ей же было плохо одной. И только со мной она говорит. И только когда я рядом, могу быть уверен, что с ней всё хорошо.

Собрав все скрытые резервы, выплеснул ярость на последнего, четвёртого противника, и тот отступил, сдавая позиции. Мне повезло, что сегодня больше никто не решился. Может не замечали того, что едва не подход? Ещё пару сражений, и можно было бы ставить точку. Но видимо фортуна была на моей стороне, хоть я и не верил в подобное.

Тяжело дыша, наконец обратился в человека и молча пожал протянутые мне в знак обещания с моей стороны безопасности руки. Если я сохранил им жизнь, победив, то мог изгнать из прайда. Но не стал. Не из-за благородства, просто врагов лучше держать ближе. Одно дело изгнать недовольных в назидание другим, чтобы язык держали за зубами, другое – тех, кто прямо претендовал на моё место. Да и второй раз тот же уже не может выйти против меня. Прогоню этих, всё равно будут другие. Теперь точно будут.

Оказалось, что прошло несколько часов. Эррин с наиболее надёжными ребятами из центра уже вывезли в лес Эрда-на, оставив в нашей землянке (должно же быть хоть место

ночлега, пусть и зверь), и теперь вернулись обратно, дожидаясь исхода сражения. А ведь сказал ей бежать тоже. Это я привёл её и не мог поручиться, что новый глава, если такой появится, так же станет верить ей и не решит как-то насолить. Но, как выяснилось, что её присутствие тут было очень уместным. Потому что стоило всем разойтись, а мне выдохнуть и отпустить напряжение, как почувствовал сначала головокружение, а потом...

Темнота.

Перевернулся на бок, сдержав стон боли, чтобы лучше видеть лицо Элиссy, но от этого движения она вздрогнула и, проснувшись, сразу вскочила на ноги. Надо же, а в своей комнате спит крепко, если я прихожу.

– Извини, испугал тебя, – хотелось ругнуться. Ну что мне стоило лежать смирно?!

– Ничего... Я... Вам больно?

– Совсем нет, – солгал.

– У Вас... кровь.

– Царапина.

Вообще-то судя по ощущениям, меня перекрутили через мясорубку заживо. Но вряд ли это её успокоит.

– Где Вы поцарапались?

– Была небольшая заварушка, ничего серьезного.

– Это не так, – погрустнела она. – Мне нельзя знать правду?

– Конечно можно! Я доверяю тебе во всём.

– Почему тогда не говорите?

– Это дела прайда, ничего интересного.

– Вы говорили, что я Ваша...ну...

Она смутилась и сейчас мяла в руках край футболки, не смотрела на меня почти. А мне так хотелось позвать присесть ближе. Только разве ж она сядет? Хоть и припомнила вон, что моя жена и пара. Или...

– Иди ко мне? – не сдержался.

Элисса-таки подняла на меня удивленный и растерянный взгляд.

– Просто посиди рядом, если тебе не сложно.

– Мне... нет...

Она примостилась на самый край постели, но меня вновь окутал её запах, рождая в голове разные неосуществимые фантазии. Она же, словно чувствуя мои мысли, прошлась оценивающе-испуганным по моему голому, лишь перевязанному кое-где бинтами торсу, покраснела сильнее и немного отодвинулась. И я решил вернуться к прежней теме, чтобы разрядить обстановку.

– Ты часть прайда, Элисса. Так и есть. Я просто не хотел тебя беспокоить.

– Я всё равно беспокоюсь, когда вижу Вас...с царапинами.

– Прости, мне следовало быть осторожнее.

– Да, наверное.

И мне почудилось в её голосе недовольство. Это озарило вспышкой очередной радости. Если она думает, что имеет

право меня отчитывать, то значит, считает меня кем-то для себя. Может не дорогим, но обязанным ей себя беречь.

– Я больше так не буду, – улыбнулся.

– Обещаете?

– Обещаю.

«Моя маленькая», – добавил мысленно.

– Не расскажете правду?

– Сначала ты. Не помню, как оказался тут.

– Вас привезла та... – она поморщилась, – женщина. И ещё кто-то. Я ждала в гостиной, а они занесли Вас в дом... Она сказала мне не уходить далеко... И я... осталась.

– Спасибо.

Элисса покачала головой.

– У нас есть традиция, – начал я непростой рассказ. – Если члены прайда сомневаются в силе своего главы, то кто-то из них может вызвать на сражение.

– Вас вызвали?

– Да.

– И кто победил?

– Судя по тому, что я жив, я.

– Он мог Вас...

Её огромные глаза наполнились страхом.

– Всё закончилось хорошо.

– Вы убили его?

Вопрос прозвучал с облегчением и надеждой. Но помня реакцию на трупы её мучителей, в этот раз я не удивился.

– Нет. Но больше он не нападёт.

Она кивнула и о чём-то задумалась.

– Хочешь что-то ещё спросить?

– Я просто...

– Ну?

– Если Вы умрёте, то что будет со мной?

И не успел осознать то, что почувствовал от этого вопроса (наверное, лёгкое разочарование, что всё предыдущее было сказано ею не по причине заботы или привязанности, а исходя из соображений собственной безопасности), как вдруг подумал, а правда, что? Что сделают с парой убитого главы прайда, мог себе примерно представить. Снова посадят в клетку. Теперь, когда нет Эрда, и я вообще никому не могу доверять на сто процентов... Мне даже некому поручить помочь ей бежать или скрыться.

– Я не умру, Элисса. Но могу попробовать научить тебя защищаться, если кто-то посчитает иначе.

– Меня?

– Да. Хочешь?

Она кивнула.

– Вот и отлично. Как встану на ноги, сразу и займёмся этим вопросом. А пока... Поддай пожалуйста воды, жажда мучает.

– Конечно, простите.

Вскочив с места, она принялась наливать мне воду из графина, но из-за дрожащих рук, половина пролилась мимо, за

что она снова извинялась. А я не мог понять, что на этот раз так сильно её тревожит. Но всё равно был рад, что она рядом и говорит со мной. Я не зря боролся. И кажется готов делать это дальше.

Глава 43

Она спала совсем рядом, такая маленькая, нежная, милая... Я протянул руку и осторожно коснулся тонкого шрама на бледной щёчке, а потом заправил за ушко выбившуюся светлую прядь. Элисса вздохнула, поэтому пришлось замереть, чтобы не напугать.

Вчера я в край обнаглел и попросил её остаться ночевать со мной, мотивируя тем, что даже попить не смогу встать сам. Она поверила. Потому что не видела, как под повязками, наложенными Эррин, раны уже почти совсем затянулись. Но я заметил, что вела себя гораздо смелее, чем прежде, даже на моей территории. Поэтому принял решение не рассказывать ей, что завтра буду как новенький, а уже сегодня чувствую себя намного лучше.

Отчасти причиной быстрого заживления стало то, что она рядом. Эррин не зря сказала ей не уходить, знала, что иначе восстанавливаться я буду гораздо дольше. И это вылилось в то, что всю ночь Элисса провела в моей постели. Может и не совсем честно, но если ей всё равно от меня ничего не угрожает, то и пугать зря не стоит.

По моей просьбе улеглась в постель, а не на кресле, как планировала сама. Но, конечно, не близко, на самом краю. Если честно, переживал, что она не заснёт и будет бояться, но то ли так устала за предыдущую ночь (представляю, что

пережила, когда меня притащили в бессознательном состоянии, наверное, испугалась, что если умру, то отвезут её в лабораторию, которой нет), то ли от нервного напряжения, но в итоге, как только закрыла глаза, сразу и задремала.

А потом и вовсе свернулась в клубочек, уткнулась носом в мою подушку (тут же всё пахнет мной, я даже улыбнулся), погладила её немного, и спала, изредка вздрагивая. Но стоило ей начать хмуриться и тихо постанывать, я начинал шептать, что всё хорошо, гладить аккуратно её по голове, и успокаивалась. Всю ночь любовался ею в своей кровати и пытался придумать план, который сможет заставить её оставаться со мной всегда. Каждую ночь. Потому что утро наступает слишком быстро.

А я никак не могу успокоиться, заставить себя отодвинуться. Продолжаю смотреть на неё, желая сожрать взглядом, обласкать каждый миллиметр её израненного тела. Не могу представить, что кто-то мог сознательно причинять ей боль, делать это намеренно, заставляя... Скрип зубов в полной тишине прозвучал слишком громко. И хотя обычно она спит крепко, когда я рядом, сейчас, наверное, из-за того, что считает меня больным и пытается спать чутко, вдруг распахивает глаза, сразу предпринимая попытку сфокусироваться взглядом на моём лице. Но стоит ей столкнуться со мной взглядом, как зрачки расширяются в панике.

– Тшшш, всё хорошо, Элисса.

Она оглядывается и хмурится, будто пытается вспомнить,

что делает здесь. А мне невыносимо хочется обнять её и протянуть к себе ближе...

– Вам что-то нужно?

Да! Да, чёрт возьми! Мне ты нужна! Я ничего подобного в жизни не испытывал.

– Нет.

– Вам больно?

– Мне не больно, маленькая... – голос звучит неправильно. Не так, как должен. И она замечает. И моё к ней обращение, и этот новый тембр.

Её ресницы дрожат, а руки вновь обхватывают плечи.

– Я... Уже почти светло... Можно я тогда уйду? Там Эмин и...

– Нет! – вырывается прежде, чем успеваю себя остановить. И это становится роковой ошибкой.

Элисса опускает голову и больше не смотрит на меня, зато начинает мелко трястись. Неужели это никогда не закончится? Неужели всю свою жизнь я буду смотреть на то, как она ждёт от меня чего-то плохого и не...

Моя ладонь, не слушаясь, ложится на её плечо, поглаживая, потом опускается по руке ниже и сплетает наши пальцы.

– Не бойся, – шепчу ей и целую взятую в плен ладошку.

– Я... не... боюсь... – выдыхает.

Ну конечно. А то, что истерика набирает обороты – мне просто кажется.

– Тогда ложись обратно.

Элисса, продолжая отводить глаза, укладывается на место, но не как прежде, удобно и уютно, а снова солдатиком, вытянув руки вдоль туловища. Ждёт. А во мне ураган просто... Нужно бы просто отвернуться, пожелать сладких снов и всё, ведь пока ещё очень рано. Нужно. Но не могу. В следующий раз. Не сегодня. Мне так необходима хотя бы пара минут...

Нависаю над ней сбоку и склоняюсь над её шеей. Элисса, крепко зажмурившись, отворачивает голову в другую сторону, чтобы не смотреть, но тем самым открывает мне доступ. И наконец я делаю то, чего так давно хотел... Касаюсь губами просвечивающей на шее венки. Веду дорожку осторожных поцелуев чуть ниже, до ключицы. И так хочу ещё ниже. Но она же не дышит даже.

– Дыши, Элисса.

Громкий судорожный вздох.

– А теперь посмотри на меня.

Переборов себя, она смотрит. И в её глазах накатившиеся слёзы.

– Тебе было больно сейчас?

Качает головой.

– Я сказал или сделал что-то ужасное, как-то обидел тебя?

– Нет...

– Элисса, я и не сделаю.

Смотрю на её приоткрытые губы и всех сил стоит не целовать, а просто лечь рядом с ней, оставив одну ладонь на её

впалом животе. Утыкаюсь носом в пушистые волосы и наконец расслабляюсь. Я обязательно покажу ей, что всё может быть по-другому. Не сегодня, и не завтра, конечно. Но докажу, что меня не нужно бояться.

– А что теперь? – тихий вопрос.

– Теперь спи.

Элисса молчит некоторое время, а потом робко шепчет:

– Спасибо.

И это её «спасибо» выкидывает меня воспоминаниями в прошлое больше года назад. Я, она, лаборатория. Потом её кровь в клетке. И слова отца...

Целую Элиссу в макушку, чуть прижимая к себе боком.

– Эрнард...

Как разрядом молнии ударило. Она же меня по имени назвала! Первый раз сама.

– Что, маленькая?

– Та женщина, врач... она сказала, что Вы стали слабее... из-за меня...

Язык бы ей укоротить! Сучка, а. Кто её просил вот.

– Ты неверно поняла.

– Да? Простите.

– И не обязательно извиняться за каждый вопрос.

– Можно тогда я скажу?

Этот разговор в полной предутренней тишине, мы совсем рядом друг с другом – наверное, впервые в жизни, я чувствую себя так спокойно. Дома. С ней.

– Если Вам всё же найдут... другую, хорошую пару... то Вы не отказывайтесь...

– Ты – моя хорошая пара.

Она помотала головой.

– Я не знаю, что делают пары, но я Вам не подхожу. Вы – главный тут... и вообще... такой... А я...

Мне послышалось, или всхлипнула? Приподнялся, заглядывая в лицо. И правда слёзы опять.

– Ты самая чудесная. Самая хорошая для меня пара. Правда. Веришь мне?

Каждое новое слово сопровождал поглаживанием по щеке, по волосам, подбородку, и не удержавшись, погладил и губы по контуру, немного оттянув нижнюю краешком пальца. Элисса застыла, ожидая продолжения.

– Я поцелую тебя? Всего один раз.

Она пожала плечами неуверенно, и я склонился над её растерянным лицом, касаясь сладких губ своими жёсткими. Как и в первый раз, смотрела мне за плечо, приоткрыв ротик, не сопротивлялась и машинально как-то пыталась ответить. В этом не было ни одного грамма хоть каких-то чувств. Отстранился разочарованно.

– Тебе не нравятся поцелуи?

– Я... никогда ни с кем... кроме Вас не...

Элисса опять покраснела, а меня затопило сочувствие. Моя маленькая девочка даже не целовалась никогда, зато я привёз её истерзанной и беременной из лаборатории. Но ес-

ли продолжу идти на поводу у её страхов, то никогда не смогу доказать, что бывает по-другому. Поэтому осторожно обнял Элиссу, прижав к своему телу, согревая. Она сначала сжалась вся, а потом глубоко вдохнула и расслабилась. То ли смирилась с любым исходом, то ли поверила наконец, что не стану делать больно, а может думала, что раз я ранен, то если что, сможет убежать...

– Можно мне иногда целовать тебя?

– Если Вы хотите.

Если каждый раз, как появляется такое желание, целовать, то я бы от неё и вовсе не отрывался.

– Я хочу.

Она кивнула молча. А я наслаждался тем, что держал её в своих объятиях, что мы говорили с ней, что она не бьётся в истерике, хоть я и за несколько десятков минут перевыполнил весь наш план по сближению. Опустил взгляд вниз.

Элисса спала, прижавшись к моей горячей груди щечкой. Она не дрожала. Не закусывала губы. И вообще выглядела спокойной. Обычной девушкой. А не искалеченной пленницей.

Улёгся удобнее, укладывая её почти на себя. Она завозилась, но не проснулась, только сжала своими пальчиками мою ладонь. Моя пара...

Глава 44

Следующие несколько недель вместо совместного вечернего просмотра фильмов, я учил её стрелять на заднем дворе. Сначала было страшно давать ей в руки оружие. Но снова и снова напоминал себе, что она уже взрослая девочка и отдаёт отчёт своим действиям. Тем более, сама захотела иметь возможность защищаться в случае чего. Не рукопашному же бою её учить.

Хотя в один из первых таких уроков она и сделала кое-что, что едва не заставило меня словить инфаркт. Когда я уже вложил пистолет в её ручку и помог встать в правильную позицию, она вдруг обернулась, и дуло ткнуло меня в грудь напротив сердца. То замерло на мгновение, а потом глухо и сильно ударило о рёбра изнутри. Первая мысль была – за что она так? Неужели её прежнее поведение было лишь уловкой? Я неотрывно смотрел на неё и ждал, что она сделает теперь или что скажет, должна же объяснить хоть что-то! Но Элисса будто тоже ждала.

Чего?

– Я... правильно... держу?

То есть она так показывала мне, чтобы оценил? А я приготовился прощаться с жизнью. Всего одно нажатие на курок отделяло меня от встречи с почившим братом. Вообще теоретически, наверное, мог бы перехватить её руку, увер-

нуться, но перед ней так растерялся, что и не скажешь, что в одиночку справился по очереди с четырьмя оборотнями в рассвете сил. Хотя самым идеальным вариантом избавиться от меня было бы – подослать Элиссу, потому что перед ней я беззащитен. Хорошо, что об этом никто не знает.

– Если не планируешь стрелять в кого-то, то не стоит держать в таком положении оружие, – пальцами отодвинул ствол в сторону.

Девочка смутилась.

– Простите.

– Ничего. Ты правильно держишь.

И она вновь посмотрела мне прямо в глаза, ожидая увидеть подтверждение высказанного одобрения. В последнее время она всё чаще так смотрела. Будто ждала, что должен подтвердить, что всё делает правильно, что я доволен. И пусть это было одной из новых ступенек между нами, мне всё равно хотелось бы наверное, чтобы она видела во мне не учителя и воспитателя, а... мужчину.

С того дня, как выяснилось, что ран на мне больше нет, она больше не ночевала у меня. Хотя я и предлагал мягко, намекал, но она всё время делала вид, что в упор не понимает. Только вот всё равно видел по глазам, что понимает прекрасно, но старается избежать всеми силами. Вроде и паники особо сильной там нет, но причину разгадать не мог. В итоге сделал вывод, что ей просто неприятна близость со мной (в обычном смысле, а не в том, что хотелось бы). Всё

же одно дело спать с пахнущей мною вещью, а другое – со мной. Но всё равно не собирался отступать.

То, как она поддавалась мне, медленно уступала, стало новым видом моей зависимости, нескончаемой игры, в которой, пройдя все уровни сложности, я-таки получу свой приз. Её.

Поэтому продолжал дарить цветы, учить стрелять, гулять вместе с её собакой, рассказывал иногда что-то о делах прайда, будто невзначай подкрадываясь к её ладошке и прятал её в свою, поглаживая. Иногда не мог отказать себе, и осторожно целовал её. Элисса неловко отвечала на поцелуй, но ни разу так и не закрыла глаза, и смотрела всегда так... безэмоционально или с лёгкой опаской. Будто ей всё равно. Словно то, что я делаю – это просто одно из длинного списка наших совместных занятий, а не нечто важное и интимное.

Я прежде не слишком уж придавал значение всяким ласкам. Воспринимал секс и то, что к нему прилагается, как удовлетворение физиологических потребностей, разрядку и сброс нервного напряжения. Но с Элиссой было как-то иначе.

Мне постоянно хотелось касаться её с того дня, как я на неё набросился, а она держалась за моё запястье как за соломинку, способную удержать её от падения в обрыв. Я подмечал в ней всё новые черты. Например, оказалось, что нижнюю губу она закусывает по-разному в зависимости от того, делает ли что-то старательно, боится ли или сомневается. И

хмурится тоже не всегда одинаково, иначе: если что-то не получается, если страшно или совсем редко – если недоволен на чем-то.

И уж не знаю, в нашей ли связи дело или в чём-то ещё, но мне нравилось в ней всё. Её странное поведение, незаурядная внешность, хоть и понимал, что по-хорошему откормить бы её нормально, но каждый раз бросая взгляд на острые коленки и тонкие ключицы, сходил с ума. А этот её взгляд, когда ждала от меня одобрения... Ради него я мог бы горы свернуть, потому что это было единственное выражение её ко мне хоть каких-то чувств.

Я понимал, что нужно не потакать её странностям, а попытаться помочь стать самостоятельной, сильной, отдельной от меня и моей похвалы, но всё никак не мог себя заставить прекратить это. Хотя беспокоило и то, как она принимает мою ласку. Если первое время я чувствовал её настороженность, то потом создалось ощущение, что она наконец поняла, что больно не будет и смирилась или не знаю, как назвать это иначе. Просто позволяла мне делать с собой, что хочу. И хотя хотел я много, границ не переходил, что-то останавливало. Может вот это почти что равнодушие в её огромных глазах? Но я считал, что она просто не до конца доверяет мне и со временем всё изменится. И был готов ждать.

Вот так ждать, когда могу её касаться – гораздо проще.

И да, наши отношения были максимально странными, но... кажется, я даже от них получал удовольствие. Мне нра-

вилось проводить с ней время. Любым способом. И нравилось, что она идёт навстречу. Ну мне так казалось, во всяком случае.

Хотя однажды после приезда Эррин я заметил, как она снова отворачивается и ведёт себя несколько иначе.

– Тебя что-то тревожит?

– Нет.

– Я же вижу, – приподнял её подбородок, заглядывая в глаза. И вот увидеть там это чувство никак не ожидал. Элисса... злилась? Ого... А причина у нас в чём? – Она тебе не нравится?

В душе шевельнулась надежда, что пара меня ревнует. Ну а что? Эррин красивая, а я не слепой. И прежде не раз заглядывался на неё как на девушку, хотя вот с другими оборонницами подобного не случалось. Но не старался найти в себе причину этого интереса, потому что рамок никаких не нарушил, а смотреть никто не запрещал. И вот пожалуйста. Элисса злится.

– Она нравится Вам.

– Это плохо? – ликовал в душе.

– Почему она Вам нравится?

– Ну, она хороший специалист, помогает мне в центре.

Элисса как-то совсем зло усмехнулась, а её нежное личико приняло немного жутковатое выражение. И вот это мне совсем уже не нравилось. Потому что совершенно точно не было ревностью. Моя крошечная девочка, кажется, ненави-

дела её...

– Говори, – приказал я.

Она мотнула головой.

– Говори, Элисса, в чём дело. Я не отпущу тебя, пока не скажешь, – и встал напротив, взяв её ладошки в свои.

Она едва заметно вздрогнула, наверное, от непривычных интонаций в моём голосе, ведь с ней так редко говорил. Зато ответ я получил, хоть и не совсем тот, на который рассчитывал.

– Я видела её раньше.

– Где?

Молчание.

– Элисса. Где. Ты. Её. Видела.

Девочка сжала губы.

– В лаборатории?

Теперь отвернулась, закусывая губу. Блядь... Я несильно встряхнул её за плечи из-за нервозности.

– Ты видела её там? Отвечай же!

Неужели я притащил в прайд предательницу? Ведь она не сказала ничего о лаборатории! А если играет в какую-то свою игру... Я даже не вник, где именно её нашёл Эрдан! И ведь теперь и не спросить его! И может... Что, если это с ним сделала именно она?!

– Элисса, – уже почти рычал.

Девочка кивнула, а я просто охренел.

– Почему ты не сказала сразу?!

– Думала... Вы с ней... ну... и Вы бы мне не поверили...

Да чтоб меня! Она решила, что если я сплю с этой шпионкой, то не стоит открывать мне глаза?! Элисса тихо выдохнула и вытянулась, встав на цыпочки, только тогда я заметил, что слишком крепко сжимаю её и тяну вверх. Усилием воли разжал пальцы. В конце концов, она не виновата, что так решила. А будь её мысли правдой, то кому бы я поверил, своей любовнице или странной, напуганной паре? По идее, её опасения даже обоснованы.

– Прости.

Она обняла себя руками за плечи и больше не смотрела, не говорила.

– Извини, что был груб.

Тишина.

– Элисса, я не хотел делать больно. А Эррин пожалеет, что не сказала мне правду изначально.

Элисса будто бы боролась с собой сейчас, словно хотела что-то добавить, но потом передумывала. И так несколько раз.

– Что ещё?

– Ничего, – врёт.

– Я же вижу, что хочешь что-то сказать! Говори. И ещё, что она там делала?

– Мне было не до её дел, – впервые огрызнулась моя маленькая, и как я думал, милая девочка...

И хоть в этой истории совершенно точно, что-то было не

так, а реакция Элиссы была более чем странной, я ещё до объяснений с Эррин решил, что места ей в прайде нет. Это в лучшем случае. Но пока наблюдаю за ней молча, отправлю ребят из наиболее надёжных следить, чтобы понять, какие же секреты скрывает эта наглая дрянь, решившая влезть в мой дом и втереться в доверие. А Элисса... рано или поздно всё равно расскажет, в чём же было дело.

Глава 45

Мои наблюдения не привели вообще ни к чему. Эррин работала как обычно, проводила почти всё время в центре и в загородном доме прайда, где оставалась часть пленников, а для неё выделена отдельная комната. Работа с проживанием и защита были её условиями. И если со своей стороны я всё выполнил, то вот теперь не был уверен, что странная оборотница выполняет свою часть, а не строит козни за моей спиной.

Как я вообще мог так запросто поверить, что она за несколько десятков минут разобралась в том, в чём не могли разобраться наши лучшие специалисты? Ведь тогда она почти сходу разгадала формулу и привела в себя пленников – людей. Вот откуда у неё эти познания?

Распрашивать Элиссу подробнее посчитал неправильным, потому что был уверен, ей неприятно вспоминать обстоятельства их прежней встречи. Хотя пара и не договорила мне всего, что знала (это было видно по её поведению), но даже только один факт присутствия Эррин в лаборатории мрази, которую я называл тогда отцом, уже сказал о многом. Вопросов добавляла и её вторая сущность, о которой мы ничего не знали, а понять обычным звериным нюхом, не выходило.

Среди нас не принято особенно откровенничать о принад-

лежности к тому или иному виду, но обычно мы ощущаем своих или чужих. С ней же совершенно точно было что-то не так. Знать бы что.

Хотя ей уже повезло, что я сдержал первый порыв кинуться к ней немедленно после разговора с Элиссой и оторвать голову за ложь. Ненавижу враньё. Просто изнутри выворачивает, когда узнаю, что кто-то что-то от меня скрывал. А она точно скрывает. К тому же... Так ли просто я ощущал к ней притяжение? Ведь именно она готовила для меня препараты, призванные усмирить внутреннего зверя, чтобы не трогать Элиссу, а вот что она могла добавить туда и с какой целью...

Внутри росло убеждение, что я лоханулся, доверившись ей. Жаль, Эрдан уже не скажет, где он её выкопал и с чего решил доверять. Хоть племянник и не был дебилом, но по молодости или в период гона (кто вот его знает, где он себе девок искал), мог и ошибиться, доверившись одной из своих подружек. И только сейчас я вспоминал, что Эррин смотрела на него заинтересованно. Хотя... иногда мне казалось, что и на меня смотрит так же. Вот же сучка...

Решив, что недели безрезультатных наблюдений с нас достаточно, я поехал к ней под вечер. Только в её комнате никого не нашёл. Звериным нюхом выследил и пошёл по следу.

Молодая женщина обнаружилась у клетки с одним из особенно диких зверей, в которого был превращён вроде как человек. У многих подопытных были такие результаты ана-

лизов, что мы вообще не понимали, кто перед нами. Так вот этот имел общего с человеком просто минимум. Зато она ему что-то зло выговаривала, а это существо внимательно слушало её. То есть она может общаться с ними?! Но не говорила об этом! Может вообще готовит какую-то ловушку!

Издалека, даже слишком издалека для обычного оборотня, она услышала мои шаги и обернулась, приветствуя. Я же решил начать сразу с сути.

– Какого хрена ты делала в лаборатории?

Она и бровью не повела, словно ждала от меня именно этот вопрос.

– А я всё думала, заметила она меня или нет. Надеялась, что не вспомнит.

– Ты даже отрицать не будешь?! – зарычал я. – Всё это время вешала мне лапшу на уши?!

– Я не врала, просто не рассказала.

– Что ты там делала?

– Тебя это не касается.

– Нет уж, расскажи! Или ты думаешь, я просто отпущу тебя, зная, что ты столько времени водила меня за нос?

– Во-первых, я никого ни за что не водила, а наоборот помогала и тебе, и пленникам, и прайду. Во-вторых, ты обещал защиту, а сейчас прогоняешь?

– Это ты мне ещё тут условия будешь ставить?!

Её наглое спокойствие меня бесило. Но больше всего бесило другое. Она была там, где издевались над Элиссой. Воз-

можно тоже там «работала», и могла быть одной из тех, кто мучил мою пару! И оборотница будто мысли прочитала.

– Я ничего ей не делала. У меня были свои дела с твоим отцом.

– С чего бы мне тебе верить?!

– С того, что она не может оценивать ситуацию объективно и могла к тому же сказать тебе далеко не всё.

– Называешь Элиссу лгуньей, верно я тебя понял? – даже зарычал произвольно, и Эррин подняла ладони вверх.

– Тише, Эрnard, я лишь говорю, что она там была напугана и могла что-то понять неверно, а сейчас ты принимаешь решения, не разобравшись.

– Считаю до десяти. Не исчезнешь, сверну тебе шею.

В моей голове вспыхивали картинки, как Эррин вводит Элиссе в вену всякие гадости, а потом вечерами коварно потирает руки и смеётся над тем, как я, ступив, принял её у себя.

– Эрnard...

– Три...

Тут на меня со звериным рыком бросился один из подопытных сквозь решётку, зацепив когтями плечо. И так смотрел на неё, что я вдруг осознал то, что не понимал всё это время. Каждый раз, как мы заходим сюда, они притихают, глядя на неё. Они видят в ней самку... И готовы выслуживаться перед ней... Но ведь не реагируют так же на других оборотниц-медсестер из прайда, которые тоже иногда сюда

заходят. И возможность ставить свои личные опыты над этими несчастными я сам предоставил ей, подпустив так близко!

– Эрнард, ты не прав...

– Шесть, – часть счёта я вёл в уме, и когда собирался произнести «девять», она нажала какую-то кнопку на пульте, от чего распахнулась ближайшая дверца, выпуская сбрендившего полужверя, который тут же на меня и набросился.

Ах ты тварь!

Пока я боролся с ним, предательница скрылась с глаз. На шум прибежала охрана, и ребята помогли мне закрыть его в палату сна. Но вот следы Эррин мы уже не нашли. То есть было понятно, что она выбежала из дома, села в машину и скрылась в неизвестном направлении.

Жаль, не успел свернуть ей шею! Зато по крайней мере теперь она не сможет проворачивать свои грязные дела за моей спиной.

Наспех обработав полученные неглубокие раны, отправился домой, где меня ждала Элисса. Наверное, не стоит говорить ей о сегодняшней сцене с Эррин. После того разговора мы больше не возвращались к этой теме, я не хотел лишней раз нервировать свою нежную девочку. Особенно учитывая тот факт, что подлая оборотница вызывала в ней исключительную неприязнь.

Нет, лучше переоденусь незаметно, чтобы не тревожить видом крови, и проведу с ней время, как обычно. Занимаясь

чем-то вместе...

Была только одна проблема. У меня заканчивался запас препаратов, изготовленных Эррин, хотя и не понятно теперь, насколько они безопасны. Но без них мне будет просто конец... Как сдерживать себя теперь, когда я не могу сбрасывать напряжение с другими, а с Элиссой провожу всё больше времени, пока не придумал. Но обязательно придумаю. Или...

Может ещё и не придётся. Ведь в последнее время моя девочка была ко мне всё более благосклонна.

Глава 46

И всё же Элисса заметила, что со мной что-то не так. Робко взглянула на моё плечо, потом с ожиданием – в глаза и спросила:

– Вам больно?

Особого беспокойства в её голосе не было слышно (в конце концов я живой и перед ней), но явно интересуется не из праздного любопытства. Всё же она у меня не любительница просто поболтать.

– Ничего серьёзного, – поспешил заверить я, – так, небольшой форс-мажор.

– Расскажите?

Она почти всегда формулировала свои просьбы вот так. Вроде как и не просит, а только спрашивает, но понятно, что имеется ввиду. И даже когда мне вовсе не хотелось рассказывать ей не слишком радостные события в прайде и в моей жизни, не мог промолчать. Безумно нравилось говорить с ней, делиться чем-то, будто мы вместе. Почти как семья...

– Я сегодня говорил с Эррин, и закончилось вот этим.

Девочка побледнела и сразу отвела глаза. Однако вспыхнувшую в них злость я заметить успел. Вот только не понял, на кого она злилась: на меня или на неё? Как-то это не очень походило на ревность. Хоть мне и хотелось бы так думать.

Но если честно, такая её реакция пугала. В моей голо-

ве всё никак не могло уложиться, что этот ангелочек может испытывать к кому-то такую неприкрытую едва ли не ненависть.

Только как быстро это чувство в ней возникло, так же скоро и исчезло. Зато на её шее выступили красные пятна, как бывало всегда, когда сильно нервничает, а губы задрожали.

– Что случилось? Не бойся, больше ты её не увидишь.

Элисса сквозь сомкнутые губы издала какой-то совсем уж жалобный звук и покачнулась. Благо, я успел подхватить.

– Ты чего? Дыши медленно и глубоко, давай же, девочка. Всё в порядке. Тебе нечего бояться. Успокойся, Элисса.

Но она смотрела на меня с паникой, вцепившись в мою одежду ладошками так, как раньше, когда просила не отдавать, а истерика продолжала набирать обороты, судя по тому, что она уже почти задохалась.

– Элисса, прошу тебя, скажи, в чём дело. Пожалуйста. Успокойся же, ну...

Я гладил её по волосам одной рукой, другой удерживая и прижимая к себе, поэтому очень отчётливо ощущал, как сокращаются мышцы на её тельце, знаменуя начало судорог. Да что же это такое!

Резко поднял её на руки и поднёс к дивану. Там усадил на свои колени и подал стакан с водой, заставив сделать несколько глотков и не переставая уговаривать успокоиться и заверять, что всё вообще отлично, ни одной причины для беспокойства. По её щечкам текли горькие слёзы, которые я

утирал ладонью, продолжая шептать, что я рядом и ей ничего не угрожает. Но это не помогало.

Теперь уткнувшись в мою рубашку, пара рыдала навзрыд. Её худенькие плечи тряслись, солёные капли пропитывали насквозь мою одежду, и при этом всё она издавала такие звуки, что сердце разрывалось. И казалось бы, я сообщил ей хорошую новость, что избавился от Эррин, которую она терпеть не могла, должна была обрадоваться, а вышло совсем иначе. Но подумать, что ей стало жалко оборотницу даже не мог. С чего бы? Она же так злилась на неё.

Тут сообразил, что пара что-то шепчет. И, судя по всему, именно мне.

– Не расслышал, повтори, маленькая.

И вновь я говорил с ней как с ребёнком, ласково, снисходительно, с готовностью сделать что угодно, лишь бы успокоилась.

– Вы... её...

– Что, Элисса? О чём ты?

– Её...

Она вновь заходила рыданиями, цепляясь за меня, будто я уже сообщил, что сейчас отдам её на растерзание волкам или кому-то ещё, и она держится так, что не отодрать ничем. Если только вместе с одеждой.

– Ты про Эррин?

Кивая, она продолжала плакать.

– Я же сказал, что больше ты её не увидишь. Мы всё ре-

шили.

Элисса тихонько вскрикнула, будто от накатившего вмиг отчаяния, и начала плакать ещё сильнее, теперь умоляя меня простить её.

– Да за что? Маленькая моя, что случилось? Я не злюсь и не буду злиться, просто скажи, в чём дело? Ты же сама хотела, чтобы я от неё избавился. Или нет?

Она так жалась ко мне, так плакала, что я уже сам почти рыдал. И главное – всё никак не мог уловить корень проблемы и причину такого поведения.

– Простите... Простите меня... Я не хотела так... Я не думала...

– Элисса, объясни толком. Я сейчас с ума сойду.

– Я не думала... Простите...

– Да что ты не думала?!

– Что Вы... Вы её...

Твою за ногу! Она думает, что я её убил?!

– Элисса, Эррин сбежала! Я её всего лишь прогнал!

Но она качала головой.

– Да послушай же! Я ничего ей не сделал. Прогнал только.

Правда, Элисса!

Хотя с чего это она так горько оплакивает вероятную кончину той, кого почти ненавидела, явно же намекала мне, что Эррин имеет отношение к лаборатории. Внутри заскреблось сомнение, ещё не оформившееся в чёткую мысль, но уже почти похожее на догадку.

– А ну Расскажи, в чём дело?

– Вы... правда... её... не...

– Правда. Я её не трогал.

Элисса всхлипнула, продолжая размазывать по лицу слезы, но уже кажется немного успокаиваясь. Вот только теперь на её лице совсем отчётливо был виден страх. И боялась она меня...

– Расскажи, что случилось, Элисса. Давай. Я не буду злиться.

– Точно? – она нервно сглотнула.

– Точно. Говори.

– Я... думала, что Вы её...

– Это я понял. И почему ты так подумала, могу представить. А теперь Расскажи, почему тебя это так встревожило. Разве ты не хотела, чтобы я избавился от неё?

– Я... хотела...

– Тогда что не так?

– Но не... убивали...

– Так я и не убил, Элисса! Не нужно считать меня совсем уж монстром. Да, свернуть ей шею руки чесались, но я сдержался...

Она снова начала плакать.

– Да за что мне это?! – взвыл.

– Я не всё... сказала... Я не... думала... что Вы её... Я хотела, чтобы... прогнали... Я не подумала... Простите...

Повторил про себя её слова. Так. Хотела, чтобы прогнал,

но не убивал. Это что же, она у меня добрая такая стала? Радовалась ведь, если я избавлялся от кого-то оттуда... Или... Или дело в том, что именно она мне не рассказала. В том, что намеренно умолчала, чтобы я подумал так, как подумал... Догадка ударила по затылку, я даже вздрогнул.

Элисса сделала это специально? Зная, что я стану защищать её, особенно не разбираясь?

– Говори, – а вот это прозвучало уже как приказ, а не просьба.

– Они... они брали... её кровь...

– Кто?

– Те врачи... там... они брали её кровь... И всё...

– Как часто это было?

Элисса судорожно вздохнула и сжала мою рубашку сильнее.

– Дважды.

– Ты видела, что Эррин приходила только дважды и то, у неё брали кровь, больше она ничего там не делала? Верно?

Не глядя на меня, пара кивнула.

Блядь.

Сам факт её нахождения в лаборатории и того, что она скрыла это от меня, разумеется, был странным. Но. Я-то посчитал, что Эррин там работала! Что она могла причинять вред Элиссе и другим! И Элисса прекрасно понимала, как я воспринял её рассказ... И именно об этом умолчала тогда. Намеренно!

– Почему ты сразу не рассказала всё?

– Простите...

– Я не прошу извиняться, я прошу объяснить.

Элисса задрожала. И от того, что сидела в этот момент на моих коленях, я чувствовал её дрожь ещё сильнее. Вопреки тому, что сейчас ужасно злился на неё, осторожно погладил по спине.

– Ничего непоправимого не произошло. Говори же.

– Я думала, Вы с ней... ну...

– Это мы уже обсудили. Дальше.

– И что я ей не нравлюсь... и она скажет Вам... отвезти меня... И ещё она приходила туда... и я подумала...

Блядь! Блядь! Блядь! С этой девчонкой я никогда не перестану ругаться! Мне хотелось сломать что-то. Разбить. Стереть в порошок.

По сути, моя «милая» девочка умело манипулировала мной, знала, куда надавить и как всё преподнести, чтобы получить нужный ей результат. Это открытие было, мягко говоря, неприятным. С другой стороны, вроде как раскаивается сейчас в своём некрасивом поступке. Но если бы я не сдержался?! Что тогда...

С ужасом осознал, что правда мог убить Эррин. Я мог бы убить любого, на кого указала бы моя крошечная и, как я думал, безобидная Элисса. И ведь даже разобраться бы не стал, не позволил оправдаться. Просто убил бы...

– И ты решила, что лучший вариант, преподнести всё так,

чтобы я от неё отказался?

Она кивнула.

– И ты не подумала, что я могу избавиться от неё каким-то жутким способом, если посчитаю, что она тебя обижала?

– Простите... Я только сегодня... когда Вы сказали... Простите...

– Элисса, – я поднял её лицо за подбородок, – а что было бы, если бы я так и поступил? Ей бы помогли твои извинения?

Крупная капля упала с её щеки на мои пальцы.

– Нет... Простите... Я больше никогда так не буду... Я... не стану... Пожалуйста...

Заметив, что нам грозит новый виток истерики, хотел подняться, чтобы подать ей воды, и для этого попытался пересадить её с себя на диван, но она прильнула ко мне всем дрожащим телом, продолжая держаться за одежду.

– Пожалуйста, не отдавайте меня! Я не буду больше! Я буду молчать! Всегда. Обещаю. Никогда ничего не скажу больше. Простите...

В груди зашевелился зверь. Нам было невыносимо смотреть на неё в таком состоянии, ещё невыносимее видеть, что она считает, что откажемся от неё в любой момент. И это спустя больше года...

Приехали ровно в ту же точку, от которой отправлялись. Опять двадцать пять. Хотя с каждым разом причина всё серьезнее. Даже подумать теперь боюсь, что будет дальше.

Глава 47

Элисса не отпускала мою рубашку, жалась ко мне, и всё это кружило голову, заставляло думать, что её действия значат больше, чем просто страх перед возвращением в её личный кошмар. Моя рука, до этого спокойно придерживающая её за спину, теперь начала неосознанно поглаживать её поясницу, прижимая ко мне. Вообще весь я тянулся к ней, к маленькой, напуганной, своей...

– Тише, никто тебя никуда не отдаст, Элисса. Слышишь меня?

И мой надтреснутый голос сейчас говорил одно, но между строк читалось совсем иное. Пусть продолжает манипулировать, пусть врёт мне, делает, что вздумается, только... пусть так же льнёт ко мне, держится за меня. И она тоже понимала, что я хотел бы сказать ей на самом деле. Чувствовала, что именно я ощущаю. Уверен. Этот безумный ураган, заставляющий меня забыть обо всём на свете, лишь бы только обладать ею...

Поймал себя на мысли, что веду себя как цепной пёс, которому она может просто отдать команду, чтобы получить, что хочет, натравить на кого угодно. Которого держит на привязи, то расслабляя, то укорачивая поводок. И я согласен. Пусть. Пусть эта крошечная девочка управляет мной, пусть требует, что ей вздумается, я согласен исполнять... Что

угодно. Только бы взамен получать свою награду...

Мои объятия стали жестче, хоть и сдерживался из последних сил, чтобы не набрасываться. Но мой жар всё равно окутывал её, давление понималось, в ушах шумело. Ничего кроме маленькой фигурки на своих коленях я уже не видел и не ощущал. И уверен, что глаза горели уже далеко не злостью из-за произошедшего. Мне было уже плевать, что бы я мог сделать с Эррин или другими. Что она пыталась обмануть.

Когда Элисса подняла голову, и наши глаза встретились, она словно почувствовала мои внутренние желания и, крепко зажмурившись, потянулась к моим губам в неловком и крайне странном поцелуе. Целоваться она так и не научилась. Но эта мысль была сейчас не такой важной, как то, что она потянула меня на себя, чуть подаваясь назад. Не удержавшись от такого соблазна, я уложил её на диван, нависая сверху.

Её пальцы по-прежнему сжимали ткань моей одежды, а во рту я чувствовал вкус её слёз, которые слизывал с припухших приоткрытых губ. Элисса неровно дышала, продолжая всхлипывать, а я целовал её лицо, шею, плечи, сжимал одной ладонью её талию, а второй уже закидывал её бедро себе на торс. Словно послушная кукла она поддавалась этим манипуляциям, хоть и была напряжена до предела. Но тогда я думал, что возможно нам обоим стоит сейчас отвлечься и снять накопившийся стресс приятным способом.

Ведь наша связь не случайная, мы созданы друг для дру-

га в прямом смысле слова. Какие бы мы не были. Как бы не поступали. Но только вместе нам всегда будет хорошо... Я так долго ждал этого. Так сильно желал. Что не мог поверить, что всё происходит по-настоящему. Но оно происходило! Вот же она. Подо мной. Не убегает. Не кричит. Не просит оставить...

Поддавшись нахлынувшим чувствам и неожиданной, хоть и неумелой ласке, я шептал, что никогда не отдам её, что бы она не натворила, что всегда буду рядом, и даже ляпнул, что люблю её, целуя без остановки. Это всё была чистая правда. И я хотел, чтобы она её знала.

Едва не застонал, когда потёрся внушительным бугром на джинсах о её ногу. Уже представлял, как она будет прижиматься ко мне раздетая, как станет стонать и целовать в ответ... Но от этого моего движения Элисса будто окаменела. Перестала двигаться вовсе, даже губами. Просто лежала подо мной и не шевелилась. Совсем.

Только тогда на меня снизошло осознание, где я, с кем и что творю. А ещё резко вспомнил, что этому предшествовало. И понял... Она снова это сделала.

Снова управляла мной как мальчишкой. Крошечная девочка, которую я считал невинной и милой, вертела мной как марионеткой. Даже после того, как обещала больше так не поступать. Сама же, зная, как сильно я желаю близости с ней (даже слепой бы это заметил!), в момент, когда испугалась, что могу отказаться от неё или наказать, в первую оче-

редь использовала именно этот способ меня отвлечь и обезвредить. И нужно отметить, вполне успешно.

Только вот испугалась, когда поняла, насколько далеко всё может зайти. Или просто передумала, когда услышала, что чувствую к ней. Вроде как раз ей ничего не грозит, то зачем продолжать... В моей голове всё выстроилось именно в такую логическую цепочку.

И вместе с чувством неудовлетворённости и боли в паху меня снова накрыла ярость. Я прыгаю вокруг неё как заяц пасхальный, пытаюсь угодить, порадовать, защищаю её даже от себя, а она... Мало того, что считает меня чужим и боится до ужаса, так ещё и теперь вздумала так просто управлять мною, хитрить, изворачиваться. Даже соблазнять готова! Только бы делал, как она хочет!

Глава 48

Заметив в моих глазах праведный огонь, девочка попыталась выскользнуть из ставших жёсткими объятий, но я не пустил.

– Разве не ты сама начала это? – прорычал ей в губы.

Она замотала головой. Будто вообще не понимала, как оказалась тут в таком положении, и почему я так сильно злюсь. Просто святая невинность!

– За что ты так поступаешь со мной? Врёшь, играешь моими чувствами.

– Я не...

– Не хочу слышать новую порцию оправданий! Сколько раз тебе было сказано, что не отвезу тебя в лабораторию? Сколько, Элисса?! Но уже больше года я только это и слышу! Ты постоянно твердишь мне одно и то же. Зачем?! Ещё и пытаешься удержать вот так...

Окинул взбешённым взглядом распластанную её на диване.

– Неужели это единственный способ, который пришёл тебе в голову? Неужели нет других? Ты не пускаешь меня в свои мысли, не делишься со мной, зато вытягиваешь из меня информацию, заставляешь поступать так, как тебе удобно... Готова даже ноги раздвигать, чтобы получить своё.

Она задрожала и вновь попыталась отползти, но заёрзав,

задела бедром каменный стояк, и замерла, глядя в кои-то веки в моё лицо своими огромными глазами с большущими сверкающими каплями. Снова эти слёзы, выворачивающие наизнанку мою душу!

– Начала меня целовать, а дальше уже не готова? А если я стану настаивать теперь? Почему ты не думаешь о последствиях своих поступков?! Я не мальчишка, чтобы так играть со мной! Уже давно не! Но ты всё никак этого не поймёшь! Как мне тебе объяснить?! Или ты только через применение силы понимаешь?!

Я наклонился к ней и поцеловал так, как хотел, а не как обычно, идя ей на уступки. Жадно впивался в её губы, пытаюсь скользнуть языком внутрь, как вдруг ощутил боль и привкус крови. Своей крови. Она укусила меня!

Ошарашенно отстранился, выпуская от неожиданности её из захвата, и моя «безобидная, маленькая» пара воспользовалась моментом, выскользнув из-под меня, и бросилась вверх по лестнице в свою комнату. Сказать, что я охренел, значит, ничего не сказать.

Да, мне не стоило так себя вести. Но она не попросила остановиться, не заплакала, а укусила меня! Хотя сама начала вот это! Сама попыталась соблазнить! А теперь я виноват, что такой ужасный, смел целовать её! Да я всё это время был образцом поведения! Не трогал лишний раз, не говорил лишнего, чтобы не пугать! Не сдержался лишь однажды, но извинился и сам обрабатывал те гематомы! А она...

И хотя не собирался продолжать, всё равно отправился за ней. Кажется, мне нужно не только защищать её, но и всё же воспитывать. Разумеется, не так, как я делал только что (тут и мне не мешало бы самому себе всыпать по первое число, мозгом нужно думать, а не тем, чем я думал пару минут назад), а разговорами и убеждениями, но оставлять всё на самотёк точно нельзя. Это же вообще ни в какие ворота!

И вот совсем не ожидал, что, войдя в её комнату, увижу, как она стоит вместе со своей собакой посередине, ожидая меня... с пистолетом в руках. И в этот раз явно не показывает мне, как правильно она держит. Научил на свою голову!

Её руки трясутся так, что оружие ходит ходуном. Палец на курке то напрягается, то расслабляется. И кажется без её сознательного участия. Благо, пока не стреляет. В глазах – слёзы размером с мой кулак и животная паника. Будто я не целовал её только что, а пообещал отдать на растерзание целой толпе диких хищников.

Подняв руки вверх и чуть вперёд, я отступил и заговорил почти спокойно:

– Я пришёл обсудить всё. И наговорил лишнего, признаю. Опусть эту штуку, Элисса.

Но её дрожащие руки продолжали целиться дулом мне в грудь.

– Элисса, опусти оружие. Я тебе не враг. И ничего тебе не сделал. Давай просто поговорим с тобой, ладно? Ты не станешь пытаться манипулировать мной, а я не буду набрасываться.

ваться на тебя, как сумасшедший. Хорошо?

Она машинально кивнула, хотя я не был уверен, что услышала и поняла мои слова. Но стоило мне сделать осторожный шаг к ней, чтобы отобрать опасный предмет, как раздался выстрел, а в её испуганных глазах я увидел отражение красного пятна, которое расползается по моей груди. Даже усмехнулся, вспомнив, что это я же сам и научил её стрелять, я дал ей это оружие, а подставы ждал от членов прайда, но не от неё. Как-то совсем тупо – умереть от рук собственной жены, которую пытался защищать, а защищаться-то надо было от неё...

Но тут меня уже окутала слабость, перед глазами заплясали звёздочки. Покачнувшись, тяжело рухнул на колени, а потом завалился на бок, уже ощущая резкую боль в области сердца, и так и не успев стереть с губ горькую усмешку.

Последнее, что видел, перед тем как окончательно отключиться – бледное, словно фарфоровое личико своей маленькой пары, склонившейся надо мной.

Конец первого тома ♡

Вторая часть истории – [роман «Останься. В плену у зверя»](#), именно там нас ждёт ХЭ.

Чтобы не пропустить новые книги, можно подписаться на автора [здесь](#) и в группе Вк: https://vk.com/bykira_write ♡

